

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

212

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 г.

Выпуск
212

Главный редактор
В. В. СЕДОВ

Москва 2001

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии (КСИА)
Научный журнал по археологии
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия
В. И. Завьялов (ответственный секретарь),
Л. В. Кольцов, С. Н. Кореневский, В. Д. Кузнецов, Н. В. Лопатин,
В. В. Седов (главный редактор)

Техническое редактирование и верстка:
Н. В. Лопатин, И. С. Торопов

Подписано к печати 19.11.2001. Формат 70х100/16.
Усл. печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 9,75. Тираж 500 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
ЛР ИД № 03062 от 18.10.2000

Отпечатано в ОАО "Типография № 9"
109033 Москва, ул. Волочаевская, д. 40
(095) 362-89-59

СТАТЬИ

В. И. Завьялов, Л. С. Розанова, Н. Н. Терехова

АРХЕОМЕТАЛЛОГРАФИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (итоги изучения кузнечного ремесла в России за 1995–2000 годы)¹

Одним из основных методов в изучении истории кузнечного ремесла древних обществ является метод археометаллографии (археологической металлографии). Суть этого метода заключается в проведении металлографического исследования кузнечных поковок и использовании полученных данных для реконструкции технико-технологических процессов в кузнечестве той или иной культурно-исторической общности. Хотя этот метод в равной степени применим и к цветному, и к черному металлу, в данной статье будут рассмотрены достижения отечественной археометаллографии, связанные именно с историей черной металлообработки.

В настоящее время основные археометаллографические исследования изделий из черного металла в России проводятся группой археометаллографии (Н. Н. Терехова, Л. С. Розанова, В. И. Завьялов, М. М. Толмачёва) в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Работы нашей группы охватывают широкий круг проблем, как в хронологическом (практически от времени появления железных орудий до нового времени, т. е. более 3000 лет), так и в географическом плане (Европейская часть России).

Важным этапом в изучении древнего кузнечества стала коллективная монография «Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе» (Терехова и др., 1997). В ней подводятся итоги многолетних металлографических исследований отечественных ученых. Одним из основных итогов работы стало выявление основных рубежей в истории кузнечного производства. Намечены этапы развития техники обработки черного металла со времени первого знакомства населения с самородным – метеоритным – железом, освоения металлургических способов получения черного металла до развитого средневековья. Дан сравнительный анализ техники железообработки в хронологическом и культурно-этническом аспектах, прослежены закономерности развития кузнечества в различных регионах. Достоверность выводов базируется на экспериментальных данных, позволивших получить эталонные образцы для каждой стадии металлургического и технологического процессов.²

Накопленный банк аналитических данных (более 10000 анализов) позволил нашей группе ставить и решать проблемы не только технологического, но и историко-культурного плана.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант 01-06-80322.

² См. рецензии на книгу (Смирнов, 1998; Бгажба, 1999).

В качестве многолетнего перспективного научного направления в последние годы (1995–2000) было выбрано исследование традиций и инноваций в кузнечном производстве как отражения культурных взаимодействий. С этих позиций решались следующие проблемы: пути формирования традиций и роль инноваций в культурных контактах, кузнечные традиции варварского мира и влияние на них античного кузнечества, специфика и взаимодействие ремесленных центров в эпоху средневековья.

Объемная работа, затрагивающая проблемы традиций и инноваций, была проведена нашим коллективом на материалах из финно-угорских памятников. Полученные результаты позволили утверждать, что инновационные импульсы в сфере железообработки – свидетельство разнообразных контактов, прослеживаемых на протяжении многовековой истории финно-угорских племен, не получают, как правило, развития в местной среде. Финно-угорский мир представляется в области производства весьма консервативным. Инновации в кузнечестве не вписываются в существующую культурно-производственную модель. Лишь в тех случаях, когда носители иных технических традиций становились частью местного населения, можно наблюдать восприятие технологических новшеств (Розанова, Терехова, 1996; 2000а; 2000б; Завьялов, 1996а; 1998; 1999; 2000а; 2000б; Башенькин, Розанова, Терехова, 1999).

В рамках указанного выше направления осуществлялось исследование особенностей взаимодействия ремесленных центров в разных регионах Северо-Восточной Руси. Полученные данные позволили заключить, что во взаимодействии различных ремесленных центров существенную роль наряду с географическими и хронологическими факторами играли устойчивость местных традиций и степень вовлеченности конкретного ремесленного центра в широкую сферу торговых связей. Весьма заметное воздействие на производство оказал такой важный в истории восточноевропейского населения процесс, как славяно-русская колонизация Волго-Клязьминского междуречья и Белозерья. В кузнечестве это выразилось в распространении специфических технологических схем – различных технологий наварки стального лезвия на железную основу. Эти наблюдения, прежде всего, относятся к центральному региону Северо-Восточной Руси, где древнерусские традиции становятся доминирующими уже в XI в.

Что касается периферийных регионов, в частности Белозерья, то, несмотря на проникновение сюда групп славянского населения уже в X в., существенная смена технологических традиций происходит здесь лишь в начале XIII в. Мы связываем указанные изменения с расселением в Белозерье носителей технологий наварки из центральных районов Древней Руси.

Следующий блок вопросов имеет отношение к эпохе античности. В результате многолетнего сотрудничества с исследователями античных памятников был выполнен цикл работ, посвященных проблемам взаимодействия варварского мира и древнегреческих городов в сфере производства. Металлографическому изучению подверглись материалы из памятников юго-восточной периферии Боспора. Одной из задач, на решение которых направлено это исследование, была задача выяснения роли боспорской колонизации в развитии местной железообработки.

На основании проведенных археометаллографических исследований установлено, что местные кузнечные традиции формируются в V в. до н. э. Они характеризуются использованием простых технологических приемов и имеют достаточно консервативный характер. Инокультурные воздействия, в том числе и со стороны античного мира, не фиксируются в местном кузнечестве ранее I в. до н. э. Определенные изменения наблюдаются лишь на рубеже эр (Малышев, Розанова, Терехова, 1997; 1999; Новичихин, Розанова, Терехова, 2001).

Продолжаются археометаллографические исследования по проблемам культурных контактов северокавказских племен в эпоху раннего железного века (Терехова, 1996; 1999; Терехова, Эрлих, 2000а; 2000б).

Большое внимание сотрудниками кабинета традиционно уделяется археометаллографическому изучению материалов конкретных древнерусских памятников (Завьялов, 1996б; Розанова, 1997а; 1997б; 1998; Терехова, 1997; Панова, Розанова, Терехова, 1997).

Работа сотрудников лаборатории не ограничивается только исследовательской деятельностью. Большое значение имеет подготовка археологов, применяющих в своих штудиях методы и данные археометаллографии. Важным результатом этой работы стали две кандидатские диссертации, подготовленные в кабинете металлографии.

Следует отметить исследования *Ю. А. Семыкина* (Ульяновск), посвященные кузнечному ремеслу Волжской Болгарии (Семыкин, 1996; 1997). Автор убедительно доказал, что кузнечество волжских болгар прошло путь развития от ремесла, обслуживающего потребности отдельных племенных групп, до развитого ремесленного производства – основы экономики Волжской Болгарии. Определенное влияние на ранних этапах формирования ремесленных традиций этого государства оказали традиции кузнечного производства кочевого болгарского населения Хазарского каганата, а также некоторых племен финно-угорского мира. Многие работы Ю. А. Семыкина основаны на собственных экспериментальных данных, что придает им особую ценность.

Интересная работа, посвященная кузнечному ремеслу Пскова, была выполнена *Т. Ю. Закуриной* (Псков). Исследования автора вносят заметный вклад в изучение кузнечества древнерусских городов (Закурина, 1997; 1998; 2000). В своих работах Т. Ю. Закурина использует комплекс различного вида источников (нарративные, археологические, топонимические, археометаллографические). Такой подход позволил проследить динамику расселения ремесленников на фоне роста городской территории на протяжении более восьми веков.

В рассматриваемый период неоднократно предпринимались попытки по созданию археометаллографических лабораторий в периферийных научных центрах. Однако в большинстве случаев они оканчивались неудачей. Это объясняется, прежде всего, сложностью археометаллографического метода (овладение которым при постоянном контакте и при руководстве опытных специалистов требует нескольких лет), его трудоемкостью и необходимостью приобретения дорогостоящей аппаратуры. Поэтому более оправданным оказался путь проведения археометаллографических исследований на базе Лаборатории естественных методов ИА.

Из периферийных научных центров, где в последние годы активно проводились археометаллографические изыскания, следует отметить Ижевск и Кемерово.

В Удмуртском государственном университете (Ижевск) *С. Е. Перевоицковым* была выполнена работа, посвященная железообрабатывающему производству населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (Перевоицков, 2000). В научный оборот введены металлографические данные по материалам памятников V–XIII вв. средней Вятки и Сылвенского поречья, а также памятников XII–XVII вв., соотносимых с удмуртским, марийским и русским населением.

Плодотворная работа по изучению истории черной металлургии и металлообработки народов Западной Сибири ведется *Н. М. Зиняковым* (Кемерово). Результаты многолетних исследований нашли отражение в книге «Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири» (Зиняков, 1997). В монографии показан уровень железной индустрии и эволюция кузнечной технологии в археологических культурах Западной Сибири в широком хронологическом диапазоне от середины I тыс. до н. э. до середины II тыс. н. э., т. е. с момента зарождения железопроизводства у местного населения до начала освоения Западной Сибири русскими. Введение в науку нового археологического и аналитического материала из сибирских памятников крайне важно, поскольку тем самым рас-

ширяются границы наших познаний в сфере древнего кузнечного производства на территории России.

К сожалению, информация об исследованиях других археометаллографических лабораторий скудна и отрывочна. Заметно снизились темпы работ (активно проводившихся в 80-х – начале 90-х гг. XX в. в Уральском университете) по истории средневекового кузнечного ремесла зауральских племен (А.П. Зыков, Екатеринбург). Отсутствуют публикации (по крайней мере, в центральных изданиях) исследований железных поковок средневекового населения Южного Урала (эти исследования проводятся С.В. Рязановым, Уфа).

В целом же, можно констатировать, что археометаллография, активно использующаяся при изучении древнего кузнечества, является полноценным историческим источником, рамки которого по мере накопления данных все более расширяются. Успехи в анализе подобного источника и получение плодотворных результатов во многом зависят от комплексного подхода к решению проблем, от консолидации усилий различных исследователей, тесных контактов между ними.

ЛИТЕРАТУРА

- Башенькин А.Н., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1999. Кузнечное дело финно-угорского населения Белозерья до славянской колонизации // РА. № 4.
- Бгажба О.Х., 1999. Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачёва М.М. Очерки по истории железообработки в Восточной Европе. М., 1997 // РА. № 1.
- Завьялов В.И., 1996а. Русские инновации в кузнечном ремесле перми вычегодской // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 1. Сыктывкар.
- Завьялов В.И., 1996б. Железные изделия из памятников Белозерья // РА. № 4.
- Завьялов В.И., 1998. Древнерусские инновации в кузнечном ремесле пермских народов // Общество, экономика, культура и искусство славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. М.
- Завьялов В.И., 1999. Итоги изучения железных изделий Мокинского могильника // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск; Глазов.
- Завьялов В.И., 2000а. Кузнечное производство на средневековых памятниках Верхнего Прикамья (родановская культура) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.
- Завьялов В.И., 2000б. Комплекс деревообрабатывающих инструментов из 481 погребения Варнинского могильника // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. Материалы научной конференции. Ижевск.
- Закурина Т.Ю., 1997. Из истории железообрабатывающего ремесла в средневековом Пскове // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. I. СПб.
- Закурина Т.Ю., 1998. Железообрабатывающий комплекс в Среднем городе Пскова // РА. № 3.
- Закурина Т.Ю., 2000. Железообрабатывающее ремесло Пскова (X–XVII вв.) // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Псков.
- Зиняков Н.М., 1997. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово.
- Малышев А.А., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1997. Наступательное вооружение из погребений I–III вв. н. э. Цемдолинского могильника // РА. № 1.
- Малышев А.А., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1999. Воинские захоронения в могильнике скифского времени из Цемесской долины // Историко-археологический альманах. Армавир; М.
- Новичихин А.М., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2001. Технология производства предметов вооружения из памятников VI–IV вв. до н. э. на территории Синдики (по материалам Анапского археологического музея) // Историко-археологический альманах. № 7. Армавир; М.
- Панова Т.Д., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1997. Новые свидетельства производства железа на территории Московского Кремля в XIII–XV вв. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. СПб; Псков.
- Перевошиков С.Е., 2000. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск.
- Розанова Л.С., 1997а. К вопросу о технологии изготовления железных изделий в средневековом Пскове (по материалам Довмонтова города) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. СПб; Псков.
- Розанова Л.С., 1997б. Традиции в технологии железообработки Изборска // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М.
- Розанова Л.С., 1998. Результаты металлографического исследования железных изделий из Изборской крепости // Артемьев А.Р. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1996. Пути формирования традиций кузнечного ремесла у финно-угров // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть II. Уфа.

- Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1999. Ремесленные центры на периферии Северо-Восточной Руси // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В.Ломоносова. М.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2000а. Культурные контакты азелинских племен (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2000б. Кузнечные традиции летописных финно-угров: к проблеме культурных контактов // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. Материалы научной конференции. Ижевск.
- Семыкин Ю.Б., 1996. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Семыкин Ю.Б., 1997. Черная металлургия и металлообработка Волжской Болгарии (раннеболгарский и домонгольский периоды) // Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Смирнов К.А., 1998. Рец. на кн.: Н.Н.Терехова, Л.С.Розанова, В.И.Завьялов, М.М.Толмачёва. Очерки по истории железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия. 1997 // Вестник РГНФ. № 1.
- Терехова Н.Н., 1996. Черный металл из предскифских комплексов Прикубанья и Пятигорья – проблемы культурных контактов // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. М.
- Терехова Н.Н., 1997. Результаты металлографического исследования кузнечных изделий предскифского и скифского времени из памятников Пятигорья и Чечни // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Армавир.
- Терехова Н.Н. 1999. К вопросу о происхождении черного металла из могильника Фарс/Клади // Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клади. М.
- Терехова Н.Н. и др., 1997. Очерки по истории железообработки в Восточной Европе. М.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2000а. Древнейший черный металл на Северо-Западном Кавказе (к проблеме выделения традиций) // Скифы и Сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р., 2000б. К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 212. 2001 год.

А. А. Масленников

К ИСТОРИИ УЗУНЛАРСКОГО ВАЛА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Тема древних оборонительно-пограничных земляных сооружений Северного Причерноморья в последнее время, благодаря, прежде всего, комплексным исследованиям Восточно-Крымской экспедиции ИА РАН, звучит достаточно часто. Особенно примечателен в этом плане Восточный Крым, где уже выявлено около десятка такого рода построек. Среди них т. н. Узунларский или Аккосов (Турецкий) вал на Керченском полуострове остается, пожалуй, самым значительным и известным. Напомним, что он пересекает указанный полуостров почти посередине с севера на юг (от Азовского моря до Черного). Этот вал (и ров) многократно посещался, описывался и интерпретировался в самых разных изданиях и публикациях XIX–XX вв. Определенную лепту в его изучение внесли и работы автора данной статьи (Масленников, 1983, с. 14 сл.; 1994, с. 176–184; 1998, с. 217–230). Не останавливаясь на всем этом подробно, перейдем к рассмотрению некоторых, как нам представляется, наиболее презентабельных результатов самых последних изысканий. Отметим попутно, что они проводятся в рамках особой программы, включающей в себя помимо традиционных раско-

пок топографо-картографические, архивные, палеоботанические, магниторазведочные и радиоуглеродные исследования, эксперименты и анализы. В данной связи, назовем только имена наиболее связанных с данной тематикой специалистов – Т. Н. Смекаловой и Л. Д. Сулержицкого, – которым автор выражает глубокую признательность.

Итак, в 2000 г. в ходе работ в северной части Узунларского вала (от Азовского моря до железной дороги Керчь – Владиславовка), включавших в себя тщательные визуальные обследования его и ближайших окрестностей, обмеры, топографические и магниторазведочные съемки и измерения, сбор образцов растений и взятие проб на палеоботанический и радиоуглеродный анализ, были проведены и небольшие археологические раскопки. Один из объектов последних – курганообразная насыпь, расположенная примерно в 2,1 км от северной оконечности и в 55 м к востоку от разрушенного участка насыпи указанного вала. Здесь, на относительно ровной местности (очень невысоком местами скалистом плато) еще несколько лет назад была отмечена небольшая курганообразная возвышенность. Этот холм диаметром около 28–32 м и высотой не более 2 м имел неправильные очертания и сильно заплывшую яму (2 x 25 м и глубиной до 0,5 м), которая занимала пространство большей части его западной половины. Поверхность была задернована, а у основания южной половины устроена современная свалка мусора. Датировка упомянутой ямы временем Отечественной войны 1941–1945 гг. была подтверждена уже в начале раскопок обнаружением в ней на небольшой глубине многочисленных гильз и пулеметных лент. Кроме того, в нескольких десятках метрах к западу сохранился и ряд окопов. (Попутно, можно отметить, что на месте снесенного участка вала и вблизи него встречены фрагменты амфор, в том числе ручка гераклейской глины, видимо, IV в. до н. э.). Именно данные обстоятельства и не позволили получить хороших результатов при проведении здесь предварительной магниторазведки. Точные координаты данного объекта по GPS – широта: 45,3641, долгота: 36,0715 (измерения С. Л. Смекалова).

Раскопки сразу были начаты согласно обычной методике работ на поселениях, т. е. поквратно, с оставлением бровок между ними. Четыре первоначальных квадрата были разбиты в центре насыпи и сориентированы сторонами по частям света. Бровки сохранялись практически до конца работ, что позволило получить дополнительные разрезы и полные профили заполнения открытых помещений. Впоследствии, раскоп пришлось несколько расширить во всех направлениях, в результате чего площадь его составила около 175 м². Грунт снимался повсеместно по штыкам, с последующей зачисткой поверхности, а затем, по мере выявления помещений, внутри них и особо за пределами внешних стен постройки. Отдельно фиксировались находки из слоя, непосредственно предшествовавшего полу помещений и из предматерикового слоя вне здания. За нулевую отметку при определении высот в данном случае был принят уровень пола, достаточно хорошо сохранившийся на значительной части площади помещений. Надо сказать, что в ходе раскопок, практически в одном и том же месте, в основном в предматериковых горизонтах, к северу от открытого здания, было встречено более десятка отщепов, небольших нуклеусов, вкладышей и даже обломков ножа (?) из темно-серого и светло-коричневого кремня. А уже внутри помещений, на полу – два обломка каменных шлифованных топоров. Разумеется, эти вещи могли использоваться в утилитарных либо культовых целях и в античное время, но не исключено также, что постройка, о которой пойдет речь ниже, была возведена на кургане эпохи бронзы. Естественно, соответствующее погребение при этом было полностью разрушено. В пользу этого говорит и тот факт, что в относительно небольшом удалении от данного места (от нескольких сот метров до 1,5–2 км к северу, югу и, главным образом, – к востоку) имеется несколько курганных насыпей. В основном, они невелики по размерам, но близ северной оконечности вала (приблизительно в 150 м к востоку) находится и

довольно крупный курган высотой не менее 4 м и диаметром до 50 м. Именно в нем, еще в конце 60-х, начале 70-х годов автор видел разграбленные плитовые могилы впускных погребений. Одна из них, самая большая и глубокая, имела на плитах изнутри орнамент в виде полос или «елочек», нанесенных черной краской. Глубокая древность такого рода захоронений (эпоха кеми-обинской культуры) не вызывает сомнений. Примечательно, что от раскопанного объекта данный курган отделяло расстояние в 1,75–1,8 км (т.е. около 10 аттических стадий).

Стратиграфия слоев на исследованной площади достаточно показательная и сложная в районе открытого здания, весьма проста (два-три слоя) на пространстве к югу и западу от него. Как правило, под нетолстым (до 0,1–0,25 м) серым, рыхлым слоем гумуса следовал светло-коричневый, умеренно рыхлый, сухой суглинок. Мощность этого слоя колебалась от 0,2 до 0,64 м. Последний показатель относился и к пространству над зданием. В ряде мест, прежде всего, к западу и северо-западу от уже упоминавшейся ямы-воронки или окопа, верхний его горизонт был перекрыт нетолстым (до 0,25 м) слоем светло-серого, рыхлого суглинка (поздний выброс).

Ниже – почти повсеместно выделялся весьма характерный слой, связанный, скорее всего, с разрушением данной постройки. Это достаточно плотный и влажный глинистый грунт, зеленовато-желто-коричневого цвета с прослойками известняковой крошки – типичный развал сырца. Местами даже можно проследить их размытые очертания. Особенно мощен этот развал внутри помещений (до 0,7 м). Снаружи (пожалуй, кроме южной стены) он тоже заметен (до 0,2–0,3 м). Но ярче всего представлен к северу от соответствующей стены постройки. Во всех перечисленных слоях число находок в целом незначительно. Это обломки светлоглиняных и красно-розовоглиняных амфор с двустольными ручками, красноглиняных кувшинов, сероглиняных блюд с темно-лощеной поверхностью, лепных сероглиняных горшков. Отметим также ножку амфоры фасосской глины IV в. до н.э. Некоторые из находок носили следы пребывания в огне (подробный и тщательный анализ всех и прежде всего керамических находок не входит в задачу данной публикации, где мы ограничимся лишь их общей характеристикой).

Далее, (т.е. глубже) за пределами здания следовали слои и прослойки светло-сизой и светло-коричневой супеси (толщиной до 0,25 м); темно-серого, рыхлого с известняковой крошкой (до 0,15 м); желтоватого, глинистого (до 0,2 м); коричневого, плотного (до 0,1 м); светло-серого, почти сизого с мелким щебнем и известняковой крошкой (до 0,2 м); темно-серого, рыхлого со щебнем суглинка и даже сплошного, светлого мелового грунта. Они чередуются, как правило, в перечисленной последовательности, но есть и отклонения. Их повсеместно подстилает относительно ровный выход материковой скалы или очень плотного щебня. Лишь на небольшой площади к северу от стены, в скале расчищена глубокая (до 0,4 м) и достаточно широкая трещина, заполненная темно-серым, а затем – светло-серым, рыхлым суглинком со щебнем, особенно многочисленным в нижнем горизонте. Эти слои также отнюдь не были насыщены находками (в основном это фрагменты амфор). Таким образом, толщина культурного слоя непосредственно вне стен здания составляла от 0,4–0,5 м к югу, до 0,8–1,2 м к востоку и западу и 0,8–1,65 м к северу. Примечательно, что практически нигде на этой площади не встречено сплошных завалов камней от разрушенных стен, хотя, конечно, отдельные, в том числе и весьма солидные камни, попадались. К описанию нижележащих слоев заполнения помещений постройки и соответствующих находок мы вернемся после характеристики всех строительных остатков.

Надо сказать, что их сохранность в целом вполне удовлетворительная (рис. 1–5). Более того, можно даже утверждать, что, по-видимому, уцелела большая часть каменной кладки стен. Развалы сырцовых кирпичей не поддавались спе-

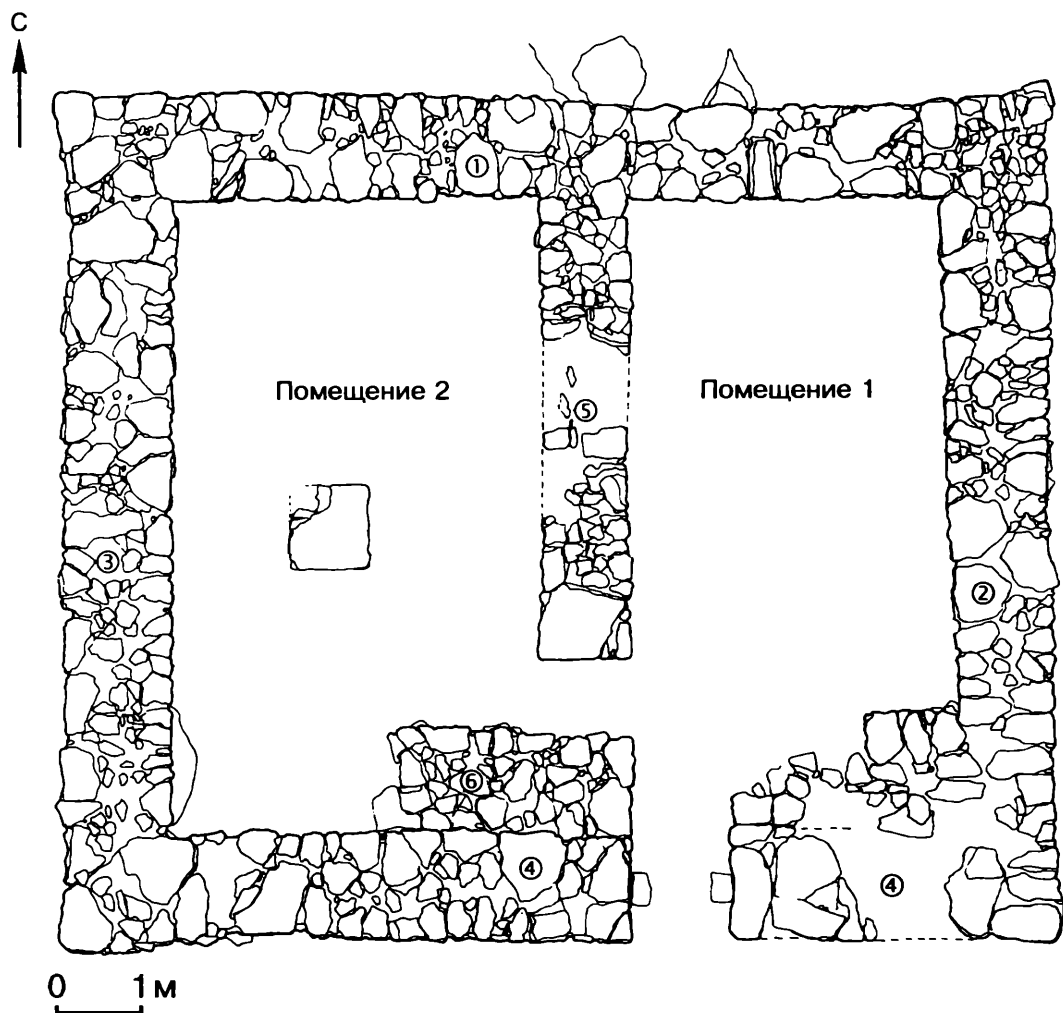

Рис. 1. План раскопанной «башни».

циальной зачистке. Трудно даже говорить об их размерах. Разве, что толщина составляла приблизительно 0,08 м. Отметим еще раз почти полное отсутствие сплошных каменных завалов и внутри здания. Исключением являлось лишь пространство перед южной стеной. Последняя была наиболее разрушенной и, кроме того, здесь перед ней, изнутри, имелась особая каменная конструкция. Напомним также, что неоднократно упоминавшейся воронкой была серьезно разрушена (почти точно в центральной части) внутренняя стена, делившая все пространство постройки на два почти равных по площади помещения.

Почти все раскопанные стены, сложены в двухрядной, трехслойной, иррегулярной кладке на растворе глины в основном из средних (0,35 x 0,4 x 0,29 м, 0,5 x 0,43 x 32 м и т. п.) и мелких необработанных известняковых камней. Лишь по углам кладки внешних стен и кое-где в других местах использованы относительно крупные камни (0,92 x 0,85 x 0,65 м и т. п.). Повсеместно, основания стен покоятся на материковой скале или даже немного впущены в слой предматерикового щебня. Глубина их залегания различна и колеблется от 0,5 до 1,6 м от современной дневной поверхности. Верхние камни на наиболее сохранившихся в высоту участках стен лежат на глубине от 0,15 до 0,4 м. Все стены (кроме стены 6) построены впереплет друг с другом и очень близки по своим основным характеристикам и параметрам.

Стена 1 (северная) имела длину по внешнему фасу 12,2 м; 9,4 м по внутреннему и ширину 1,15–1,3 м (тоньше всего в центре). В высоту она сохрани-

лась от 0,7–0,8 м по краям до 1,5 м в центре кладки, в которой прослежено до 7 рядов, впрочем, «читаемых» весьма неотчетливо. Следуя рельефу материковой скалы, основание стены лежит не горизонтально, а как бы опускаясь на востоке и западе. Впрочем, это верно только в отношении внешнего ее фаса. В целом, оба они ровные, вертикальные. Щели местами хотя и велики (до 0,06 м), но по возможности были заложены глиной или щебнем и, скорее всего, не нарушали прочности кладки.

Стена 2 (восточная) имела длину по внешнему фасу 10,4 м, а по внутреннему – 6,2 м (частично, на юге, вероятно, впереплет к ней пристроен торец стены 6). Ширина ее плавно возрастает с юга на север от 1,1 до 1,3 м. В высоту стена сохранилась очень неравномерно: от 0,3 до 0,9 м (один-четыре ряда кладки). Основание поκειται на достаточно ровном горизонте материковой скалы. Фасы ровные, вертикальные. По всем прочим характеристикам она, как и другие стены, не отличается от только что описанной северной стены.

Стена 3 (западная) имела длину по внешнему фасу также 10,4 м и по внутреннему – 7,8 м. Ее ширина практически одинаковая: 1,3 м, сохранившаяся высота: по большей части 0,6–0,7 м, но максимальная – 0,9 м. Фасы ровные, вертикальные. Основание также лежит на почти горизонтальной скале.

Стена 4 (южная) имела длину соответственно: 12,2 и 9,8 м. Но при этом надо учитывать, что это общая длина. В этой стене имелся проход – вход внутрь постройки шириной 1,2 м, который начинался в 4 м от юго-восточного внешнего угла здания. Таким образом, длина каждого отрезка стены была 7,1 и 4 м. Ширина ее составляла 1,28–1,33 м при сохранившейся высоте 0,4–0,76 м. Однако кладка ее внешнего фаса на восточном участке практически не сохранилась. Основание стены поκειται на относительно ровном выходе скалы. Фасы также ровные и вертикальные. Проход оформлен более крупными и отчасти оббитыми или специально подобранными «ровными» камнями. Особенно выделяется прямоугольный блок в торце восточного участка стены № 4 (1,1 x 0,41 x 0,44 м). Непосредственно в районе прохода скала явно была выровнена, а почти в центре его, у торца стен, были уложены два подквадратных (0,36 x 0,29 x 0,12 и 0,4 x 0,31 x 0,13 м) камня, вероятно, связанных с устройством дверного проема.

Стена 5, как уже было указано, служила внутренней перегородкой двух помещений. Изначальная длина ее: 5,5 м при ширине 1,1 м. Почти полностью разрушенная в центре на протяжении 2–3 м, она все же неплохо сохранилась в высоту по краям, где достигает 1,3 м (на южном участке) и 1,9 м (на северном). В кладке в основном использованы менее крупные камни, чем во внешних стенах здания. Но в торцевой части вложен довольно большой блок размером: 1,0 x 1,06 x 0,41 м. Основание стены также почти горизонтальное, а фасы даже более ровные и вертикальные, и с меньшими щелями, чем у вышеописанных стен. К тому же, они явно были более тщательно заделаны глиной. Между ее южным торцом и стеной № 6 существовал проход из одного помещения в другое шириной 0,9 м.

Стена 6 самая плохо сохранившаяся и странная. Она пристроена впритык к стене 4, причем не по всей длине последней и также состоит из двух разделенных входом отрезков. Длина восточного – 2,7 м при ширине 1,4 м, но восточный участок ее, особенно по внутреннему фасу, совершенно разрушен. В высоту стена сохранилась здесь максимально на 0,9 м. Западный участок уцелел несколько лучше. Длина его 1,64–1,8 м, ширина 1,2 м, высота 1–1,1 м. По характеру кладки и подбору камней эта стена скорее аналогична стене 5. О ее назначении судить сложно, но, по-видимому, она служила основанием для «маршей» лестницы, которая вела на второй этаж здания. Естественно, она была первоначально выше и значительный развал камней именно в районе прохода между помещениями и внешнего входа в здание отчасти подтверждает это. Разрушалась она постепенно. Во всяком случае, плотное скопление камней непосредственно к западу и северо-западу от соответствующего края этой стены лежит

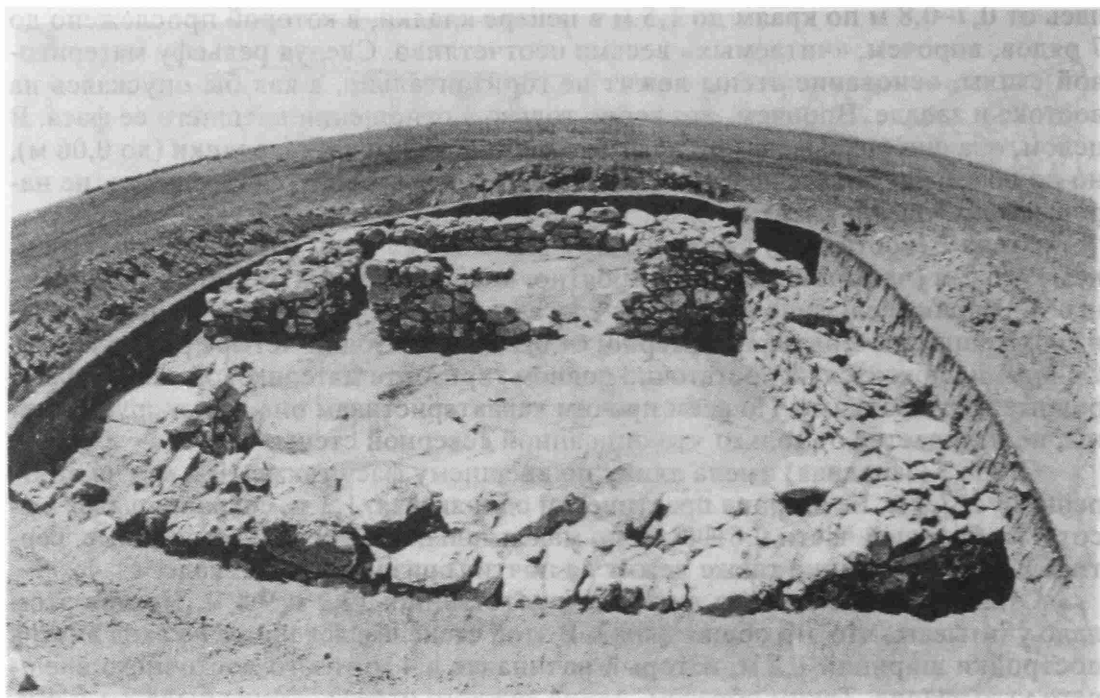

Рис. 2. «Башня», вид с востока.

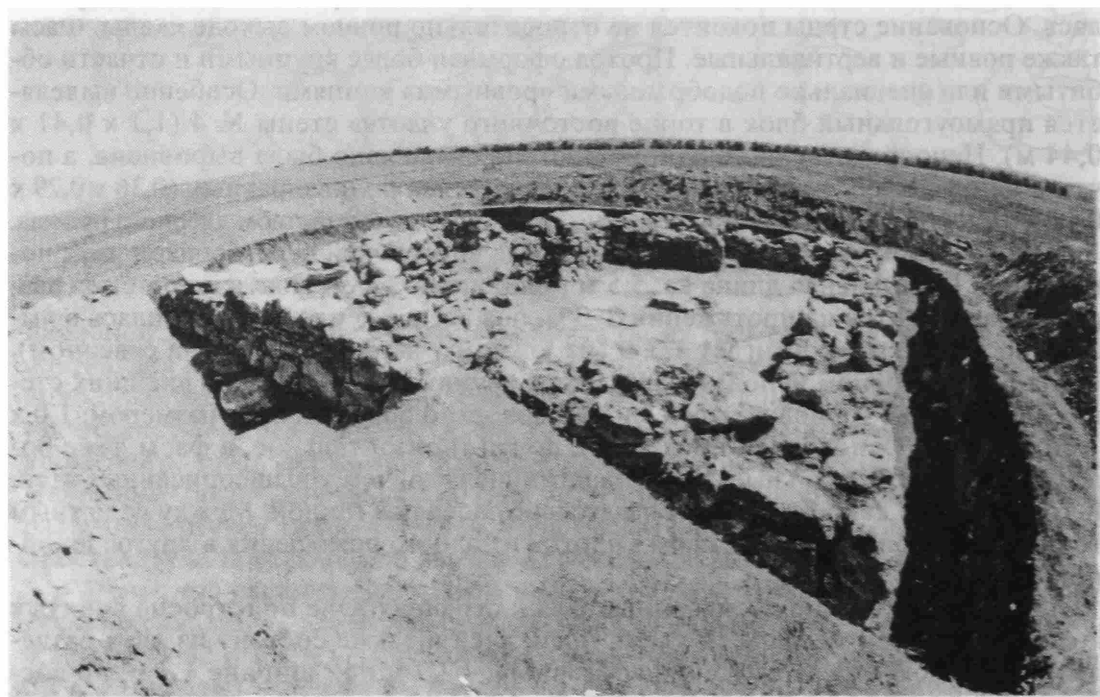

Рис. 3. «Башня», вид с северо-запада.

не на уровне пола помещений, а над ним, на слоях грунта, в том числе горелого и очень насыщенного керамическими обломками, то есть того же, что покрывал пол помещений на остальном пространстве здания. Мощность этих слоев составляла здесь 0,45–0,52 м.

Теперь вернемся к описанию заполнения и находок внутри двух помещений раскопанного здания. Восточное помещение 1 имело площадь 3,8 x 6,2 м; западное – № 2 – 4,5 x 7,8 м. Непосредственно над полами выделяется прослойка

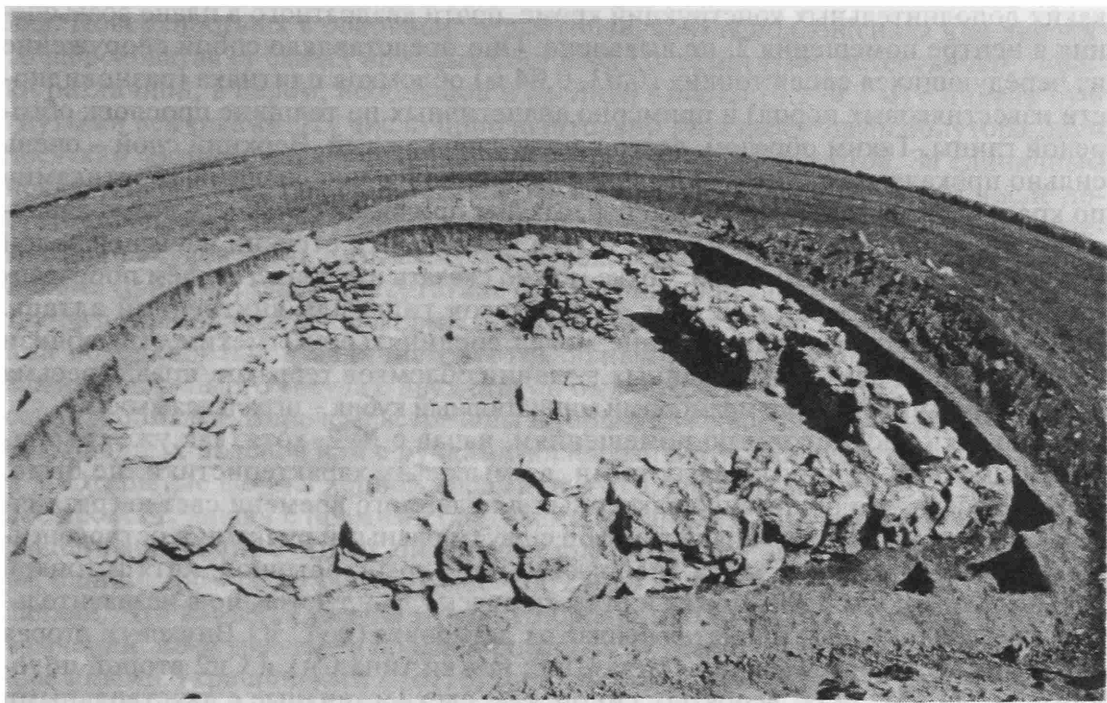

Рис. 4. «Башня», вид с запада.

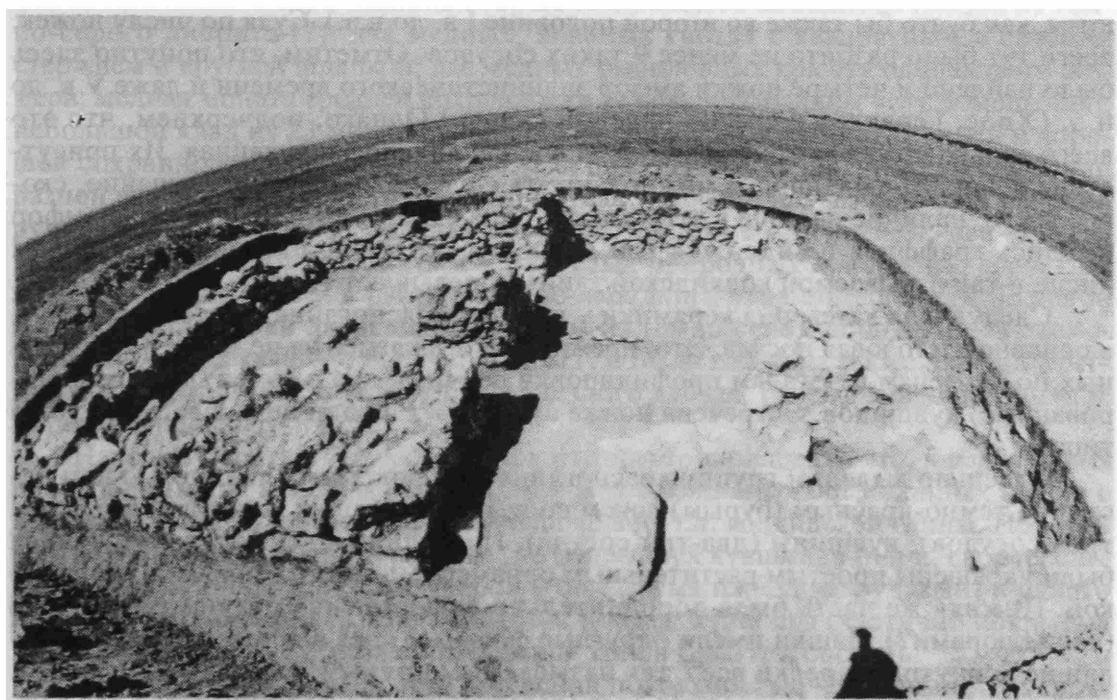

Рис. 5. «Башня», вид с юга.

разнородного по цвету, но в основном серо-коричневого, местами пепельно-серого или даже сплошь охристо-пепельного, золистого, влажного суглинка с очень большим количеством керамических обломков. Последние, в целом, средней измельченности и почти незаизвесткованные. Мощность этого слоя составляет 0,15–0,2 м. О состоянии и характере пола выше уже писалось.

Характер заполнения помещений в предпольном горизонте в основном одинаковый. То же можно сказать и о наборе, количестве и состоянии находок. Ни-

каких дополнительных конструкций кроме, почти квадратного в плане возвышения в центре помещения 2, не выявлено. Оно представляло собой сооружение из чередующихся слоев тонких (0,03–0,04 м) обломков плитняка (разновидности известняковых пород) и примерно аналогичных по толщине прослоек обгорелой глины. Таким образом, всего по два слоя каждый. Верхний слой – очень сильно прокаленной глины не только ровный, но и с небольшими «бортиками» по краям. Размеры этого возвышения: 1 x 1 м при высоте 0,25 м. Северо-западный угол разрушен. Грунт вокруг него в наибольшей степени насыщен золой или вообще сильно обгорелый. То же можно сказать и о прилегающем пространстве пола. Перед нами или очаг «открытого» типа, или внутренний алтарь. Впрочем, обе эти функции вполне могли соединяться. Отметим, что вблизи найден один из двух обнаруженных в здании обломков терракот, правда весьма невыразительный, а также мраморный миниатюрный кубик – игральная «кость».

Находки рассмотрим по помещениям, начав с № 2, хотя, как уже говорилось, заметной разницы между ними, в смысле их характеристики, не было. Прежде всего, это обломки характерных для данного времени светло (различных оттенков) и розовоглиняных амфор с двустольными ручками и остроконечными ножками. Есть и части аналогичной амфоры с обычной, хотя и тонкой ручкой. Формы венчиков, ножек и отчасти ручек варьируются, но в незначительных пределах. Общая, принятая сейчас их датировка (по С. Ю. Внукову): вторая половина I в. до н. э. (венчики типа С1 а.; ножки типа Сн1 и Сн2 второй половины I в. до н. э.; есть, вероятно, синопские, светлоглиняные с двустольными ручками, но нет фрагментов амфор типа Сн3, характерных для I в. н. э. и так называемых «широкогорлых с профилированными ручками»), которые появляются, как будто бы также во второй половине I в. до н. э.). Судя по числу ножек, всего тут было разбито не менее 9 таких сосудов. Отметим, что попутно здесь было найдено и четыре ножки амфор эллинистического времени и даже V в. до н. э. (Хиос, Гераклея и светло-красной глины.) Однако, подчеркнем, что это всего только ножки, к тому же одна, явно специально заглаженная. Их присутствие в данном слое вполне можно считать случайным, хотя не случайно, скорее всего, наличие вообще в этом месте, близ вала. На стенке одной из амфор имелись граффити в виде букв Е и А. Общее же число стенок амфор (в том числе и так называемой колхидской глины) превышает тысячу.

Следующая категория керамики – простая красноглиняная, тонкостенная, в основном, столовая посуда. Это, прежде всего, фрагменты не менее 15 различных по размерам и деталям профилировки венчика, дна и ручек (все профилированные) кувшинов. Встречена ножка амфориска и один целый сосудик этого типа.

Отдельно выделим группу красноглиняных, покрытых полностью или частично темно-красным (бурым) лаком сосудов. Это чашки и тарелки (не более трех сосудов), кувшины (два-три сосуда). Последние в верхней части тулова были украшены простым растительным орнаментом, выполненным белой краской. Нижняя же часть была дополнительно «оформлена» редким рифлением (каннелюрами?). Чашки имели округлые формы и края венчиков, слегка заходящие вовнутрь. Тарелки все с так называемым прямым, высоким бортиком и ручками «бантиком». Последние располагались строго по уровню края венчика.

Характерную группу столовой посуды составляли сероглиняные, гончарные тарелки и чашки с темной поверхностью. Первые имели относительно невысокий прямой вертикальный бортик. Всего здесь было разбито не менее трех таких сосудов. Помимо них встречены фрагменты аналогичного кувшина и обранной почти целиком чаши с канелированной поверхностью.

Укажем также на часть красноглиняного флакона и два куса обгорелой, красноглиняной черепицы (соленов).

Весьма значительный процент составляли обломки лепной посуды. Все это серо-коричневоглиняные с включением шамота и измельченной ракушки изде-

лия. Поверхность их в основном заглаженная, иногда подлощенная или нарочито шероховатая (у самых крупных сосудов). Господствуют, естественно, горшки различной, в целом, небольшой и средней высоты (0,1–0,2 м) с плавно отогнутыми венчиками. Их число приблизительно равнялось здесь полутора-двум десяткам. Встречаются и довольно крупные – до 0,35 м высотой. За единичным исключением – все без орнамента. Есть фрагменты кувшинов, в том числе достаточно высоких, с круглыми в сечении, массивными ручками и более приземистых сосудов – так называемых кружек, а также кастрюль, но их немного. Весьма примечательно присутствие относительно немногочисленных горшков так называемой баночной формы. Они выделяются более тщательно заглаженной поверхностью и наличием вертикальных ручек-уступов у края венчика. Край одного такого сосуда с двух сторон был покрыт слоем известняковой (гипсовой?) обмазки. Впрочем, встречены и горшки, украшенные орнаментом в виде сосковидных налепов или с ручками-налепами округлых очертаний.

Открытые формы лепной керамики – это чашки и миски. Их в целом менее десятка. Чашки с прямыми бортиками (стенками). Иногда край венчика украшен насечками. У мисок он отогнут внутрь. И те и другие – разного размера, с диаметром по венчику от 0,07–0,09 м до 0,28–0,3 м, но последние преобладали. Что касается формы ручек, то большинство их овальные или круглые в сечении, но встречались профилированные. Ручки с зооморфным орнаментом или иными украшениями отсутствуют. Всего в помещении 2 находилось не менее 50 лепных сосудов.

Прочие, так называемые индивидуальные находки представляют собой: почти целый лепной сероглиняный горшочек, обломок каменного топора из темно-серого диорита (?); два медных, кованых гвоздя с квадратным в сечении стержнем и круглой шляпкой; два медных рыболовных крючка одинакового размера; медная монета средней сохранности (в северо-западном углу помещения); небольшой клад из 23 медных боспорских (и не только) монет средней и хорошей сохранности из юго-западного угла помещения; шесть глиняных пряслиц разной формы; фрагмент точильного бруска; рыболовное грузило из амфорной ручки; костяная игла; игральная кость (позвонок) с отверстием; два десятка разных, весом от 40 до 280 грамм, округлых природных конкреций, вероятно, ядер для пращи (все – в районе северо-западного угла помещения); большой обломок зернотерки ладьевидной формы из темно-серой породы и два окаменелых позвонка какой-то большой рыбы (?). Были найдены также два-три фрагментика медной пластинки, часть железного гвоздя, рассыпавшееся глиняное пирамидальное грузило.

Находки с соответствующего слоя из первого помещения это, в первую очередь, обломки не менее девяти светло и розовоглиняных остродонных амфор с двуствольными ручками. Одна амфора была из т.н. колхидской глины. Простой красноглиняной керамики немного: не более двух кувшинов (один, скорее, следует считать плоскодонной амфорой – он с двумя плоскими ручками) и одного горшка. Красноглиняная, краснолаковая посуда: кувшины (частично покрытые лаком), чашки и миски описанных выше типов (два-три сосуда).

Сероглиняная посуда с темнолощенной поверхностью – это немногочисленные тарелки с прямым вертикальным бортиком и чашки-миски. Несколько меньше было в данном помещении и обломков лепных сосудов, причем, все тех же основных форм и типов (хотя самих сосудов было не менее 50). То же можно сказать и о примерах орнаментации этой посуды.

Индивидуальные находки представлены двумя медными монетами (из района входа в здание и из юго-западного угла помещения); сильно фрагментированным, глиняным гуттусом; фрагментом терракотовой статуэтки (нижняя часть стоящей фигурки); еще одним обломком каменного топора, но иного типа; частью медного кованого гвоздя; медным рыболовным крючком; полым, маленьким костяным предметом с несложным орнаментом.

Особо отметим практически полное отсутствие костей животных и рыб и находку довольно большого числа обгорелых (обуглившихся) кусков древесины. Судя по некоторым, – диаметр бывших некогда бревен доходил до 0,15–0,20 м (они составляли, видимо, перекрытия между этажами). Соответствующий анализ на ^{14}C дал следующие результаты: 2020 ± 40 (ГИН 11189); календарный возраст при 2σ (калиброванный) BC 104, (2) AD 77. Таким образом, наиболее вероятная дата прекращения накопления углерода в данном образце – 2 г. до н. э.

Остатки черепиц, вероятно, говорят о соответствующей первоначальной кровле. Наряду с этим, некоторые наблюдения над стратиграфией, характером грунта и отдельными находками свидетельствуют, что здание погибло в пожаре и впоследствии постепенно разрушалось и растаскивалось окрестными жителями (вероятно, тогда и была унесена большая часть оставшейся еще пригодной черепицы и посуды).

Датировка постройки, как и ее интерпретация, в целом, не вызывают сомнений. Это вторая половина I в. до н. э., вернее, 40-е годы – 13/9 (?) г. до н. э. Не противоречат этому и определения найденных монет. Почти все они относятся к послемитридатовскому времени, то есть после 63 г. до н. э. и представлены переканненными из медных так называемых анонимных оболов монетами типа: голова Зевса или Аполлона вправо (л. с.) и орел на молниях с надписью ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ в одну или две строки (о. с.). Лишь одна – чекан г. Диоскуриады типа: шапки Диоскуров и рог изобилия (л. с.) и надпись в три строки (название данного города) (о. с.) – 120–63 гг. до н. э. В целом, это вполне соответствует картине монетного дела и денежного обращения на Боспоре в эпоху Асандра.

Весьма примечательны вышеперечисленные находки и в плане возможной общей характеристики хозяйства, быта и этно-полового и возрастного состава обитателей этого укрепления. Очевидно, тут временно или постоянно жило несколько семей воинов, несших дозорную службу.

Не повторяя уже прежде высказанных относительно этого времени исторических реконструкций и гипотез, (касающихся утверждения Полемона I на Боспоре) (Масленников, 1995, с. 158–167; Болдырев, 2000, с. 8–17) скажем лишь, что к строениям такого типа лучше применим термин: маленький «форт», нежели башня. Еще раз напомним, что раскопанная в 1990 г. на северном берегу Керченского водохранилища аналогичная постройка имела абсолютно те же размеры и ориентацию стен. И также отстояла от еще одной, расположенной к югу, примерно на расстоянии 1,8 км (около 10 аттических стадий) и погибла в огне (Масленников, 1994, с. 176–184). Таким образом, перед нами еще одно археологическое подтверждение известного пассажа Страбона о пограничных укреплениях, сооруженных боспорским царем Асандром, (Strabo., VII, 4, 6) да к тому же с соответствующим уточнением текста, относительно дистанции между «башнями» и некоторых свидетельств, касающихся обстоятельств утверждения на Боспоре римского ставленника Полемона I. Наконец, отметим практически очень близкие датировки гибели раскопанного укрепления, полученные тремя различными группами источников (середина последней четверти I в. до н. э., а точнее, видимо, осень 13 г. до н. э.).

ЛИТЕРАТУРА

- Болдырев С.И., 2000. О характере пребывания Полемона I на Боспоре // Древности Боспора. Т.3. М.
Масленников А.А., 1983. Еще раз о боспорских валах // СА. № 3.
Масленников А.А., 1994. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. № 3.
Масленников А.А., 1995. Полемон I на Боспоре // Боспорский Сборник. Вып. 5.
Масленников А.А., 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. М.

В. И. Кулаков, А. А. Валуев

ЕВРОПЕЙСКИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОБЕРЕГИ
VII–IX ВЕКОВ

Летом 2001 г. в фонды Калининградского областного историко-художественного музея (КОИХМ) через местного антиквара А. Кузьменко поступила уникальная находка – бронзовая крестовидная фибула с четырьмя изображениями мужского лица анфас (рис. 1: 7).

Эта находка попала к антиквару от некоего «любителя древностей», нашедшего фибулу в бумажнике (полевой сумке или ранце?) военнослужащего вермахта, погибшего весной 1945 г. на Балтийской (Вислинской) косе. Если принять эту версию происхождения интересующей нас находки, то можно предположить, что неизвестный солдат мог позаимствовать ее из экспозиции или фондов краеведческого музея, располагавшегося в замке Лохштедт в 5,5 км к северо-востоку от Балтийской косы. Этот музей оказался на пути отступавших из Кёнигсберга немецких армейских подразделений и масс мирных жителей, стремившихся эвакуироваться на запад из порта Пиллау. С потоком беженцев некоторые музейные экспонаты из Лохштедта оказались в Северо-Западной Германии, где ныне хранятся в Музее Самбии (Samland-Museum, Pinneberg bei Hamburg) (Кулаков, 2000, р. 291, fig. 9, 3). Таким же образом попытался спасти один из прусских раритетов и безвестный солдат вермахта. Однако этот музейный экспонат так и не покинул землю Восточной Пруссии... Подобного рода эксцессы, радикально менявшие судьбы музейных коллекций, происходили и на других участках немецкого Восточного фронта на исходе войны (Кулаков, Šimėnas, 1992, S. 183).

Вторая версия происхождения крестообразной фибулы – изъятие ее «копателем» из форта № 3, временного местонахождения экспозиции Музея «Пруссия» (Кулаков, Валуев, Скворцов, 2000, с. 99–102) – представляется менее правдоподобной. Этот уникальный экспонат в случае его нахождения в Музее «Пруссия» не мог не привлечь внимания специалистов. С другой стороны, материал, хранившийся в предвоенное время в краеведческом музее замка Лохштедт, виду незначительного объема не интересовал коллег из Кёнигсберга. В любом случае из-за неясности места обнаружения публикуемой крестообразной фибулы формально ее следует связать с прусской землей Самбией (ныне – Калининградский полуостров), к которой относится и Балтийская коса, и форт № 3 (ehem. Quedenau, ныне – пос. Северная Гора, Ленинградский р-н г. Калининграда).

Покрытая ровной темно-коричневой патиной (результат долговременного нахождения в органической среде) фибула размерами 5,5 x 5,03 см, толщиной 0,4 см, ныне хранящаяся в фондах КОИХМ, изготовлена из бронзы путем оттиска оригинала в глине (литейной земле). Судя по характерным деталям имеющегося в нашем распоряжении артефакту, его прототип был украшен сканным орнаментом. В 12-и гнездах диаметром около 3 мм на его лицевой поверхности находились полусферические вставки (камень или стекло). В центре фибулы располагалась основная вставка диаметром около 1 см. На оконечностях фибулы пустые гнезда свидетельствуют об отсутствии там вставок на момент изготовления бронзовой копии. Ее отливка в односторонней открытой форме подтверждается как наличием скошенных фасок по краям фибулы, так и присутствием

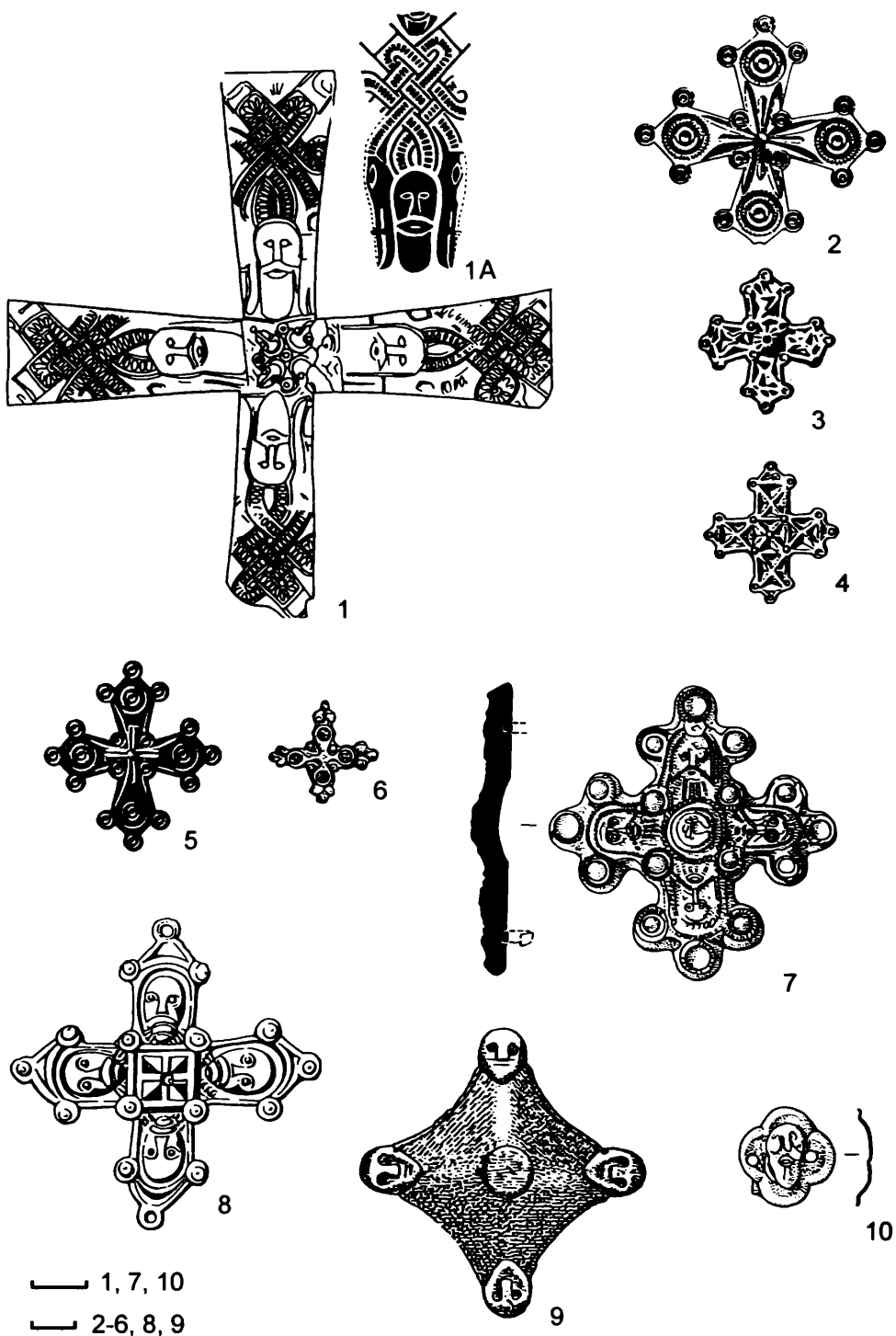

Рис. 1. Христианские и универсальные (интерконфессиональные) обереги VII–IX вв.

1 – крест, крепившийся к погребальной одежде («Милан», VII в.); 1А – композиция, повторенная на лопастях креста из «Милана»; 2–6 – фибулы типа Вормс (IX в.): 2 – Вормс-Абендхайм; 3 – Вольтвише; 4, 5 – Вормс; 6 – Карлбург; 7–9 – крестообразные фибулы (IX в.): 7 – Самбия; 8 – Микльчице; 9 – Аукштакемь; 10 – поясная накладка (Альт-Веллау, XIV в.?). Источники: 1 – Menghin W., 1985, Taf. 40; 2–6, 8 – Schulze-Dörlamm, 1997, Abb. 2, 1–6; 7 – фонды КОИХМ; 9 – Gaerte, 1929, Abb. 255, a; 10 – фонды КОИХМ, № 15811.16.

на ее внутренней поверхности углубления, сделанного в глине пальцем (?) под центральным умбоном (на подлиннике – вставкой). На его слабо уплощенной вершине видно чеканное изображение ромба (рис. 1: 7), изготовленное по бронзовой отливке. Изнутри в ее неостывший металл были по вертикальной (?) оси вставлены два штыря – держатель иглы и иглоприемник, непременные атрибуты пластинчатой фибулы. Представленный на нашем артефакте слабый дугообразный изгиб вертикальной оси принадлежит, видимо, его оригиналу.

Кроме необычной для западнобалтских древностей формы фибулы уникальными являются представленные на балках ее креста «личины». Они совпадают между собой в деталях и представляют портрет мужчины с длинными волосами и бородой. Его волосы, усы и борода были представлены на оригинальном артефакте сканными полосами (соответственно – парной, одинарной и счетверенной). В имеющемся в нашем распоряжении копии этого оригинала пряди бороды, не во всех случаях получившиеся на отливке разборчиво, дополнительно акцентированы резцом копииста при помощи горизонтальных прорезных линий. Данный памятник искусства, уникальный для древностей Юго-Восточной Балтии, находит аналогии в археологическом материале Средней и Южной Европы эпох Меровингов и Каролингов.

Крестообразные фибулы с парными округлыми деталями на концах и скрещении балок креста известны в каролингских древностях начала IX в. и обозначаются как тип Годдельсхайм (Schulze-Dörrlam, 1997, S. 342). Основной формой фибул этого типа являются равносторонние прямой («греческий») или «мальтийский» кресты. Дальнейшей формой развития таких застёжек являются фибулы типа Вормс, представляющие собой фигуры, известные в геральдике под именами «Ключевые/Тулузские кресты» (Oswald, 1984, S. 352). Отличительными их особенностями являются балки креста ромбической формы и три округлые фигуры, украшающие концы этих балок (рис. 1: 2–6). Основной зоной распространения этих артефактов являются в IX в. бассейн Рейна, Северная Швейцария, Южный Тироль (рис. 2). Считается общепризнанным факт распространения в западнославянской среде реплик фибул типа Вормс. Бронзовые, позолоченные находки (рис. 1: 8) из славянского ареала считаются накладками, их появление интерпретируется как результат миссии крещения славян (Schulze-Dörrlam, 1997, S. 343). Главное отличие таких находок из Великой Моравии и близлежащих земель от фибул типа Вормс – расположение на балках креста мужских «масок» – интерпретации не подвергалось.

Впервые мужские личины появляются на крестах в Северной Италии в VII в. н. э. Они вырезались ножницами из золотой фольги и нашивались на погребальную одежду или на головные покрывала умерших лангобардских аристократов. Если в раннем VII в. изображался четырехкратно повторенный (отштампованный на костяной или иной матрице) безбородый персонаж анфас (так называемый «Крест Гизульфа» из погребения в церкви на Пьяцца Паоло Диакон в Цивидале), то в VIII в. известны изображения бородатого мужчины («Крест из Милана», рис. 1: 1). Оба эти изобразительные типы объединены тем, что мужчина представлен длинноволосым, с полуоткрытым, «вещающим» ртом, его личина повторена четырежды и нижней своей частью всегда ориентирована на центр креста. Эти предметы наряду с другими крестами из золотой фольги, несущими оттиски монет, «варварских» брактеатов, плетеного орнамента, украшенные псевдожемчужным орнаментом, справедливо считаются оберегами, сочетающими древнегерманские языческие (изображения) и романо-византийские, т. е. – христианские (форма креста) традиции (Menghin, 1985, S. 177). Появление лангобардских крестов, являющихся, в сущности, универсальными (прежде всего – интерконфессиональными) оберегами является результатом реакции германского язычества на начало в 612 г. из альпийского монастыря Боббио ортодоксальной христианской миссии к лангобардам. Являясь внешне признаком правоверного почитателя Христа, нашитый на одежду в соответствии

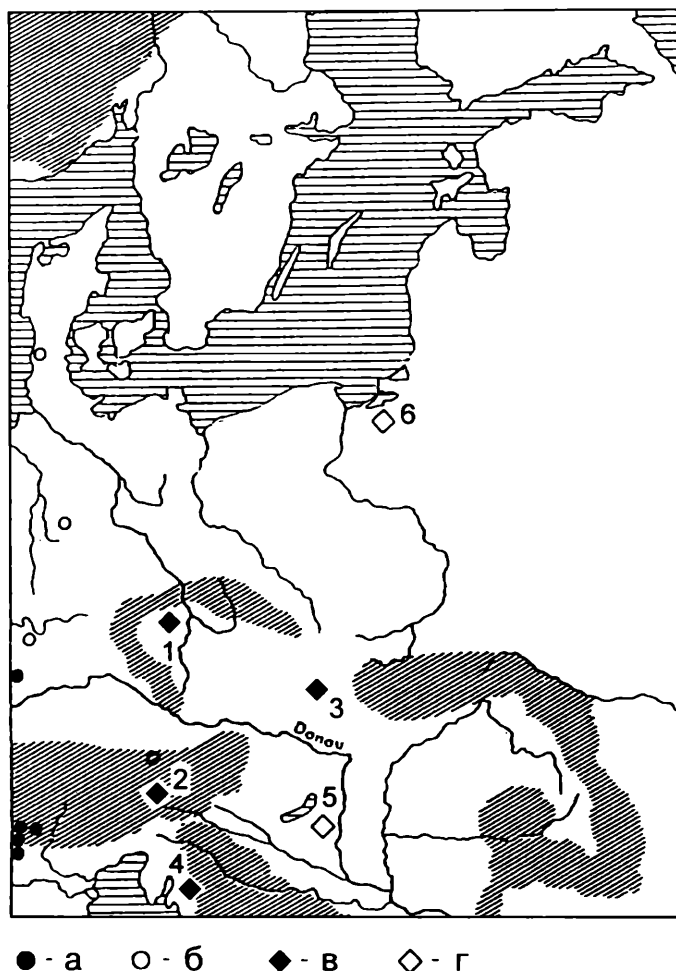

Рис. 2. Крестообразные фибулы и обереги в Центральной и Южной Европе (VII–IX вв.).

а – крестообразные фибулы типа Готдельсхайм; б – крестообразные фибулы типа Вормс; в – крестообразные универсальные обереги (пункт находки идентифицирован); г – крестообразные универсальные обереги (пункт находки не идентифицирован). 1 – Будеч (Чехия); 2 – Каппеле/Ядерсдорф (Австрия); 3 – Микутьице (Чехия); 4 – Нин-Здраг (Хорватия); 5 – Венгрия; 6 – Самбия.
Источник: Schulze-Dörlamm, 1997, Abb. 3 (с дополнениями авторов).

с традициями эпохи Каролингов золотой крест при ближайшем рассмотрении оказывается наполненным языческой символикой. В частности, четырежды повторенный образ Царя Богов Вотана, согласно своему раннему канону (Кулаков, 1995, с. 66–68), представленного в обрамлении кабаньих голов (рис. 1: 1А), лишь только издалека напоминает лики евангелистов, характерные, по мнению С. С. Ширинского, для иконографии христианских крестов VI–VII вв. Более того, мистическая сила лангобардских крестов усиливалась изображениями, сопутствовавшими ликам Владыки Валгаллы. Так, в центре «Креста из Милана» (рис. 1: 1) представлены крестообразно расположенные головки животных, ошибочно принятые В. Менгином за человеческие личины (Menghin, 1985, Taf. 40). Композиционно и типологически сходны с лангобардскими изображениями головки животных на «звериноголовых» фибулах видивариев второй половины V в. н. э. Интерпретация подобной композиции как оберега (Кулаков, 1990, с. 211), отражавшего от своего владельца напасти «на все четыре стороны», не вызвала возражений. Удивительным образом сакральные признаки крестов лангобардов оказались воссозданными как в фибулах типа Вормс, так и на генетически связанных с ними крестообразных артефактах из Моравии и Самбии.

Исходные прототипы этих артефактов – фибулы типа Годдельсхайм – воссоздают типичную для византийской культуры эпохи правления династии Юстиниана (VI в. н. э.) форму креста с парными кружками (на трехмерных крестах – драгоценные камни) на внешних концах его трапециевидных балок. Правда, нижняя часть византийских крестов – вытянутая (форма «латинского» или «страстного» креста), а фибулы типа Годдельсхайм – равносторонние (форма «греческого» креста). Типологически восходящие к застежкам этого типа фибулы типа Вормс имеют уже не трапециевидные, а ромбические балки, украшенные на своих внешних концах не двумя, а тремя кружками. Тем самым они фактически повторяют центральную фигуру «Креста из Милана» (рис. 1: 1), не имеющую никакого отношения к христианству. Этот тип крестообразных фибул, характерных в IX в. для Средней Европы от Западной Германии до восточных отрогов Альп (рис. 2), генетически сходен (рис. 1: 6) с некоторыми типами древнерусских нательных крестов XI в. (Николаева, Недошвина, 1997, с. 173, табл. 103, 14, 42). Хронологический hiatus и взаимная удаленность друг от друга этих регионов Европы, казалось, не предполагает наличие связи между упомянутыми каролингскими и древнерусскими типами находок. Возможно, моравские и самбийские находки позволят по-новому взглянуть на данную проблему.

Бронзовые, с позолоченной лицевой поверхностью накладки, являющиеся дериватами фибул типа Вормс, встречаются на славянских землях в Восточных Альпах, на северо-западных отрогах Балканских гор, в долинах Татр и Карпат (на рис. 2 отмечены косой штриховкой). Отнесение этих артефактов к IX в. (возможно – в его первой половине) и связь их с западнославянскими древностями неопровержимо подтверждаются вещевыми комплексами, в которых они встречаются (Schulze-Dörrlamm, 1997, S. 343, 351). По своей форме эти накладки родственны фибулам типа Вормс, по изображениям на балках креста – вотивным крестам лангобардов. Важно отметить то, что в их ареале (Северная Италия – рис. 2) известны и наиболее ранние находки фибул типа Годдельсхайм. Очевиден факт реплицирования на западнославянских (великоморавских) накладках не только формы явно христианских по своей семантике фибул типа Вормс, но и языческих по своей идеологической нагрузке. Видимо, в Великой Моравии в первой половине IX в. повторялась ситуация, сложившаяся в Королевстве лангобардов двести лет ранее. Христианская миссия к славянам Моравии привела к основанию князем Прибиной около 830 г. церкви в г. Нитре, в 845 г. в г. Регенсбурге подверглись крещению 14 вождей чешских племен (Гавранек, 1963, с. 68). Естественной реакцией на эти действия со стороны далеко не дружественной чехам франкской державы Людовика Благочестивого было настороженное отношение к учению Христа. Напротив, национально ориентированная миссионерская деятельность Св. Кирилла и Св. Мефодия, начатая в 863 г., была принята славянами вполне толерантно. Возможно, в период, разделявший упомянутые миссии, то есть в 830–863 гг. в чешских землях появились вотивные (?) кресты, отвечавшие как христианским, так и языческим воззрениям. Наличие прямых технологических параллелей между этими находками и фибулами типа Вормс (в частности, орнамент типа *Kerbschnitt*) предполагает изготовление этих предметов достаточно ограниченным кругом мастеров (в Северной Италии?). Обращает на себя внимание факт вхождения формы великоморавских крестов в позднейшую знаковую систему европейской геральдики к качеству «парящего креста».

Из ряда западнославянских находок выделяется фибула из Самбии, являющаяся копией роскошного изделия, украшенного вставками из драгоценных (?) камней. Декор подобного рода хорошо известен по фибулам в виде quadrifoliiformного креста, изготавливавшимися франкскими мастерами для представителей высшего слоя западноевропейской аристократии уже в VII в. (Fetter, Périn, 1987, p. 200). Видимо, и элита восточных окраин Центральной Европы украшала свой убор аналогичными по роскоши фибулами. Правда, они являлись уже не

только (не сколько) вещественными отражениями христианской идеологии, а универсальными оберегами, христианскими по форме и языческими по содержанию. Этот феномен был вполне актуален для контактных зон между христианами и языческими культурными ареалами в различных частях нашего континента не только в раннем средневековье, но и ранее, в эпоху переселения народов (Кулаков, 1995, с. 67, 68).

Расположение мест находок крестовидных универсальных оберегов на карте Европы (рис. 2) совпадает с трассой Великого Янтарного пути, сформировавшейся еще в эпоху Нерона (Kulakov, 2001, Abb. 1). Соотнесенность этих артефактов с важнейшим для Европы торговым путем подчеркивается публикуемой самбийской находкой. Возможно, крестовидные универсальные (интерконфессиональные) обереги были важным атрибутом славянских (и не только) купцов, проходивших в беспокойном IX веке по Великому Янтарному пути, по рекам Висле и Тисе связывавшем Северную Италию и Самбию. Для эпохи Каролингов эта торговая трасса в общих чертах определяла границу между христианским и языческим мирами раннесредневековой Европы.

Для древностей Литовского Возморя на всем протяжении I тысячелетия н. э. характерно реплицирование вещественных новаций, поступавших на правый берег р. Неман из Центральной и Южной Европы через землю пруссов. Эта важнейшая черта материальных культур куршей, ламатов и скальвов реализовывалась прежде всего на изготовлении престижной детали костюма – фибул. Даже такая редкая находка, как крестообразная фибула с мужскими ликами имеет в Западной Литве свой дериват, известный по находке на могильнике Аукштакемий, Клайпедский р-н Литвы. Этот артефакт, трактуемый как выполненная в стиле Борре продукция скандинавских мастеров (Bliujienė, 1999, p. 124, 54 pav.), представляет собой крайне упрощенную реплику фибулы из Самбии (рис. 1: 9). Учитывая балтскую иконографию мужских ликов на фибуле из Аукштакемий, реализованную прежде всего на цепедержателе из погребения 63 могильника Ржевское, Славского р-на Калининградской обл. (бывш. Linkuhnen, Kr. Niederung) (Engel, 1930, S. 323, Abb. 4, z), находку из Аукштакемий можно считать изделием местных мастеров не ранее IX в.

Дериватов самбийской фибуле прусском ареале пока не известно. Правда, ее форму очень слабо напоминает поясная накладка с личиной длиннобородого мужчины (рис. 1: 10) из разрушенного погребения могильника Альт-Велау (Гвардейский р-н Калининградской обл.). Однако ее специфическая крестовидная форма соответствует нормам раннеготического искусства и связана, скорее всего, с орденскими традициями.

Таким образом, фибула из Самбии является чудом сохранившимся в пламени последней войны уникальным памятником раннесредневекового прикладного искусства, показывающего интенсивные контакты пруссов с первым славянским государством – Великоморавской державой на раннем этапе ее христианизации. Этот этап был характерен сосуществованием привнесенной с запада, чуждой славянам веры в Христа и традиционных отеческих культов. Как правило, этот феномен именуется в науке двоеверием. Надо полагать, что универсальный амулет, которым является фибула из Самбии, был скопирован местными (?) мастерами уже как исключительно языческая реликвия.

ЛИТЕРАТУРА

- Гавранек Б., 1963. Начало славянского письма и письменной литературы в Великоморавскую эпоху // Великая Моравия. Тысячелетняя традиция государственности и культуры. Прага.
- Кулаков В.И., 1990. «Звериноголовые» фибулы балтов (V–VII вв.) // СА. № 2.
- Кулаков В.И., 1995. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. Вып. 2, СПб.
- Кулаков В.И., Валуев А.А., Скворцов К.Н., 2000. Сокровища, возникшие из пепла // Наука в России. № 4.

- Николаева Т.В., Недошивина Н.Г., 1997. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Bliujienė A., 1999. Vikingų epochos kuršių papuosų ornamentika. Vilnius.
- Engel C., 1930. Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreussen // Congressus secundus archaeologorum balticorum. Riga.
- Fetter L.-Cy., Périn P., 1987. Les Francs. T. 2. A l'origine de la France. Paris.
- Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg.
- Kulakov V., 2000. La terre prusse entre Scandinavie et Orient // Les centres proto- ur- bains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient, Réalités Byzantines, t. 7. Paris.
- Kulakov V.I., 2001. Jütland-Dobrudscha: die Rochade der «Barbaren» vom 2. bis 4. Jh. Chr. // Archaeologia Bulgarica. Jg. V. H. 2. Sofia.
- Kulakov V.I., Šimėnas V.G., 1992. Latgalische Schmucktypen in des Sammlung des Instituts für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien // Archaeologia Austriaca. Bd. 76.
- Menghin W., 1985. Die Langobarden. Archäologie und Geschichte. Stuttgart.
- Oswald G., 1984. Lexikon der Heraldik. Leipzig.
- Schulze-Dörflamm M., 1997. Unbekannte Kreuzfibeln der Karolingerzeit aus Edelmetall // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 27.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 212. 2001 год.

М. В. Седова

УКРАШЕНИЯ «ГОРОДСКОГО ТИПА» X–XI ВЕКОВ ИЗ СУЗДАЛЯ И ЕГО ОКРУГИ

Возникший, по-видимому, в середине X в. город Суздаль долгое время являлся своеобразным культурным и политическим центром Северо-Восточной Руси. Несмотря на то, что столицей земли в ранний период был Ростов, с середины XII в. – Владимир, а Суздаль главным городом был, видимо, только во времена княжения Юрия Долгорукого, летописная традиция устойчиво называет весь этот регион «Суздальской землей» (ПСРЛ, I, 1962, стб. 436, 440). Судя по летописным сведениям в Суздале большую роль играло «старое» боярство. Однако материальные следы «столичности» города, выражающиеся в пышности и богатстве утвари и костюма знати, долгое время не улавливались. Княжеско-боярский убор X–XIII вв. известен нам только по кладам. Суздаль же мало подвергался нападениям и хотя и был захвачен и сожжен татаро-монгольским отрядом Батыя, однако, видимо, менее пострадал от нашествия, чем Владимир или Рязань. Поэтому в самом городе не было найдено таких крупных кладов золотых и серебряных украшений как в других древнерусских городах (Кондаков, 1896; Гушин, 1936). В монастырских ризницах города хранились, в основном, предметы связанные с христианским культом, хотя в некоторых случаях в качестве подношения особо чтимым иконам приносились и предметы украшений, в частности, шейные гривны) (Георгиевский, 1927, с. 72). Таким образом, налицо был определенный разрыв между наличием в Суздале таких архитектурных шедевров, как церкви Бориса и Глеба в Кидекше (1152 г.) и собора Рождества Богородицы (1222–1225 гг.), а также установившимися представлениями о богатстве городской знати, и теми материальными остатками ее культуры, которые дошли до наших дней. Только многолетние археологические исследования в Суздале и его ближайшей округе дали возможность воссоздать состав и типы городских украшений X–XIII вв.

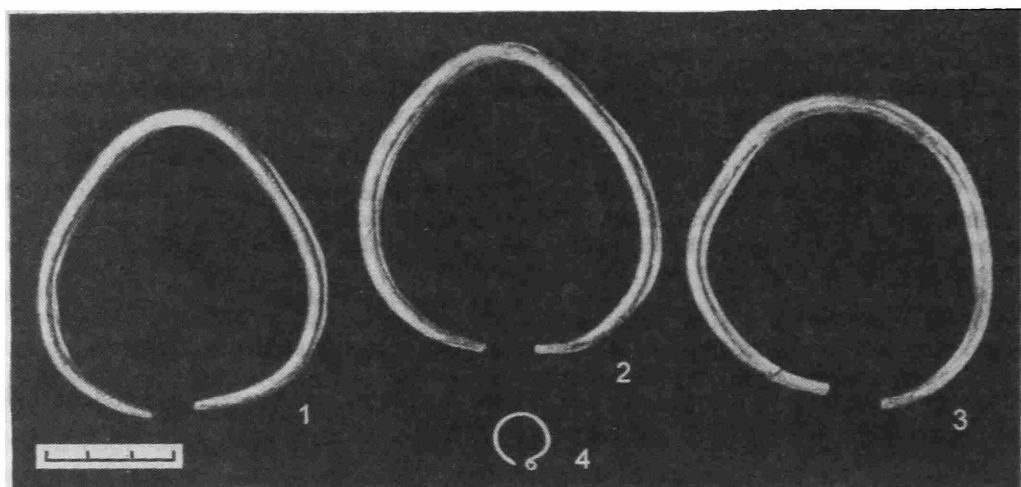

Рис.1. Клад XI в. из трех браслетов и височное кольцо из Суздаля. Золото.

Как известно, дорогой княжеско-боярский убор претерпевал на протяжении этого времени значительные изменения. В материалах кладов X–XI вв. преобладают довольно простые по форме шейные гривны, гладкие кованые браслеты и перстни, а также скано-зерновые изделия: височные кольца, круглые привески, лунницы и бусы. Все эти украшения подробно рассмотрены Г. Ф. Корзухиной в книге «Русские клады» (Корзухина, 1954, с. 62–71). Набор таких украшений встречен и в Суздале. В первую очередь это относится к кладу золотых браслетов, обнаруженному при раскопках в северо-восточной части кремля в слое XI в.

При исследованиях усадеб на обрыве р. Каменки в непотревоженном слое, перекрытом пожарной прослойкой 1096 г., а затем основанием вала начала XII в., вблизи жилой постройки (№ 9) был обнаружен клад из трех золотых браслетов (рис. 1)¹. Они дрововые круглые в сечении, с сужающимися концами. Вес их 97,6 г, 98 г и 101,4 г. На одном из браслетов колющим предметом сделана надсечка, для определения доброкачественности металла. Такой прием определения качества драгоценных металлов характерен для предметов, происходящих с Готланда. Наши браслеты находят там ближайшие аналогии (Thunmark-Nylin. Taf. 155: 6–9; 156: 1–3). На Руси подобные изделия найдены в кладах, зарытых в XI – начале XII в.: в Киеве в 1899 г. на усадьбе Л. И. Бродского на Б. Екатерининской ул., 9 – 2 золотых браслета весом 99,3 и 108,6 г вместе с 20 монетами 1033–1059 гг.; в Киеве на ус. Гребеновского в 1889 г. – золотой браслет; на Волыни, в Овручском у. д. Б. Хайча в 60-х гг. XIX в. – серебряный трехгранный в сечении браслет с обрубленными концами, весом 59,7 г (Корзухина, 1954, табл. XII, 1, № 30; Кондаков, 1896, табл. IX: 9). Аналогичный золотой браслет обнаружен был и в кургане около Юрьева-Польского (Спицын, 1905, с. 79, рис. 9). Судя по весу перечисленных браслетов, кратному денежной весовой гривне сер. X – XI в., определяемой В. Л. Яниным в 51,19 г, все они являлись не только украшениями, но и денежными единицами (Янин, 1956, с. 160).

Клад золотых браслетов в Суздале хорошо датируется найденными в постройке серебряными западноевропейскими монетами: денарием, чеканенным во Фризии, в г. Утрехте епископом Вильгельмом де Понте (1054–1076 гг.) и варварским подражанием германским монетам XI в. (Седова, 1997, с. 89). Сам клад является редчайшим свидетельством богатства, накопленного владельцами усадьбы.

¹ При определении в Пробирной палате установлено, что браслеты отлиты из самородного золота 99,9 пробы.

К простым украшениям этого же времени следует отнести и перстневидное золотое височное кольцо с загнутым концом (рис. 1). Это типично славянское женское украшение найдено на той же усадьбе, что и браслеты.

Скано-зерненные украшения «городского типа», входившие в дорогой княжеско-боярский убор, найдены в ближайшей округе Суздаля в курганных захоронениях. Так, в курганном некрополе, расположенном на «Михайловой стороне» на правом берегу р. Мжары, при ее впадении в р. Каменку (на юго-восточной окраине современного города) обнаружено значительное количество серебряных зерненных предметов XI – начала XII вв. В первую очередь это относится к головным украшениям – трехбусинным височным кольцам. Они представлены несколькими типами. Наиболее распространенными являются височные кольца с напускными бусинами цилиндрической формы, сплошь покрытыми зернью и разделенными друг от друга сканной нитью. Такой комплекс встречен, например, в кургане 61 (погребение 3), где на висках похороненной женщины слева и справа находилось два кольца диаметром 2,3 см. Эти височные кольца (рис. 2: 1, 2) выполнены наиболее тщательно из всех других зерненных предметов, найденных на «Михайловой стороне». В том же погребении у нижней челюсти обнаружено еще шесть трехбусинных зерненных колец диаметром 1,5 см (рис. 2: 3–7). В целом находки кургана 61 свидетельствуют о богатстве и знатности погребенной женщины.

В кургане 14/1968 комплекс украшений состоял из пяти серебряных трехбусинных височных колец (три и два у каждого виска). Бусины четырех колец имеют цилиндрический каркас с напаянными рядами зерни. Бусины пятого кольца – ажурные, сделанные из тонких петлевидных проволочек, на пересечении которых укреплены шарики зерни. В комплекс входит также круглодротовый бронзовый браслет с сужающимися концами, близкий по форме золотым браслетам из суздальской усадьбы XI в., описанным выше (Сабурова, Седова, 1984, рис. 7).

В кургане 6/1967 три височные кольца имели бусины, украшенные пирамидками из пяти шариков зерни, уложенных тремя рядами. Здесь же находился серебряный пластинчатый перстень с цилиндрическим щитком, украшенным треугольниками зерни и синей стеклянной вставкой (Седова, 1997, рис. 48: 2–4, 6) – рис. 2: 8). Аналогичные перстни найдены во владимирских курганах, причем А. А. Спицын отмечал их западный характер. Близкий по типу перстень известен среди великоморавских древностей X в. (Спицын, 19056, рис. 264, 266; Hrubý, 1965, tab. XL: 1).

В кургане 96 комплекс находок свидетельствует также о богатстве погребенной, причем он производит впечатление стилистического единства и изящества. В него входят серебряные украшения: перстневидные височные кольца (шесть справа и девять слева) и два трехбусинных с зернеными бусинами (по одному слева и справа, ниже перстневидных), пластинчатый перстень с выступающей средней частью и гравированным растительным узором, а также пластинчатая круглая фибула с растительным узором (рис. 3). Подобные перстни, возможно, являются характерным украшением Владимиро-Суздальского региона, т. к. известны они в материалах раскопов Владимира, Муром и курганов у г. Петушки. Аналогичные кольцевидные фибулы известны среди находок владимирских курганов, причем А. А. Спицын отмечает их раннюю дату – «может быть, даже X в.» (Спицын, 19056, с. 119, рис. 247).

Всего в некрополе Суздаля найдено 27 серебряных трехбусинных зерненных височных колец. Нередко они встречаются вместе с кольцами из бус одного-двух рядов крупной зерни, узелковых и перстневидных.

В целом, по курганным находкам хорошо восстанавливается состав украшений зажиточных горожанок XI – начала XII в. Для погребений девочек до 10–12 лет характерны многочисленные перстневидные височные колечки, расположенные от виска до плеч, т. е. вплетавшиеся в косы. В погребениях молодых

Рис.2. Скано-зерненные украшения.

1-8 – из курганов на Михайловой стороне Суздаля; 9-10, 12 – из курганов в Новосёлках; 13 – из с.Гнездилово; 11, 14-19 – из курганов в с.Васильках.

женщин находятся наиболее полные комплексы украшений с трехбусинными височными кольцами. Для старых женщин характерно ношение по одному перстневидному кольцу или серьге с каждой стороны.

Находки во многих погребениях дорогих серебряных изделий высокого ювелирного ремесла говорят о том, что похороненные в могильнике люди относились к знатной и зажиточной прослойке суздальского населения. В материалах могильника находит отражение свидетельство летописи о Суздале как о городе старого боярства, «старой чади».

В курганной группе у с. Новосёлки (Новосёлка Нерльская), расположенной в 5 км от Суздаля, при впадении р. Каменки в Нерль, большой интерес представляет находка однобусинной серебряной позолоченной серьги, украшенной сканной нитью, делящей бусину на восемь секторов, в центре которых помещены пирамидки по 5 шариков зерни (курган 15). Однобусинные серьги или височные кольца – довольно редкое женское украшение. Точной аналогии данной находке не известно, хотя близкие по форме серьги есть во владимирских курганах. Во всяком случае тонкость работы и материал (позолоченное серебро) свидетельствуют о богатстве погребенной. Дата изделия – XI в. (рис. 2: 9).

Наиболее яркой находкой в курганной группе у с. Новосёлки является серебряная круглая привеска, найденная в кургане 4 (рис. 2: 12). Диаметр ее 2,8 см. Это тисненая пластина, на лицевой стороне которой размещен сканный узор в виде четырех волют с зерновыми включениями внутри них. Ушко вырезано вместе с самой привеской и тоже орнаментировано сканью, уложенной в виде буквы S. Аналогичные привески хорошо известны покладам X–XI вв., в том числе по Гнёздовскому кладу 1867 г. (Гущин, 1936, табл. IV: 21, 22), а также по курганным древностям, относящимся к кругу дружинных. Наиболее близкие аналогии представляют привески из владимирских курганов, раскопанных А. С. Уваровым около с. Гнездилово (рис. 2: 13) и с. Васильки (рис. 2: 15) (Спицын, 19056, рис. 174, 177).

В курганной группе у с. Новосёлки обнаружены были также остатки круглой привески с узором в виде сходящихся к центру зерновых треугольников и широкоуголой лунницы с зерненым орнаментом в виде вписанных друг в друга треугольников. Предметы эти, видимо, изготовленные из серебра, попали в огонь, поэтому сохранились лишь их отпечатки в глине, которые и были зафиксированы (курганы 21 и 14). Ближайшие аналогии этим украшениям составляют предметы, найденные в Новгороде в слоях X в. (Седова, 1981, рис. 6: 1; 12: 1) и во владимирских курганах (Спицын, 19056, рис. 160, 162) (рис. 2: 10).

Одним из интереснейших археологических памятников суздальской округи является комплекс у с. Васильки (Васильково). Он расположен на правом берегу р. Нерль в 14 км к юго-востоку от Суздаля.

В трех курганных группах, расположенных в этой местности, А. С. Уваров раскопал 292 кургана, разделить которые по материалу в настоящее время не представляется возможным. Древнейшие курганы с трупосожжениями датируются X – началом XI в., с трупоположением – концом XI – первой третью XIII в. Среди инвентаря выделяются изделия, также хорошо известные покладам X – начала XII в. В первую очередь это относится к серьгам с одной напускной бусиной, украшенной сканью.

В. А. Лапшин, специально занимавшийся определением мест находок огромной коллекции А. С. Уварова, к находкам из Васильков относит две однобусинные серьги (Лапшин, Мухина, 1988, с. 132–149, рис. 4; Спицын, 19056, рис. 134, 136). Одна из них украшена крупной зернью, уложенной в три ряда (рис. 2: 16), а другая – узором в виде восьми окружностей, выполненных спирально уложенной сканной проволокой (рис. 2: 14).

Трехбусинные височные кольца представлены экземплярами (рис. 2: 17), орнаментированными сплошными рядами зерни (Лапшин, Мухина, 1988, рис. 4: 30, 31; Спицын, 19056, рис. 135, 144). Эти серебряные украшения нахо-

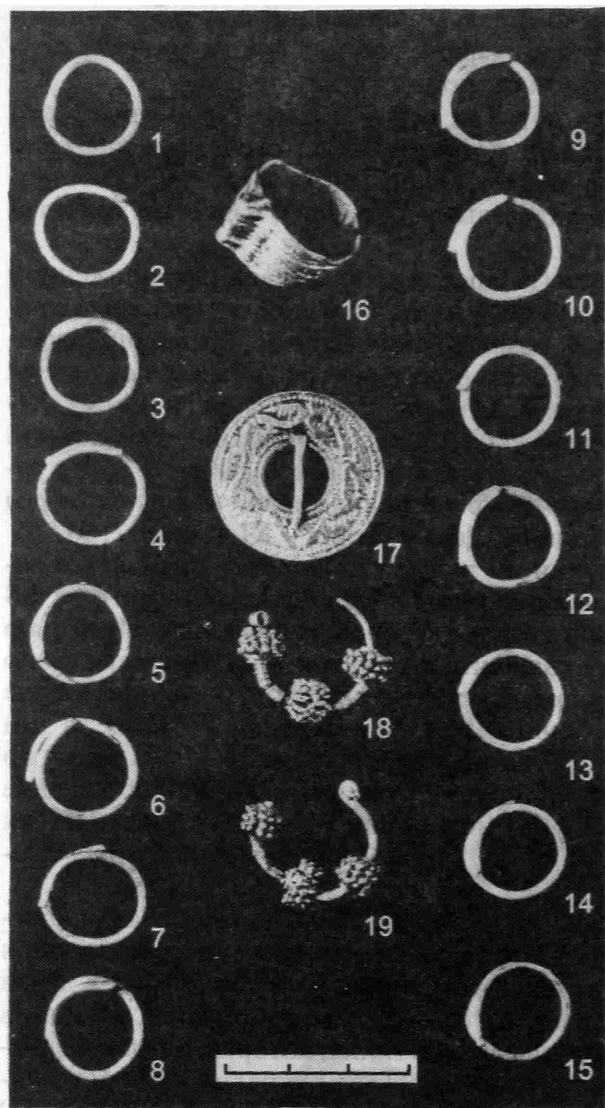

Рис.3. Набор украшений из кургана 96 на Михайловой стороне Суздаля.

не называет точное место находки (Новикова, 1993, с. 46–56). Ближайшую аналогию привески составляет найденная в Новгороде в слое второй половины X в. привеска, отлитая из биллона, по-видимому, путем оттиска в глине настоящего зерненого изделия (Седова, 1981, с. 37, рис. 12: 2). В Гнёздовском кладе 1867 г. находилась очень близкая серебряная позолоченная привеска, где однако геральдически распластанная птица имела не одну, а две головы, развернутые в разные стороны. Техника исполнения рисунка на изделиях из Гнёздова и Васильков идентична – это мелкая, бессистемно напаянная зернь, оконтуренная тонкой рубчатой проволокой. При этом привески изготовлены из двух пластин, верхняя из которых имеет оттиснутое при помощи матрицы рельефное изображение птиц. Г. Л. Новикова считает, что такой набор технических приемов в изготовлении и декоре вещей связывает их с миром скандинавских ювелирных изделий. Присутствие же в декоре геометрических элементов зерни (на ушках для подвешивания), характерных для славянского мира, заставляет предположить, что «подвески с птицей на древнерусской территории производили в этнически неоднородной дружинной среде, включавшей и скандинавов» (Новикова, 1993, с. 55). В целом соглашаясь с высказанной Г. Л. Новиковой точкой зрения, хочется

дять полные аналогии среди материалов из курганного некрополя на Михайловой стороне Суздаля. По-видимому, они изготовлены в одной мастерской.

К скано-зерненому убору относятся и нагрудные украшения – монетовидные привески. Одна из них близка по декору привеске из кургана в Новосёлках, но состоит не из четырех, а из трех волутообразных фигур, выложенных сканной нитью (рис. 2: 15). Другая (рис. 2: 11) орнаментирована рядами зерни, сходящимися под углом к центру привески, где укреплен полый полушарий (Лапшин, Мухина, 1988, рис. 4: 12, 14; Спицын, 19056, рис. 177, 180). Близкие аналогии этим предметам известны и в Гнёздовском кладе 1867 г. (Гушин, 1936, табл. IV: 19, 20). Но наибольший интерес представляет круглая монетовидная привеска диаметром 2,5 см, на лицевой стороне которой изображена фигура птицы с «распластанными» крыльями и повернутой влево головой (рис. 2: 18). А. А. Спицын указывает курган 52 у с. Васильки как место находки привески. В. А. Лапшин данную находку не включил в число предметов, происходящих из васильковских курганов (Спицын, 19056, с. 115, № 176). Г. Л. Новикова, посвятившая ей специальное исследование, также

все же отметить, что образ птицы с распластанными крыльями присущ не только скандинавскому искусству, но и в большей степени западноевропейскому и византийскому. Недаром двуглавый орел стал гербом России. Кроме привесок близкие по характеру изображения фигуры геральдических птиц помещались на щитках перстней-печаток. Известны такие перстни в Болгарии, на Тимерёвском поселении IX–X вв., в Новгороде в слое первой половины X в., в костромских курганах с монетой X в., при раскопках П. М. Еременко в земле радимичей. Скорее всего их появление в славянских землях связано не со скандинавским, а византийским влиянием и отражает раннегосударственную символику (Седова, 1981, с. 137, рис. 50: 13). И все же следует признать, что во всех пунктах, где были обнаружены дорогие серебряные украшения, входившие в состав княжеско-боярского убора, присутствуют предметы скандинавского происхождения. Скандинавский этнический компонент улавливается по находкам ближайшей суздальской округи в курганах с трупосожжением у с. Васильки, Весь, Гнездилово, Сельцо и др. Так, в курганах у с. Васильково в раскопках А. С. Уварова в 1851–1852 гг. обнаружены были две скорлупообразные женские фибулы типа 48а и 56 (по Я. Петерсену), датирующиеся одна началом X в., а вторая – концом X – началом XI в. (Дедюхина, 1967, с. 194) – рис. 4: 4, 5. Там же найдены такие скандинавские предметы, как круглая фибула (рис. 4: 1), украшенная сложным тиснением с зооморфными элементами, датирующаяся второй половиной X в. (Дедюхина, 1967, с. 199); привеска с изображением Одина с воронами (рис. 4: 1); литая ажурная круглая привеска с изображением свернутого зверя (Спицын, 1905б, рис. 5: 12) – рис. 4: 2, 6; пять щитообразных подвесок, орнаментированных пуансонным узором в виде «сегнерова колеса» или радиальных лучей (Новикова, 1998, с. 196, рис. 2: 1, 3, 12; с. 171, рис. 3: 13, 14). Кроме того, из васильковских раскопок происходят такие находки, как глиняные кольца (рис. 4: 7, 8), глиняные лапы (рис. 4: 10, 11), кольца («змейки»), свернутые из железных стержней (рис. 4: 9), т. е. предметы, имеющие магическое, тотемное значение и находящиеся параллели на Аландских островах и в Скандинавии.

На воинский, дружинный характер васильковских мужских захоронений указывают такие предметы, как боевые топоры-чеканы (рис. 4: 12, 13), стремяна, поясные наборы (Лапшин, Мухина, 1988, рис. 4).

Другим пунктом, где встречены скандинавские предметы, является с. Весь, близ которого в XIX в. раскопаны курганы, а недавно, в 1980-е гг., велись исследования синхронного селища (Седова, Лапшин, Мошенина и др., 1988, с. 87–89). Здесь в кургане 4 обнаружена скорлупообразная фибула (типа 51 по Я. Петерсену) второй четверти X в. (Дедюхина, 1967, с. 194) – рис. 4: 15. Отсюда же происходят ажурная плетеная шейная гривна, крестик т. н. «скандинавского типа», крупные ажурные привески (рис. 4: 16), костяная проколка с процарапанным изображением боевого меча (рис. 4: 18), костяная односторонняя расческа группы II по О. И. Давидан (рис. 4: 17), железная привеска в виде молоточка Тора (рис. 4: 19) и янтарная привеска, напоминающая молоточек Тора (рис. 4: 14). Эти находки указывают на то, что в составе жителей поселения у с. Весь были выходцы из Скандинавии и некоторые из них входили в дружинную среду.

Третий пункт – с. Гнездилово, расположенное в 5 км юго-западнее Суздаля. В раскопанных А. С. Уваровым в 1851 г. курганах с трупосожжением были найдены предметы аналогичные находкам из других синхронных памятников суздальской округи. В первую очередь это относится к находке серебряной скано-зерненной привески с узором из четырех волют, близкой по орнаментации привескам из Новоселок и Васильков, описанных выше (рис. 2: 13). Найдена была также очень редкая золотая серьга (рис. 4: 21). Из предметов, связанных со снаряжением воина, следует назвать накладки от поясного набора, боевые топоры, наконечники стрел, удила. На селище найдены костяные наборные расчески (группа II по О. И. Давидан) IX–XI вв., встречающиеся на Руси на памятниках, где ощущается присутствие скандинавов, а также в Швеции (Бирка), в

Рис.4. Предметы скандинавского и дружинного облика из Суздаля и округи.
 1–13 – из курганов у с. Васильки; 14–19 – из курганов и селища Весь; 20, 21, 23 – из курганов и селища Гнездилово; 22 – из курганов у с. Новосёлки.

Польше и Германии. Среди находок – железное кольцо с тремя трапециевидными подвесками – молоточками Тора (рис.4: 23). Наиболее интересна квадратная бронзовая золоченая накладка, орнаментированная в скандинавском зверином стиле Вендель (рис.6). Аналогичные накладки X в. известны в Гнёздове и на Готланде (Лапшин, 1989, с.66–70, рис.2; *Die Wikingerzeit Gotlands*, 1900, Abb.198, 37, 45) – рис.4: 20.

Из всего сказанного явствует, что как в самом Суздале, так и в его ближайшей округе в X–XI вв. у населения накапливались значительные материальные ценности, являвшиеся одновременно образцами высокого художественного ремесла своего времени и предметами декоративно-прикладного искусства. Согласно «Русской Правде», ремесленники входили в круг лиц – членов княжеского домена, жизнь которых защищается вирой. По-видимому, высокохудожественные детали княжеско-боярского и дружинного костюма X–XI вв. производились по княжескому заказу в княжеских мастерских и предназначались в качестве материальных наград для дружинников. Населенные пункты, в которых они найдены, возникли в X в. и на рубеже X–XI вв. практически одновременно с самим городом Суздалем. Все они отстоят от Суздаля на 5–15 км и расположены на границах будущего ядра «Суздальской земли», а позднее суздальского удельного княжества и суздальской волости. Так, Новосёлки вместе с поселением в Кидекше как бы запирают проход к Суздалю с востока из р. Нерль, находясь на обоих берегах р. Каменки при впадении ее в Нерль. Комплекс памятников у с. Васильки находится на правом берегу р. Нерль, на юго-восточной границе суздальского ареала, а комплекс у с. Весь – на северной его границе, на р. Ирмесь. Комплекс у с. Гнездилово расположен на древней дороге, ведущей во Владимир. Для понимания роли этих поселений интерес представляет летописный текст под 1096 г., в котором сказано, что князь Мстислав, сидя в Суздале «распусти дружину по селам»... (ПСРЛ, I, 1962, стб. 240). По-видимому, селами этими, куда распущена была дружина и являлись вышеперечисленные селища с расположенными вблизи них курганными могильниками. Дружинники, среди которых были выходцы из Скандинавии, получали эти села во временное владение – «кормление», некоторые из них оседали на земле. Именно поэтому в материальной культуре суздальской округи так отчетливо прослеживаются городские или, скорее, дружинные черты.

В Суздале исследованы две усадьбы богатых дружинников XI в. Кроме вышеназванных золотых браслетов, зарытых в виде клада во время междоусобной борьбы 1096 г. на усадьбах найдено несколько предметов северного, скандинавского облика. Это фрагменты бронзовых накладок с изображением хищных птиц (рис. 5: 5, 6), бронзовый браслет с концами в виде головок драконов (рис. 5: 1), бронзовая рукоятка боевого ножа, украшенная плетеным орнаментом и завершающаяся головой дракона (рис. 5: 8), подковообразные фибулы (рис. 5: 3, 4), железный браслет (рис. 5: 7), большепетельный ключ (рис. 5: 10) и др. Значительный интерес представляет бронзовая литая круглая привеска, на лицевой стороне которой помещено изображение двух геральдически противостоящих птиц с переплетенными головами на длинных шеях (рис. 5: 2). Подобные композиции из двух противостоящих птиц известны еще в двух пунктах: это Гнёздовский клад 1868 г. и Седневская курганная группа Черниговской губ. (Гущин, 1936, с. 34, рис. 5, табл. III: 13). Обе эти подвески несомненно сделаны в одной и той же мастерской, отлиты в одной форме. Это изделия скандинавского облика. Суздальская же находка имеет более смягченные формы, носит гибридный характер, отличающийся от жестких очертаний скандинавских изделий. По-видимому, это уже изделие местных мастеров. К этому же кругу усвоенных местными ремесленниками форм можно отнести и круглую литую подвеску с изображением четырех волютообразных завитков, отходящих как бы от единого корня. Оригинальные скано-зерновые такие привески есть и во владимирских курганах (рис. 2: 19), в Гнёздовском кладе (Спицын, 19056, рис. 173;

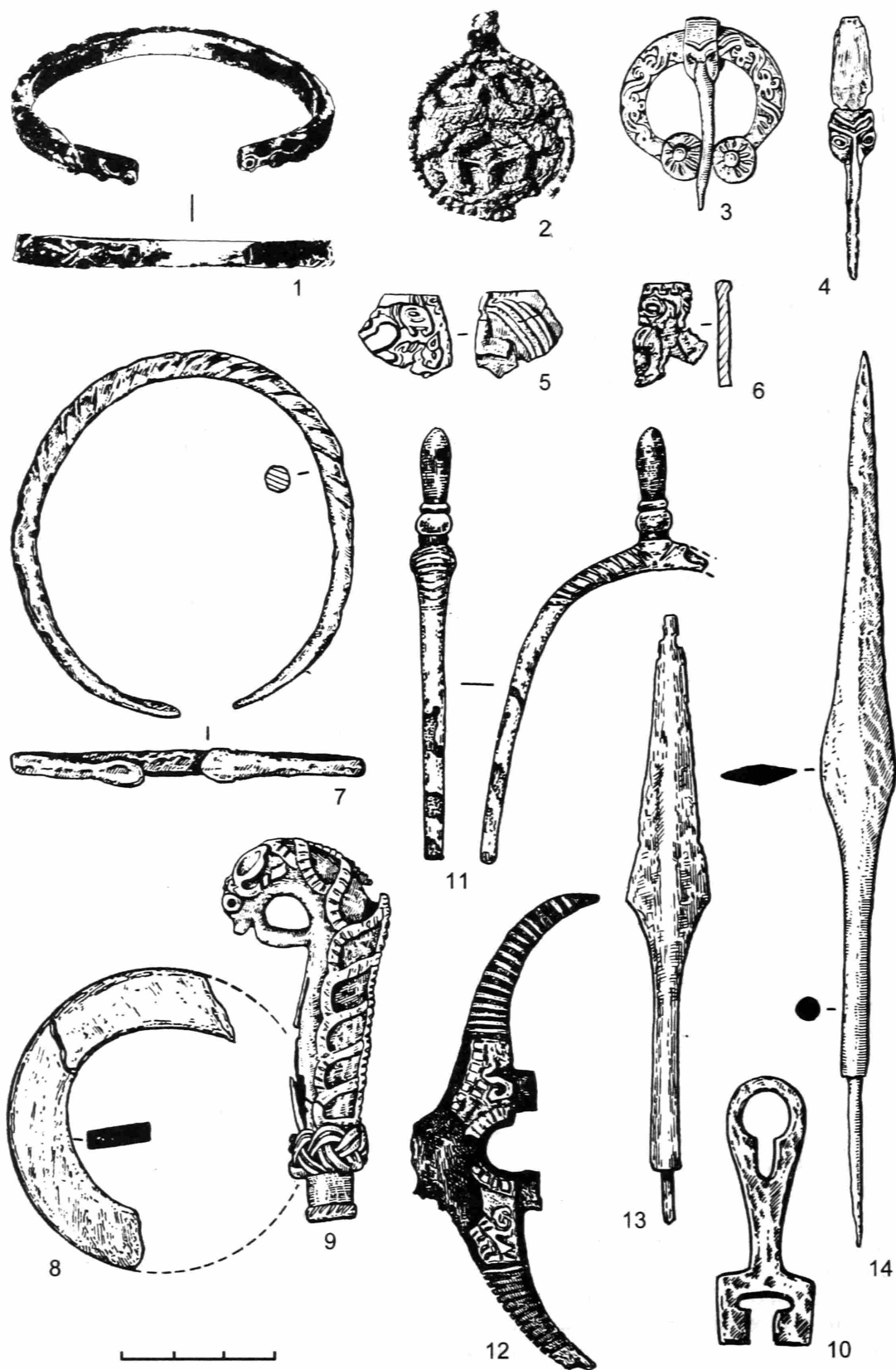

Рис.5. Предметы скандинавского и дружинного облика из городских усадеб XI в. Суздаля.

Гущин, 1936, табл. 1) и в других памятниках X–XI вв., но с начала XII в. литые их оттиски встречаются уже в рядовых памятниках. Суздальская привеска несмотря на следы позолоты на ее поверхности имеет явные признаки незавершенности обработки в виде литейных заусениц, что свидетельствует о местном ее производстве. Воинский облик культуры характеризуют такие предметы, как шпоры, удила, наконечники стрел (рис. 5: 11–14).

Рассмотренные предметы, характерные для богатого убора княжеско-боярской среды показывают, что начиная с X–XI вв. в Суздале и его округе в употреблении были украшения, бытовавшие у знати и других древнерусских городов. Отмечается некоторая «столичность» изделий, предполагающая их изготовление в княжеских или боярских мастерских.

ЛИТЕРАТУРА

- Георгиевский В., 1927. Памятники старинного русского искусства суздальского музея. М.
Гущин А.С., 1936. Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. Л.
Дедюхина В.С., 1967. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ, вып. 43. М.
Кондаков Н.П., 1896. Русские клады. СПб.
Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады. М., Л.
Лаврентьевская летопись, 1962. ПСРЛ, т. I. М.
Лапшин В.А., 1989. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 195. М.
Лапшин В.А., Мухина Т.Ф., 1988. Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси. М.
Новикова Г.Л., 1993. Подвеска с птицей из Владимирских курганов. Опыт атрибуции // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. М.
Новикова Г.Л., 1998. Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
Сабурова М.А., Седова М.В., 1984. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М.
Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.
Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.
Седова М.В., Лапшин В.А., Мошенина Н.Н., Сабурова М.А., Чукова Т.А., Чалых Н.Е., 1988. Исследования в Суздале и Суздальском районе // АО 1986 г. М.
Спицын А.А., 1905а. Кочевнический курган близ г. Юрьева-Польского // ИАК. Вып. 15. СПб.
Спицын А.А., 1905б. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб.
Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.
Die Wikingerzeit Gotlands. 1900, Stockholm.
Hrubý V., 1965. Stare Mesto. Velkomoravsky Velehrad. Praha.
Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands, II, Stockholm. (б.г.)

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 212. 2001 год.

В. А. Буров

О СЕРОЙ КЕРАМИКЕ XII – НАЧАЛА XIV ВЕКА ГОРОДИЩА ВАРВАРИНА ГОРА

Городище Варварина Гора расположено на Валдайской возвышенности в 0,7 км к северо-востоку от д. Городок, на правом берегу р. Шлины (бассейн р. Мсты). Исторически это бывшая южная окраина Деревской пятины Новгородской земли, территория волости Жабна.

© В. А. Буров, 2001 г.

Археологическое исследование памятника было проведено Деревским отрядом Института археологии РАН под руководством автора в 1985, 1987–1990 и 1993 гг. Раскопки на площади 440 кв. м вскрыли примерно две трети верхней площадки памятника, охватив при этом основные жилые и производственные комплексы. Две стратиграфические траншеи на южном и северном склонах городища увеличили обследованную площадь поселения еще на 70 кв. м. В нашей трактовке городище – центр феодальной вотчины XII – начала XIV в. (Буров, 1994, с. 120–123).

В ходе раскопок была получена представительная коллекция средневековой круговой керамики XI–XIV вв., которая насчитывает 26004 фрагмента без учета 380 ошлакованных обломков. При ее обработке и классификации за основу взят цвет поверхности черепка. Выделено две группы посуды: красновато-коричневая (19860 экз., или 76,37%) и серая (6144 экз., или 23,63%). Первую иногда определяют по цвету как бурая (Малыгин, 1991, с. 198–204). Она включает домонгольскую древнерусскую (так называемую курганную) и постдревнерусскую керамику. Название второй также условно, поскольку ее колер варьирует от преобладающих серого и белого цветов до бежевого. В литературе ее называют еще сероглиняной. Настоящая заметка посвящена серой посуде.

Термин «серая керамика» взят нами из московской археологии, где данная керамика была выделена 30 лет назад (Рабинович, 1971, с. 22, 23, 103), и с тех пор он выдержал проверку временем. Этот термин в значительной степени наполнен хронологическим содержанием, указывающим на бытование данной посуды с XII по самый конец XIV столетия (Чернов, 1991, с. 20). Важно подчеркнуть, что как в новгородской, так и в тверской, добавим – и смоленской, археологии (Каменецкая, 1976, с. 40; Малыгин, 1991, с. 198–216; Олейников, Смирнова, 1992, с. 73–89; Сергина, 1994, с. 4, 5), данное кардинальное деление керамики при ее классификации не принято. Вся керамика здесь рассматривается суммарно. Только при характеристике типов вносится уточнение относительно характера глины, ее цвета.

Между тем материалы городища Варварина Гора побуждают нас выделить серую керамику в отдельную группу, требующего отдельного изучения, и для средневековой археологии Северо-Запада. Сравнительная характеристика серой и красновато-коричневой керамики выявляет их принципиальное различие.

В коллекции серой керамики только 17 экз. (0,28%) относится к уплощенным крышкам, остальные 6127 экз. (99,72%) – к осколкам горшков. Выделить миски из-за сильной фрагментарности материала не представляется возможным. В свою очередь фрагменты серых сосудов подразделяются на: венчики – 897 экз. (14,60%), стенки – 4931 экз. (80,26%), донца – 299 экз. (4,86%).

Коллекция красновато-коричневой посуды состоит из 19860 обломков. Крышек выявлено 5 обломков (0,03%), ручек от кувшинов 4 фрагмента (0,02%). Состав остальной посуды: венчики – 3207 экз. (16,15%), стенки – 15983 экз. (80,47%), донца – 661 экз. (3,33%).

Серая керамика – это в основном столовая, бытовая посуда, не предназначенная для варки пищи. В отличие от красновато-коричневой она за редким исключением не имеет следов нагара. Черепок серой посуды намного плотнее, тверже, прочнее, звонче. Фрагменты красновато-коричневой посуды легко разламывались на части, в то время как для получения осколка от серого сосуда требовалось приложить усилия, порой немалые.

Дальнейшее сопоставление серой и красновато-коричневой посуды целесообразно провести на основе двух выборок, представленных фрагментами соответственно 259 и 334 горшков индивидуальных форм, которые были выделены нами в ходе обработки всего материала. К одной индивидуальной форме были отнесены фрагменты (один или более), происходящие от одного и того же целого экземпляра сосуда. Все индивидуальные формы серых горшков представлены на рисунках с присвоенными им в коллекции номерами (рис. 1–4).

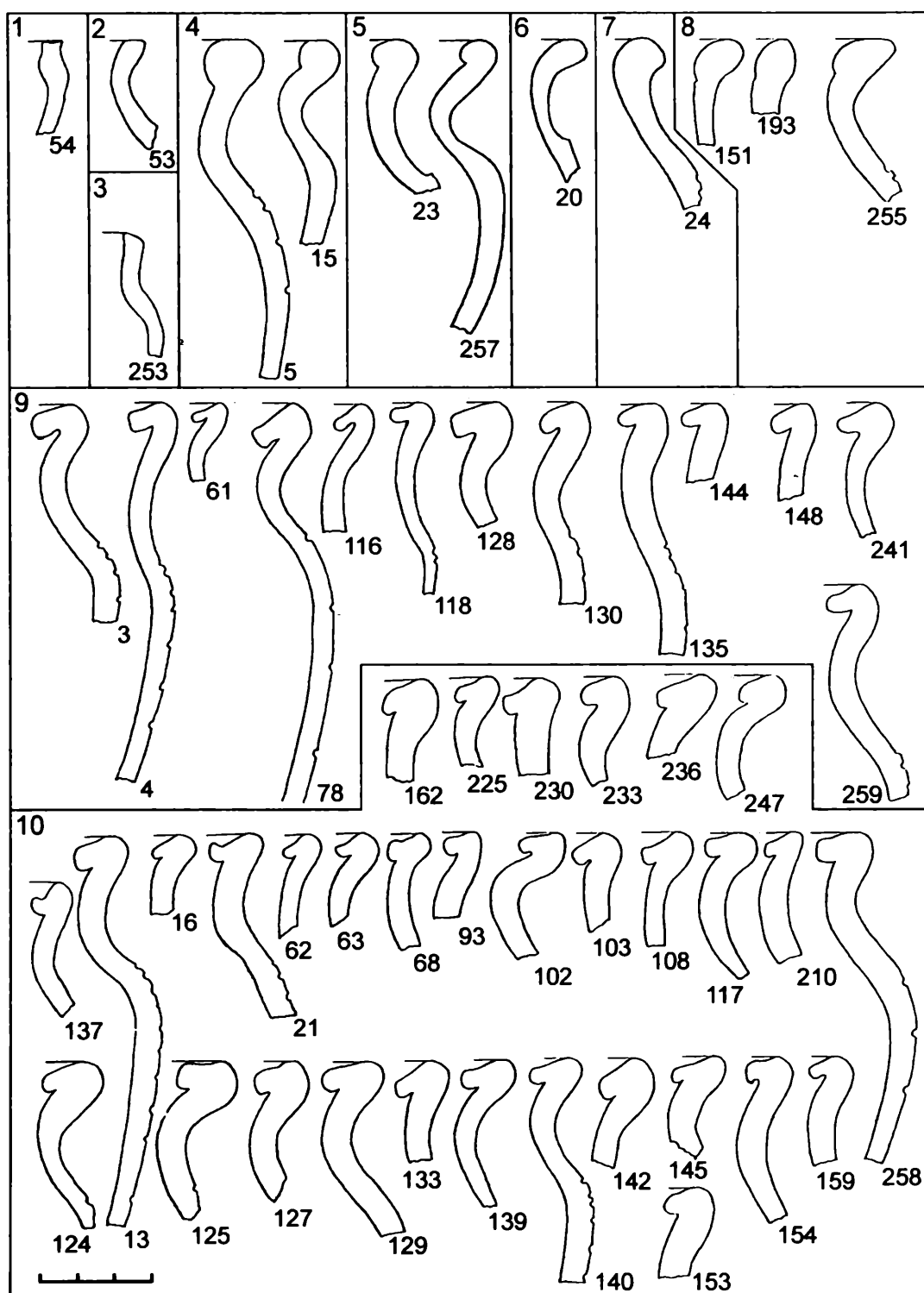

Рис. 1. Варианты 1–10 профилей серых сосудов индивидуальных форм.

Поверхность практически всех серых сосудов Варваринной Горы специально заглаживалась. При этом 120 горшков (48,19%) можно охарактеризовать как гладкие. Поверхность 106 горшков (42,57%) шероховатая, 17 горшков (6,83%) – в основном шероховатая, но на отдельных участках гладкая. Только шесть серых горшков (или 2,41%) имеют бугристую неровную поверхность. Среди красновато-коричневых сосудов преобладают изделия с шероховатой поверхностью

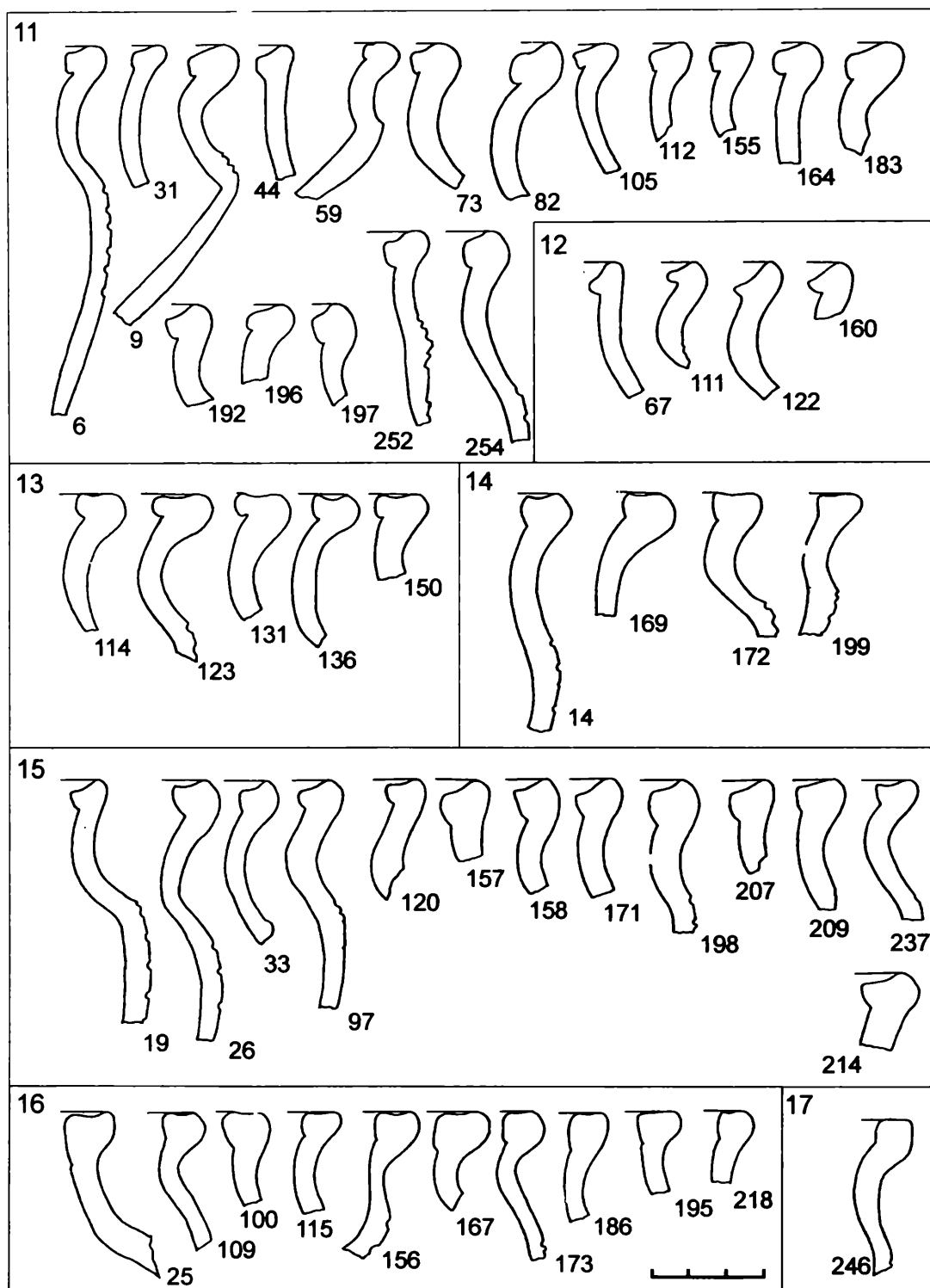

Рис. 2. Варианты 11–17 профилей серых сосудов индивидуальных форм.

(210 шт., или 65,27%). Гладких горшков меньше (116 шт., или 34,73%); почти все они без специального заглаживания. Таким образом, качество обработки внешней стороны серых горшков несомненно выше.

На более высокое качество поверхности серых сосудов оказало низкое содержание в их тесте примесей. Почти всегда это песок. Его крупинки, по количеству достаточно редкие, подразделяются на мелкие (в поперечнике 1 мм и

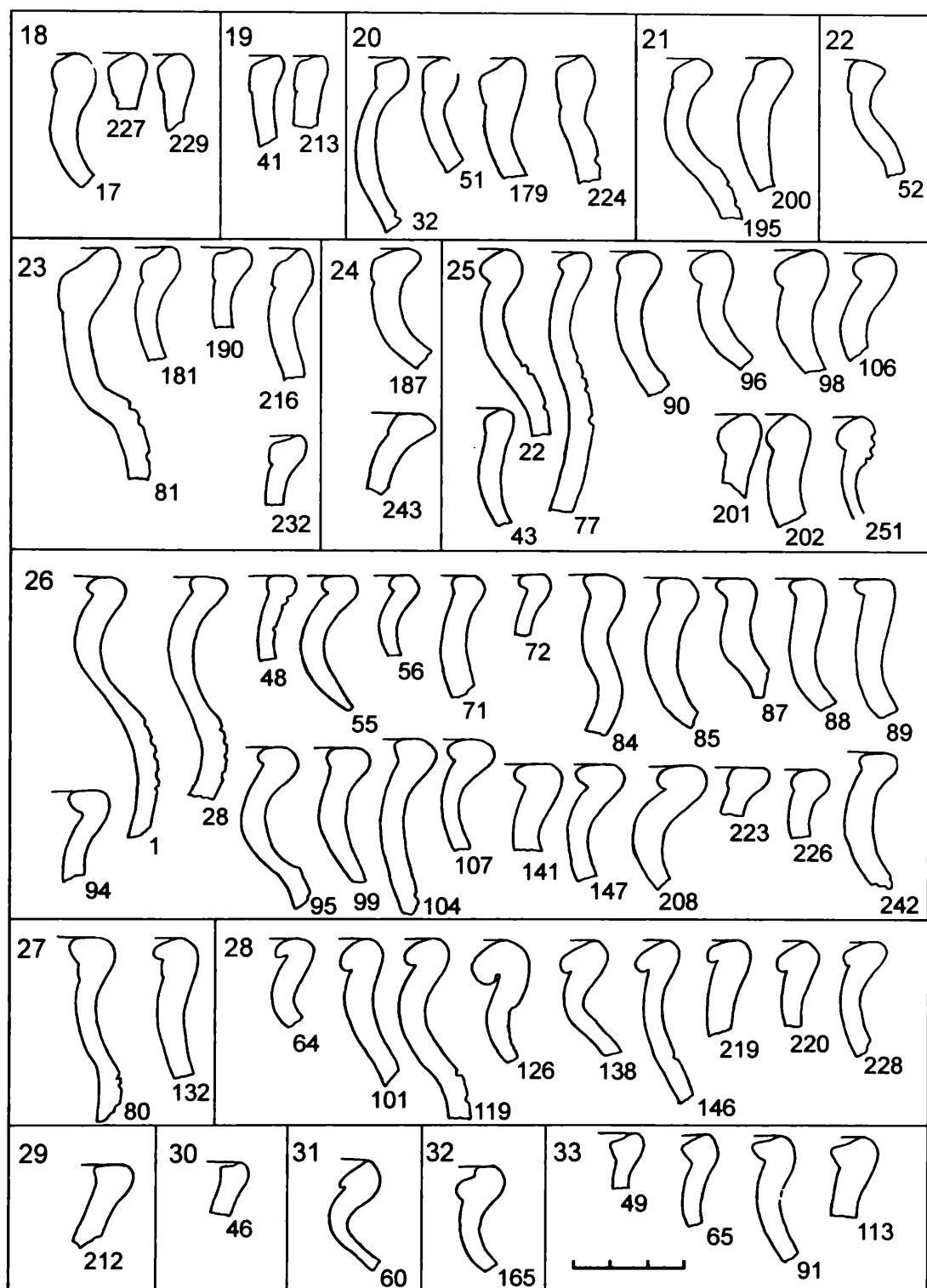

Рис.3. Варианты 18–33 профилей серых сосудов индивидуальных форм.

менее), средние (до 2 мм), крупные (свыше 2 мм); имеются и их сочетания. Для серой керамики Варваринной Горы наиболее характерны мелкие примеси песка (171 горшок, или 66,03%). Редко встречаются примеси только крупные и мелкие в сочетании с крупными (по 2 сосуда, 0,77%) или только средние (4 сосуда, 1,54%) и мелкие со средними (6 горшков, 2,32%). В то же время из природной глины без видимых примесей, очевидно, без их добавления, отмечено 74

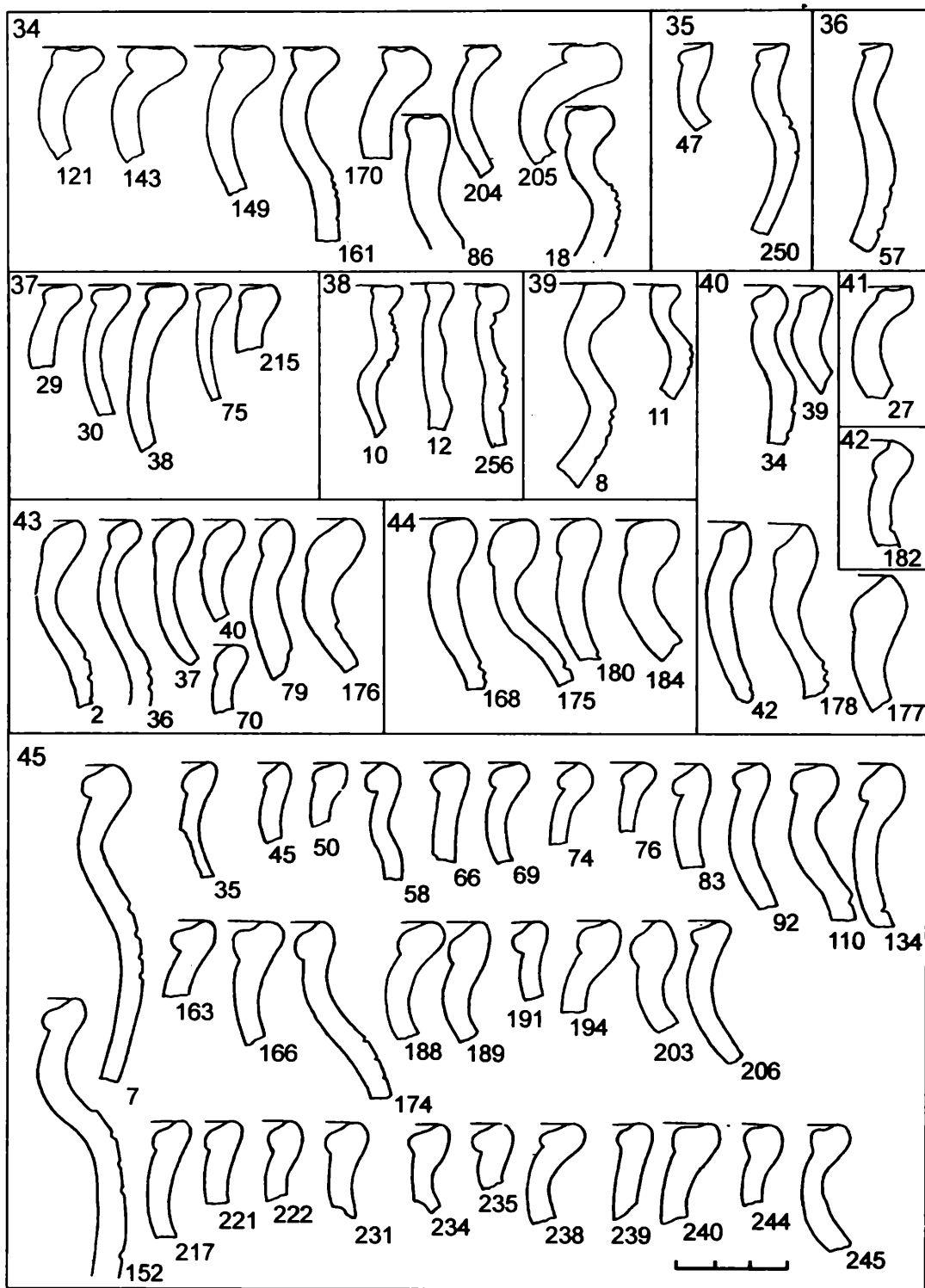

Рис. 4. Варианты 34–45 профилей серых сосудов индивидуальных форм.

горшка (28,57%). Они выполнены из хорошо отмученного теста. В тесте красновато-коричневых горшков также преобладают мелкие примеси (201 сосуд, или 60,18%), но степень насыщенности ими неизмеримо выше. На втором месте горшки с сочетанием мелких и средних примесей (73 шт., или 21,86%). Без видимых примесей отмечено всего 37 сосудов (8,08%). Таким образом, существенная разница между серой посудой и красновато-коричневой лежит в каче-

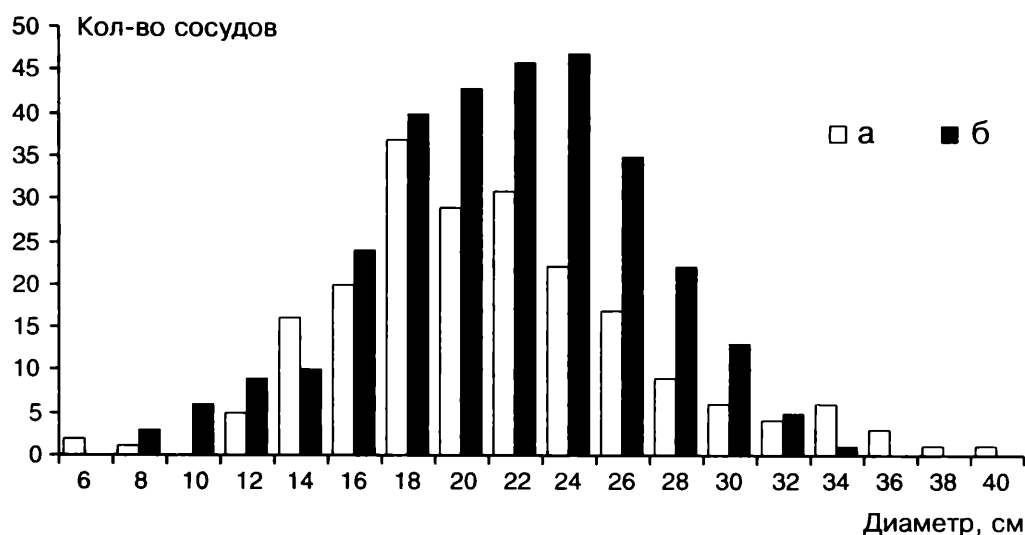

Рис. 5. Количественное соотношение круговых сосудов индивидуальных форм разного диаметра.

а – серая керамика; б – красновато-коричневая керамика.

стве теста. В первом случае это хорошо отмученная глина с малым количеством примесей.

О характере обжига посуды принято судить по цвету излома – одноцветному, что соответствует полному обжигу, и трехцветному, что отвечает кратковременному обжигу. Для серой посуды одноцветный серый и белый излом свойственен 72 горшкам (27,80%), т.е. по высокой технологии было изготовлено чуть больше четверти серой керамики (27,80%). Черный цвет в изломе имеют 44 сосуда (16,99%), при этом наружный серо-белый слой составляет доли миллиметра. Их, очевидно, надо отнести к перекаленным горшкам, свидетельству невысококачественного производства. Остальные горшки подверглись неполному обжигу: трехцветный излом выявлен на 91 горшке (35,14%), двухцветный – 19 горшках (7,35%); 28 (10,81%) сосудов содержат на отдельных участках черепков сочетание трехцветного и одноцветного изломов. Тем не менее, прочность практически всех серых черепков чрезвычайно высока.

Из 334 красновато-коричневых горшков индивидуальных форм 141 (42,21%) одноцветный в изломе, т.е. качественного обжига. Двухцветный и трехцветный изломы посуды обжига среднего качества отмечены для 83 (24,85%) и 90 (26,95%) горшков.

Пределы диаметров для серых и красновато-коричневых горшков также различны. Для первых это 6–41 см, для вторых 8–34 см (рис.5). Иными словами, серая посуда Варваринной Горы выделяется наличием в своем составе миниатюрных сосудов диаметром 6 см и самых крупных диаметром 38–41 см. Основная масса серых горшков имеет диаметр 14–28 см, наиболее распространенный диаметр 18–22 см. Для красновато-коричневой керамики наиболее распространенным является диаметр 20–25 см, основная часть горшков имела диаметр 16–28 см.

Красновато-коричневая керамика в большинстве своем более толстая и массивная, чем серая. Максимальная толщина ее стенок в верхней части горшков составляет 11–13 мм, в то время как серой – 9–10 мм. Минимальная толщина равна соответственно 5 и 3–4 мм.

Таким образом, приведенные сравнительные характеристики двух групп круговой керамики Варваринной Горы со всей очевидностью указывает на то, что они изготавливались по разным технологическим схемам.

Отличается серая керамика и типологически. Для этой посуды, найденной в Москве, исследователи отмечают как характерную черту слабо отогнутый вен-

чик и отсутствие сильно профилированных форм. Данный вывод следует распространить и на материалы Варваринной Горы, о чем свидетельствует сопоставление вариантов профилей двух групп керамики. Выясняется также, что красновато-коричневая посуда имеет большее разнообразие вариантов профилей венчиков по сравнению с серой керамикой: 61 против 44. Общими для обеих групп оказываются одинаковыми всего 10 вариантов профилей: варианты 3, 4, 5, 13, 15, 25, 26, 34, 36, 45 (рис. 1–4). Это, пожалуй, последний довод в пользу необходимости выделения для новгородской средневековой керамики особой группы серой посуды.

ЛИТЕРАТУРА

- Буров В.А., 1994. «А погост Жабна пуст...». М.
Каменецкая Е.В., 1976. Керамика Смоленска XII–XIII веков // Проблемы истории СССР. Вып. V. М.
Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.
Олейников О.М., Смирнова Г.П., 1992. Хронология некоторых групп новгородской керамики X–XIII вв. н. э. // Древнерусская керамика. М.
Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. МИА. № 167.
Сергина Т.В., 1994. Керамика Смоленска второй половины XIII–XVII веков. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 212. 2001 год.

В. В. Сидоров

СМОЛЕНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СОСУДОВ

Широко распространено мнение, что крупные сосуды неолитических культур в лесной зоне не пригодны для варки на костре и использовались для хранения запасов. Якобы 20–30-литровые котлы – а это обычная норма наиболее массовых размеров сосудов (Сидоров, 1986) – не выдержат заполняющей их воды. Действительно, прочность намоченного неолитического черепка гораздо меньше, чем гончарного, тесто рыхлое, пористое, обжиг низкотемпературный. К тому же почти все сосуды отремонтированы – имеют отверстия, просверленные после обжига. Это легко заметить на сосудах, имеющих гладкий черепок, таких, как верхневолжские, волго-камские. Но и ямочно-гребенчатые, льяловские сосуды точно так же ремонтировались, что видно на реставрируемых экземплярах, только отверстия там не просверлены, а пробиты в дне ямок. Они располагаются попарно вдоль трещин. Утверждают, что отремонтированные сосуды не пригодны для варки.

Предположение о варке пищи в таких котлах раскаленными камнями (метод бучения) должно основываться на нахождении в слое поселений множества пережженных и растрескавшихся камней. Этот метод применяется для распаривания деревянной посуды. Естественно, никакого нагара в таком случае на стенках котлов не появится. Стоянки с большим количеством растрескавшихся в огне камней довольно редки, гораздо реже, чем поселения железного века.

Но делались ли сосуды специально как емкости для хранения? Ни на одной неолитической стоянке не были найдены в жилищах или прилегающих к ним хозяйственных ямах хранилища с использованием сосудов. Находки сосудов в ямах крайне редки и функционирование их как хранилищ остается сугубо предположительным. Возможно, что довольно часто встречаемые придонные части сосудов хорошей сохранности – свидетельства использования их как вкопанных, стационарных хранилищ. Но их расположение на поселении тоже не свидетельствует об организованном здесь участке хранения запасов. Несравненно чаще сосуды находят в непосредственной близости от очага, в том числе и отремонтированные, а эта часть жилого пространства явно не пригодна для хранения запасов. К тому же, если такие сосуды не выдерживают заполняющей их жидкости, то они не представляют интереса и как емкости для хранения, а сухой припас можно хранить и в емкостях из органических материалов.

Аргументом за использование сосудов как котлов для варки служит очень часто встречаемый «пищевой нагар». Он присутствует и на отремонтированных сосудах. Но действительно ли это остатки пригоревшей пищи? Точно такой же нагар присутствует на смолокурных тиглях XVIII–XIX вв. в остатках смолокурень, которые встречаются в лесах Мещеры и Костромы. На верхневолжских и раннельяловских стоянках с хорошей сохранностью органики «нагар» есть почти на всех черепках, кроме тех, какие были окатаны. Особенно хорошо сохраняется он в прибрежных шлейфах стоянок (Языково, Маслово Болото 2, Замостье 1, 2, 4, 5, 7). На стоянках с плохой сохранностью органики он фиксируется редко. Плотный углистый слой покрывает изнутри сосуд полностью, иногда с двух сторон. Пищевой нагар, который изредка встречается на средневековой посуде, располагается только на горловине и имеет совсем другую структуру; он рыхлый, имеет разную толщину. Он возникал при пригорании пищи, богатой углеводами (каши). В составе пищи рыболовов-охотников лесной зоны не было таких видов. Зерна калины, отмеченные в нагаре на верхневолжской и льяловской посуде Замостья 2 и Воймежной (Энговатова, 2000) находились не в слое нагара, а на его поверхности. На неолитической посуде слой «нагара» очень ровный, плотный, толщина его изредка достигает 2 мм, как правило – до 1 мм. Мне приходилось встречать «нагар» со следами специального заглаживания шпателем – с четкими следами инструмента. Все это совершенно не похоже на пригоревшую пищу.

То же самое вещество, которое составляет «нагар», заполняет отверстия, через которые связывали треснувший сосуд. Кроме того, на трещинах порой сохраняются жгуты шириной до 10 мм и толщиной до 3 мм. Назначение таких жгутов ясно – это смола хвойных деревьев, которой заклеивали трещины. Плотный жгут мог быть получен из жеваной смолы. Кусочки таких жгутов при нагревании дают характерный смолистый запах. Но в таком случае и пищевой нагар – это тоже смола. Он может включать и пищевые остатки, но сформирован он специально.

Тогда становится понятным, как могли использоваться для варки крупные котлы. Смоление сосуда защищало его от намокания, и в таком случае в нем становится возможно хранить и жидкость. Но пригоден ли он для варки? Или смола выгорит на открытом огне?

В полевых условиях был поставлен эксперимент. Прохудившееся ведро было залатано еловой смолой изнутри. Площадь дыр была 1–2 кв. см. После этого оно продолжало использоваться как кухонный котел. Смола придавала пище заметный привкус, напоминающий соль, но и после шестикратного употребления заплатка держалась вполне прочно.

Техника смоления опробована на экспериментальных керамических сосудах также в полевых условиях. В нагретый сосуд была влита расплавленная смола. Катая сосуд, ее распределили по стенкам равномерно. В результате сосуд оказался внутри облицован плотным толстым слоем, более напоминающим

эмаль, чем поливу. Использование сосуда для горячей пищи не влияло на состояние смоляной облицовки.

Другой способ смоления оказался еще проще. В раскаленный сосуд после обжига были брошены куски еловой смолы. Она задымилась – произошла возгонка смолы, и на стенках сосуда образовалась тонкая и плотная блестящая пленка. Смола забила также поры, микротрещины. Она защищала сосуд от намокания и не меняла качества при воздействии кипятком. Такая фактура внутренних поверхностей неолитических сосудов встречается гораздо чаще, сохраняясь и на тех памятниках, где нет органики. Она меньше страдает и от окатанности.

Теоретически возможны и иные способы гидроизоляции (пропитка жиром, цементация известью). Пористость сосудов убывает по мере их засаливания – заполнения пор мелкой органикой при использовании. Возможно, разные способы гидроизоляции практиковались в разных культурах. В Волго-Окском междуречье облицовка смолой появляется уже в раннем неолите (верхневолжская культура), продолжает широко применяться на стадии раннего этапа льяловской культуры. Для среднего и позднего этапов более характерна возгонка смолы (окуривание). Плотная пленка (облицовка) встречается у части волосовских сосудов. В то же время на 700 сосудов городища Настасьино из раскопок 1999–2000 гг. (дьяковская культура) смола отмечена только на четырех небольших сосудах, с двух сторон, неровными подтеками, что связано с их использованием для смоления. Нет следов смоления и на ранней русской средневековой керамике.

Обработка сосудов смолением (особенно окуривание) – довольно простая операция, которая делала крупные неолитические сосуды вполне пригодными и для варки пищи, и для хранения, несмотря на их небольшую прочность. Окуривание не заделывает трещин – для этого лучше применять обливание смолой. Жеваная смола могла применяться для закрывания трещин и просверленных для ремонта отверстий. По-видимому, она же использовалась для закрепления вкладышей в оправах: механические свойства жеваной и свежей или растопленной смолы не одинаковы – застывшая жеваная гораздо менее хрупкая.

В то же время нет никаких данных, которые позволяли бы говорить о специальном изготовлении в неолите керамических сосудов для хранения. Возникает вопрос – а бытовало ли в неолите хранение жидких запасов? Они могли храниться и в кожаных емкостях. Случаи использования их как хранилищ требуются доказывать полевыми наблюдениями – обстоятельствами их обнаружения.

ЛИТЕРАТУРА

- Сидоров В.В. 1986. Маслово Болото 7 – поселение льяловской культуры // СА, № 4.
Энговатова А.В. 2000. О характере использования керамических сосудов населением Волго-Окского междуречья в неолите // Тверской археологический сборник. Вып. 4, Тверь.

ПУБЛИКАЦИИ

Н. Б. Черных, А. А. Карпухин

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОБРАЗЦОВ ДРЕВЕСИНЫ ИЗ РАСКОПОК В ТОРЖКЕ (по материалам Воздвиженских раскопов)

Первые опыты дендрохронологического анализа материалов из раскопок в Торжке предпринимались во второй половине 1980-х годов (Черных, 1996, с. 144–149) в связи с археологическими исследованиями Нижнего городища, осуществлявшимися экспедицией Калининского университета (Малыгин, 1983, с. 70; 1987, с. 80–81). Темой настоящего сообщения являются результаты дендроанализа образцов строительного дерева, отобранного в процессе археологических раскопок, проводившихся в Затверецкой части Торжка, напротив Новоторжского кремля, на левом берегу р. Тверцы Новоторжской археологической экспедицией Всероссийского историко-этнографического музея, преобразованной на 2000 г. в отряд Новгородской археологической экспедиции¹. В течение двух полевых сезонов (1999–2000 гг.) на территории Воздвиженского конца древнего Торжка четырьмя раскопами вскрыта площадь около 2630 кв. м.

Всего при работах на Воздвиженских раскопах (1, 1А, 2, 3) было собрано 379 образцов древесины, из которых обработке подверглись 366 спилов (исключены образцы дерева лиственных пород). Для 244 образцов получены дендродаты, большая часть которых (232) укладывается в хронологический диапазон XII–XIV вв. Остальные 12 датированных образцов отбирались из сооружений, выявленных в слоях XVII–XVIII вв. В связи с тем, что выборка материалов XVII–XVIII вв. довольно малочисленна, в данной работе она рассматриваться не будет.

Возрастное распределение строительного дерева XII–XIV вв.² представлено на гистограмме (рис. 1). Преобладание дерева второй возрастной группы (51–100 лет) в XIII–XIV вв. довольно четко отражает общую для всего северо-западного региона Восточной Европы традицию заготовки строительного леса (Черных, 1996, с. 38). Для этого региона в целом в XII в. отмечается смена традиций лесозаготовительных работ: если до этого времени зафиксировано количественное преобладание строительной древесины первой возрастной группы (до 50 лет), то с

¹ Пользуемся случаем выразить глубокую признательность П. Д. Малыгину, Г. Е. Дубровину, О. М. Олейникову, В. В. и Е. А. Романовым, Н. А. Сарафановой, Е. В. Лагуткиной, Ю. В. Степановой, В. И. Кильдюшевскому за любезно предоставленные материалы и особенно поблагодарить П. Д. Малыгина и Г. Е. Дубровина за ценные консультации при написании настоящей работы.

² Необходимо отметить, что данное наблюдение относится в большей степени к материалам XIII в., так как выборка древесины XIV в. пока недостаточно представительна для проведения корректной статистической оценки ее возрастного состава.

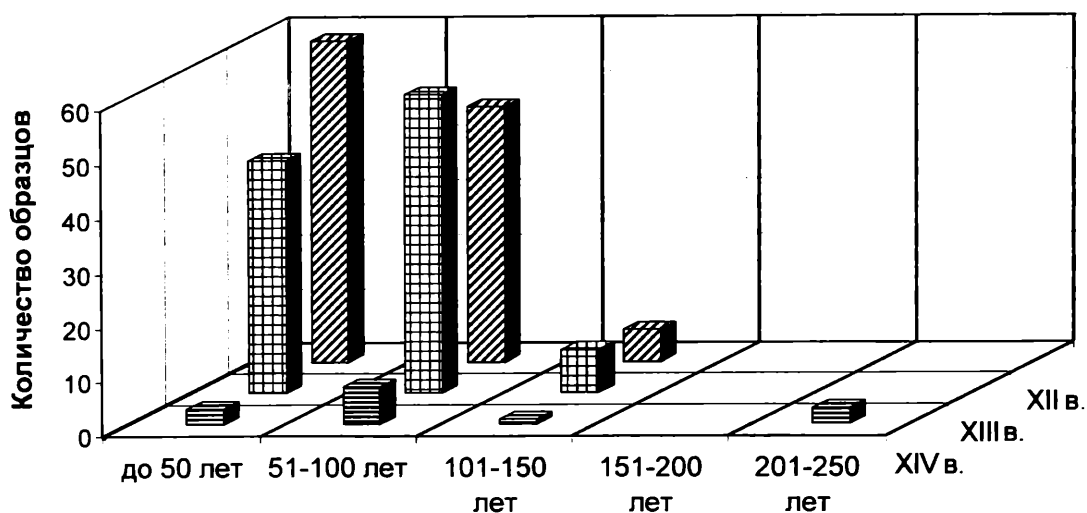

Рис. 1. Возрастное распределение строительного леса.

XII в. начинается употребление для строительства более старых деревьев. В качестве объяснения этого явления уже высказывалась идея о почти полном истощении лесных ресурсов в окрестностях населенных пунктов и начале освоения более отдаленных лесных массивов (Черных, 1996, с. 39). Однако возрастное распределение исследованных материалов Воздвиженских раскопов, относящихся к XII в., демонстрирует несколько иную картину. Для XII в. прослежено количественное преобладание строительного леса первой возрастной группы, а преобладание более старой древесины фиксируется только с XIII в. Возможно, с некоторой долей осторожности такую ситуацию можно объяснить тем, что только к XIII в. ресурсы лесов, традиционно использовавшихся для застройки Торжка, или, по крайней мере, той его территории, которая охвачена Воздвиженскими раскопами, были исчерпаны, и с этого времени начинается освоение каких-то других лесных массивов. В связи с этим довольно любопытным представляется тот факт, что, по мнению исследователей, в середине XII в. осуществлялось строительство оборонительных сооружений в южной части Нижнего городища, которое до этого времени, по-видимому, было неукрепленным городским посадом (Малыгин, 1987а, с. 36; 1987б, с. 80). Не исключено, что причина отмеченных изменений возрастного состава строительного леса неким образом связана именно с этим событием. Однако необходимо принять во внимание, что результаты дендрохронологического изучения новых материалов из раскопок как в районе Воздвиженских раскопов, так и в Торжке в целом могут подтвердить или опровергнуть высказанное нами предположение.

Количественное распределение полученных дендродат XII–XIV вв. по десятилетиям представлено на рис. 2. Из диаграммы видно, что наиболее представительной, в количественном отношении, является выборка 1150-х – 1260-х годов. В связи с этим мы позволим себе ограничиться рассмотрением дендрологических характеристик дерева, абсолютные даты последних сохранившихся колец которого укладываются в этот хронологический промежуток.

Весь указанный массив дерева, на данном этапе исследований, по общности характера рисунка кривых прироста может быть разделен на три дендрологические группы. Образцы каждой из выделенных групп отражают конкретные циклы угнетений годичных колец, как общие, так и специфические только для конкретной группы. Циклы угнетений общего характера явились своего рода реперными точками для синхронизации выделенных групп полулогарифмических кривых между собой и их абсолютного датирования.

Для древесины первой группы, основу которой составили образцы северного частокола раскопа «Воздвиженский 1А» и сруба (сооружение 37) западной

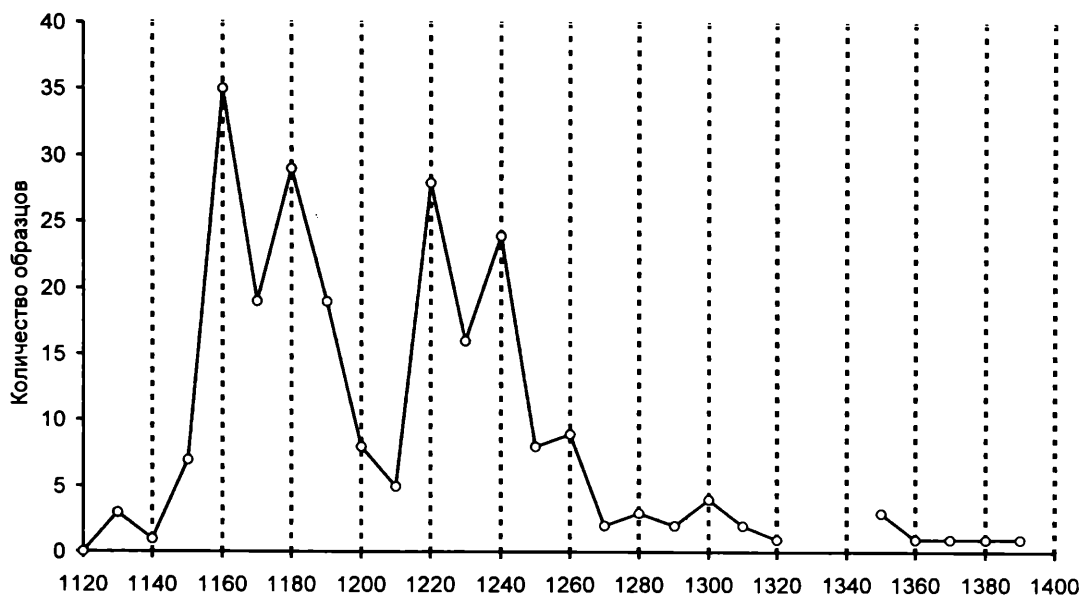
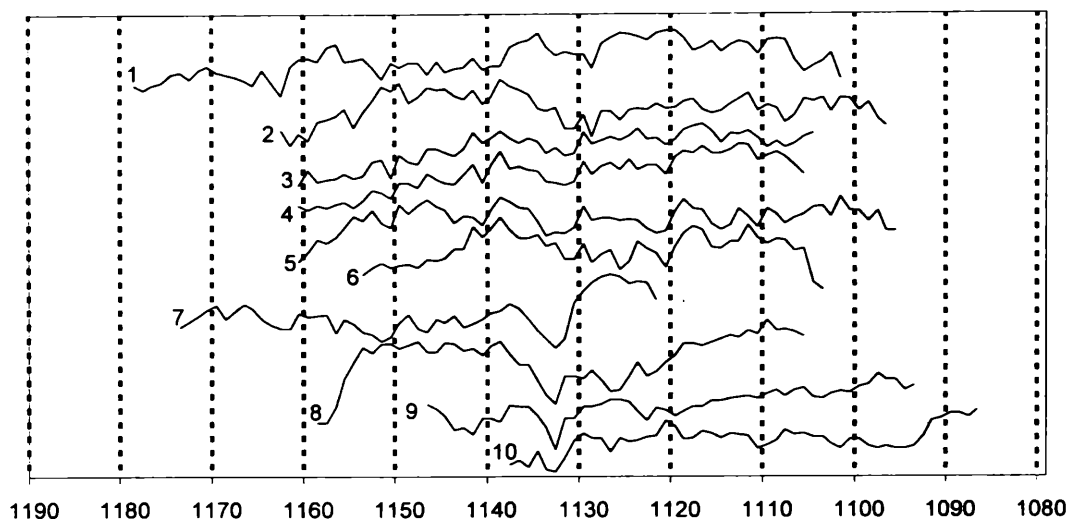

Рис. 2. Количественное распределение датированных образцов древесины по десятилетиям.

усадьбы (Б) из раскопа «Воздвиженский 3», циклом угнетений общего характера представляется микроцикл первой половины 1130-х годов (рис. 3). Этот же цикл угнетений прослежен и для многих образцов второй группы, причем в отдельных случаях он выражен даже более отчетливо (рис. 4). Необходимо отметить, что близкий по рисунку микроцикл был также выявлен на материалах из раскопок Нижнего городища Торжка (Черных, 1996, с. 146, рис. 36). По-видимому, отмеченная серия угнетенных колец может быть соотнесена с одним из «генеральных» для территории всей Восточной Европы микроциклом 1132–1133 годов (Колчин, Черных, 1977, с. 95), принятым в качестве опорного для древесины XII в. из археологических памятников западной группы (Черных, 1996 с. 83–84). Некоторые отличия прослеженной на материалах Воздвиженских раскопок серии угнетений от указанного микроцикла, вероятно, могут быть объяснены какой-то региональной спецификой.

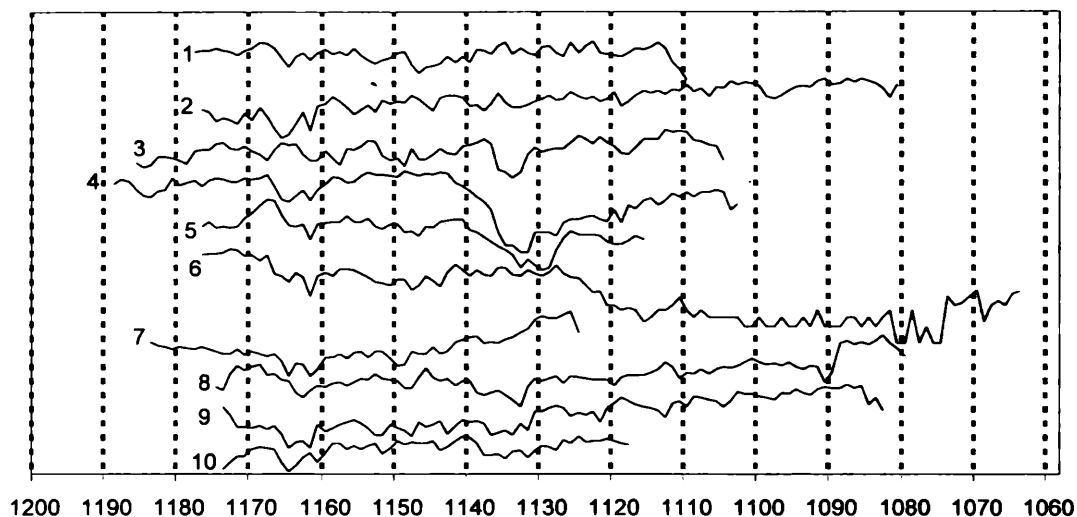
Основу выборки образцов, отнесенных ко второй группе составили материалы семи сооружений: частокола, опечка производственной печи, третьего яруса мостовой раскопа Воздвиженского 1А, трех срубов Воздвиженского 2 и крепления береговой террасы из Воздвиженского 3. Для дерева этой группы, по нашему мнению, общим циклом угнетений является микроцикл первой половины 1160-х гг. (рис. 4), который также достаточно четко прослеживается на значительной части образцов, отнесенных к третьей группе (рис. 5). Подобная, хотя и несколько специфическая, серия угнетенных годовичных колец зафиксирована и в материалах Нижнего городища Торжка (Черных, 1996, с. 145, 147, рис. 35, 37). Вероятно, отмеченная на графиках прироста данной группы серия угнетенных колец связана с другим «генеральным» микроциклом XII в. – 1162–1164 гг. (Колчин, Черных, 1977, с. 95), который на материалах западной группы памятников имеет несколько иной характер и фиксируется как микроцикл 1162–1163 гг. (Черных, 1996, с. 83–84).

Среди образцов, объединенных в третью группу, основной массив материала представлен спилами восьми сооружений: одного сруба из раскопа Воздвиженского 1А, одного сруба, двух настилов, второго яруса мостовой и трех частоколов (1, 2, 3) из раскопа Воздвиженский 2. Серия кривых погодичного прироста этих образцов древесины довольно отчетливо демонстрирует два микроцикла, приходящихся на второе десятилетие XIII в. (рис. 5). По всей видимости, эти две серии угнетенных колец могут быть соотнесены с микроциклами 1210–1212 и

**Рис. 3. График сопряженных полулогарифмических кривых
погодичного прироста древесины группы 1.**

1–6 – раскоп «Воздвиженский 1А», «северный» частокол (образцы № 82, 85, 79, 78, 73, 77);
7 – раскоп Воздвиженский 1А, частокол (образец № 103); 8–10 – раскоп Воздвиженский 2,
сруб (сооружение 37) усадьбы Б (образцы № 14, 12, 15).

**Рис. 4. График сопряженных полулогарифмических кривых
погодичного прироста древесины группы 2.**

1, 2 – Раскоп Воздвиженский 2, сруб в квадратах У,Ф – 2–3 (образцы № 108, 110); 3 – Рас-
скоп Воздвиженский 2, сруб в квадратах Р,С,Т – 1–2 (образец № 191); 4 – Раскоп Воздвижен-
ский 2, сруб в квадратах Ф,Р,С,Т – 3 (образец № 112); 5, 8 – Раскоп Воздвиженский 1А,
опечек производственной печи (образцы № 99, 97); 6, 7 – Раскоп Воздвиженский 1А, мос-
товая, ярус 3 (образцы № 50, 51); 9, 10 – Раскоп Воздвиженский 3, крепление береговой
террасы (образцы № 28, 25).

1219–1220 гг., прослеженными как для древесины памятников западной группы (Черных, 1996, с. 83–84), так и для большинства материалов Восточной Европы (Колчин, Черных, 1977, с. 92). Необходимо отметить, что вторая из названных серий угнетенных колец прослеженная по материалам Воздвиженских раскопов, имеет более постоянный и единообразный характер. В то же время именно группа узких колец 1219–1220 гг. считается «генеральным» микроциклом для восточноевропейских дендрошквал (Колчин, Черных, 1977, с. 95). Отмеченный микроцикл

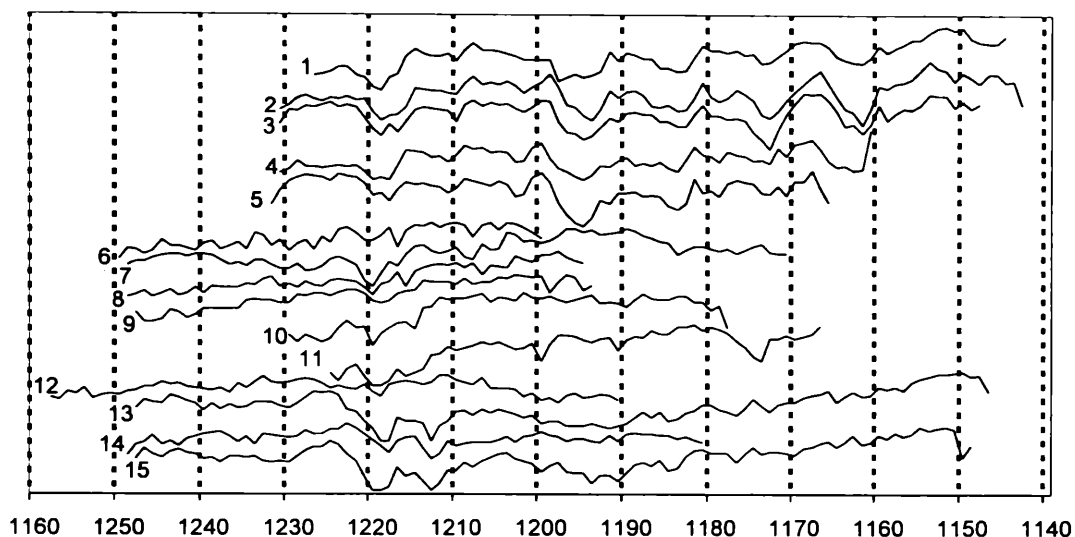

Рис. 5. График сопряженных полулогарифмических кривых погодичного прироста древесины группы 3.

1 – Раскоп Воздвиженский 2, сруб в квадратах РСТ – 1–2 (образец № 92); 2–5 – Раскоп Воздвиженский 2, частокол 2 (образцы № 97, 90, 88, 89); 6–10 – Раскоп Воздвиженский 2, частокол 3 (образцы № 142, 129, 146, 126, 182); 11 – Раскоп Воздвиженский 1А, сруб (образец № 42); 12, 13 – Раскоп Воздвиженский 2, сруб в квадратах ИКЛ – 4–5 (образцы № 33, 35); 14, 15 – Раскоп Воздвиженский 2, настил около сруба (образцы № 28, 29).

1210–1212 гг., который на древесине Торжка прослеживается менее четко и выглядит более «размытым», на материалах Восточной Европы также выражается не столь единообразным рисунком кривой, в связи с чем его считают более широким и часто относят к 1210–1213 гг. (Колчин, Черных, 1977, с. 92).

Таким образом, несмотря на то, что исследованная коллекция древесины Воздвиженских раскопов имеет, по своим дендрологическим характеристикам, некоторые региональные особенности, в целом она довольно четко отражает микроциклы годичных колец, которые являются «генеральными» для всего восточноевропейского дерева.

Теперь хотелось бы коротко остановиться на тех результатах, которые были получены при применении данных дендроанализа. Всего в процессе изучения дендроколлекции Воздвиженских раскопов удалось датировать 42 деревянные конструкции. В связи с тем, что датировки большей части сооружений (33 конструкции) укладываются в диапазон 1150–1250-х годов, мы рассмотрим хронологическое распределение дат построек только этого периода.

Количественное распределение датированных сооружений по типам построек демонстрируют данные табл. 1. В ней же приведено соотношение твердых и условных строительных дат. Основным критерием для отнесения строительных дат построек к категории твердых, как правило, служила узкая группировка дат всех образцов конкретного сооружения на хронологической шкале. В том случае, если конструкция была представлена одним датированным образцом или серией образцов, даты которых демонстрировали широкий хронологический разброс, строительная дата постройки определялась по наиболее поздней дендродате, как условная.

Несколько сложнее обстоит дело с определением характера строительных дат частоколов, значительная часть которых в исследованной выборке представлена довольно хорошими, в количественном отношении, сериями датированных образцов. Как правило, при группировке дендродат, полученных для конкретного частокола, на хронологической прямой вся серия распадалась минимум на две, а иногда и более групп. В таком случае строительная дата частокола определялась нами по наиболее поздней дендродате группы, которая превосходила остальные

Таблица 1. Количественное распределение датированных сооружений по типам построек.

Типы сооружений	Твердые строительные даты	Условные строительные даты	Всего
Срубы	6	7	13
Настилы и вымостки	2	5	7
Частоколы	3	4	7
Мостовые		2	2
Опечки*		2	2
Погреб		1	1
Крепление береговой террасы (столбовая конструкция).	1		1
Всего	12	21	33

* Один из опечков принадлежит не бытовой, а производственной печи.

по количеству образцов и относилась нами к твердым. К применению такого методического подхода, возможно, довольно спорному на первый взгляд, нас подтолкнули результаты анализа планиграфии двух частоколов («северного» и «южного»), открытых на раскопе Воздвиженском 1А. При подробном рассмотрении расположения всех датированных кольев частоколов на плане было выявлено, что хронологическая группировка довольно четко соотносится с местом этих элементов в сооружении: линия кольев, с датами количественно преобладающей хронологической группы, как бы «разорвана» небольшими, по количеству кольев, вставками из других хронологических групп. Необходимо также отметить, что колья с более ранними, чем колья количественно доминирующей хронологической серии, датами располагались на планах одной компактной группой. По нашему мнению, в такой ситуации строительную дату частокола следует определять как твердую по самой поздней из дендродат количественно преобладающей группы. Даты более ранней хронологической группы, по-видимому, должны принадлежать кольям частокола, для которых использовалось более старое, возможно, бывшее в употреблении дерево, например, из каких-то разобранных конструкций, или заготовленное ранее для других строительных работ, а даты поздней группы, в таком случае, должны маркировать проведение ремонтных работ.

В конечном итоге, после определения характера строительных дат, нами была составлена графическая схема размещения на абсолютной хронологической шкале всех полученных дат и дат ремонтов (рис. 6). Даты ремонтных работ, приведенные на схеме, в основном принадлежат частоколам. Только три из них относятся к другим типам сооружений. Первая принадлежит хозяйственной срубной постройке из раскопа Воздвиженского 1, вторая – мостовой (3 ярус) из Воздвиженского 1А, а третья – вымостке (сооружение 40) Воздвиженского 3. Анализ распределения шести полученных дендродат бревен хозяйственной постройки на хронологической прямой позволил выделить две группы дат: 1180-х – начала 1190-х годов (3 даты) и конца 1220-х годов (3 даты). Поскольку четко определить дату строительства сооружения в такой ситуации не представляется возможным, для составления графической схемы распределения строительных дат нами был выбран один из возможных вариантов интерпретации полученных данных. В качестве строительной даты постройки была принята наиболее поздняя дата первой хронологической группы (1192 г.), которую мы предпочли отнести к разряду условных, а наиболее поздняя дендродата второй группы, учитывалась как дата проведения ремонтных работ (1229 г.). Для третьего яруса мостовой было получено 6 дендродат, 5 из которых, принадлежащих образцам дерева, взятым с лаг и подкладок, укладывались в пределы 1170-х – 1180-х годов (самая поздняя дата этой группы 1187 г.), а одна (дата плахи настила) относилась к более

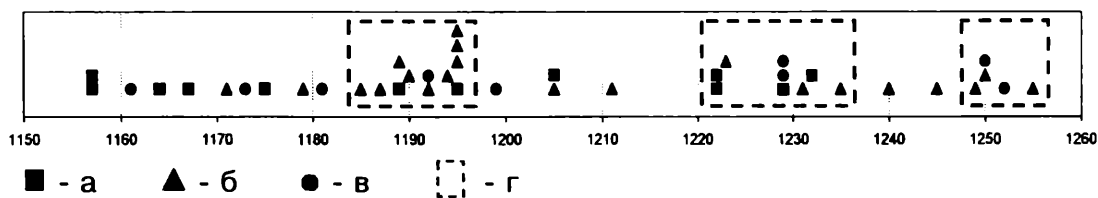

Рис. 6. Хронологическое распределение строительных дат сооружений и дат ремонтов.

а – твердые строительные даты; б – условные строительные даты; в – даты ремонтов; г – периоды строительной активности.

позднему времени (1229 г.). В связи со сложностью интерпретации полученных данных, 1187 г. был принят нами в качестве условной строительной даты сооружения, а 1229 г. рассматривался в качестве даты ремонтных работ. Что касается вымостки, то определение даты ремонта было сделано на основании наличия ее планиграфической связи с сооружением 37 (срубом), имеющим твердую строительную дату 1157 г., в то время как для самой вымостки были получены две дендродаты: 1156 и 1161 гг. Все это, по-видимому, с высокой долей вероятности, должно свидетельствовать о том, что вымостка сооружалась одновременно со срубом, а спустя 4 года ремонтировалась.

Составленная схема распределения дат строительства и ремонтов сооружений позволяет некоторым образом судить о хронологии застройки одного из Новоторжских посадов на протяжении 1150-х – 1250-х годов, или, по крайней мере, его участка, исследованного Воздвиженскими раскопами (рис. 6). Начиная со второй половины 1150-х до середины 1180-х годов застройка изученной территории, по-видимому, протекала довольно равномерно. За это время возводятся 7 различных сооружений (5 имеют твердые, а 2 – условные строительные даты) и три из них ремонтируются. Только во второй половине 1180-х годов наблюдается увеличение интенсивности строительства. В течение 10 лет (1185–1195) строятся 11 сооружений (2 твердые, 9 условных дат) и ремонтируется (1192 год) северный частокол, выявленный на раскопе Воздвиженском 1А, возведенный еще в 1164 г. Затем следует довольно четко выраженное затишье в строительстве, продолжающееся до 1220-х годов, хотя отдельные единичные сооружения продолжают возводиться (3 конструкции) и ремонтироваться (южный частокол из раскопа Воздвиженского 1А, возведенный в 1167 г.). Следующий период строительной активности, по-видимому, приходится на 1220-е – начало 1230-х годов, когда возводятся 7 сооружений (4 твердых, 3 условные даты) и два подвергаются ремонту, после которого наблюдается некоторый спад интенсивности строительства, продолжающийся до рубежа 1240–1250-х годов. В период с рубежа 1240–1250-х до середины 1250-х годов сооружаются 3 конструкции (условные даты) и ремонтируются 2.

Таким образом, результаты анализа исследованных материалов позволяют, по нашему мнению, наметить для хронологического отрезка 1150–1250-х годов три основных периода строительной активности на участке посада Торжка, изученном четырьмя Воздвиженскими раскопами: второй половины 1180-х – середины 1190-х годов, 1220-х – первой половины 1230-х годов, рубежа 1240–1250-х – первой половины 1250-х годов. Однако необходимо отметить, что новые представительные серии дендрообразцов из культурного слоя Торжка, по-видимому, могут внести некоторые коррективы в предложенную нами схему.

В целом результаты дендрохронологического анализа материалов из Воздвиженских раскопов представляются нам небезынтересными с точки зрения перспективности создания абсолютной дендрошкалы Торжка. Хотелось бы надеяться, что дальнейшие археологические исследования в городе позволят существенно пополнить выборку образцов средневекового дерева и более конкретно определить создававшиеся перспективы.

- Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М.
 Малыгин П.Д., 1983. Раскопки на Нижнем городище Торжка // АО 1981 года. М.
 Малыгин П.Д., 1987а. К топографии южной части Нижнего городища Торжка XI–XIV вв. // АИППЗ.
 Малыгин П.Д., 1987б. Работы в Торжке и его округе // АО 1985 года. М.
 Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.

О. М. Олейников

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРОИЗВОДСТВА КРУГОВОЙ КЕРАМИКИ ТВЕРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Место производства круговой керамики, обнаруженной на средневековых памятниках Тверского Поволжья, можно определить методами изотопной геохимии и петрографического картирования. Анализы по данной работе ведутся в Лаборатории физико-химического анализа научно-производственного объединения «Оптическое волокно» г. Твери (а/я 63286) и в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН (Москва). Окончательные выводы могут быть сделаны после определения геохимии всех средневековых месторождений глин, расположенных на территории Древней Руси.

В данной статье приводятся исследования круговой керамики с одной усадьбы, расположенной на поселении Благовещение в Ржевском р-не Тверской обл. На этом памятнике обнаружены все типы круговых сосудов со всеми своими разновидностями и видами по типологии автора (Олейников, 1991, с. 102–116). Было отобрано 100 образцов различных горшков X–XII вв., представляющих основные типы и виды керамики. В результате выявлено 16 групп глин, из которых две привязаны к конкретным месторождениям, а остальным даны условные номера (табл. 1; часть образцов не включена в таблицу, поскольку данные о минеральном составе глины по ним не были получены).

Из ржевских моренных глин было изготовлено только 8% исследуемых горшков (рис. 1: а).

Все эти образцы имеют коричневый цвет со вторичным прокаливанием в пожаре при температуре более 950° (табл. 1: анализы 1739, 1740, 1748, 1750, 1754, 1755, 1758, 1801).

11% образцов исследуемой керамики изготовлены из «монтмориллонитовых» глин, одно из месторождений которых находится возле изучаемого поселения (рис. 1: г). Печина, обнаруженная на селище Благовещение, состоит также из «монтмориллонитовой» глины.

Все эти образцы имеют коричневый цвет, большинство из которых со вторичным прокаливанием в пожаре при температуре более 950° (табл. 1: анализы №1726, 1728, 1729, 1731, 1736, 1752, 1767, 1774, 1780, 1793, 1795, 1799).

Из старицких глин было изготовлено 2% образцов (рис. 1: б).

Все эти образцы имеют серый цвет со вторичным прокаливанием в пожаре при температуре более 950° (табл. 1: анализы 1738, 1744).

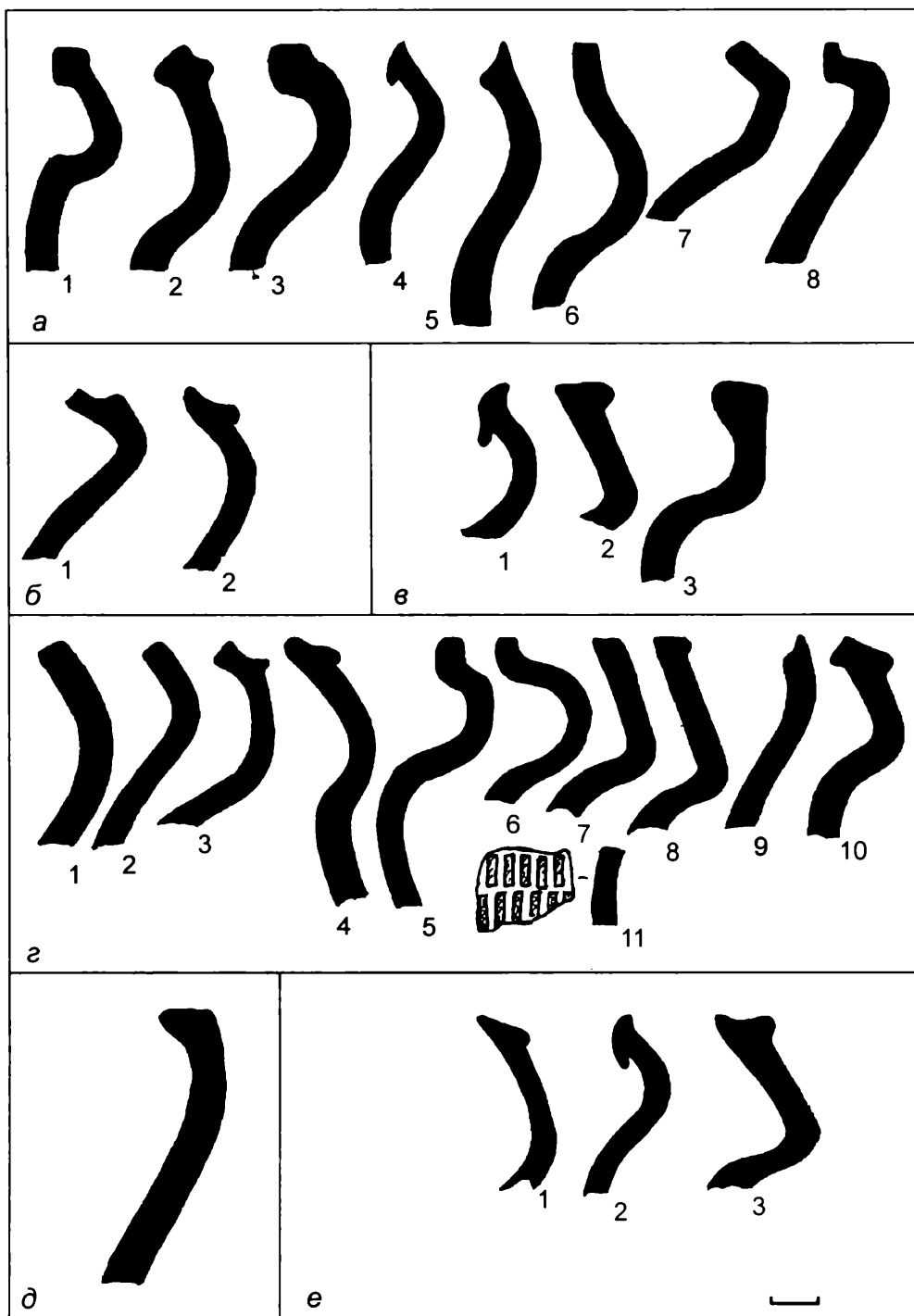

Рис. 1. Керамика, изготовленная из ржевской, старицкой и 1–3 групп глин:

а – ржевские глины; **б** – старицкие глины; **в** – первая группа; **г** – ржевские (благовещенские) глины; **д** – вторая группа; **е** – третья группа.

Все другие образцы можно поделить по геохимическим характеристикам на группы, для которых еще не выявлены месторождения исходного сырья. Можно предварительно исключить месторождения глин, расположенных в Торжокском, Тверском, Вышневолоцком и Бологовском р-нах, где уже составлены, в основном, карты геохимических характеристик глин. Скорее всего керамика поступала на изучаемую территорию с юга и запада. На это так же указывают и формы горшков, имеющие аналогии на древнерусских памятниках Смоленской и Новго-

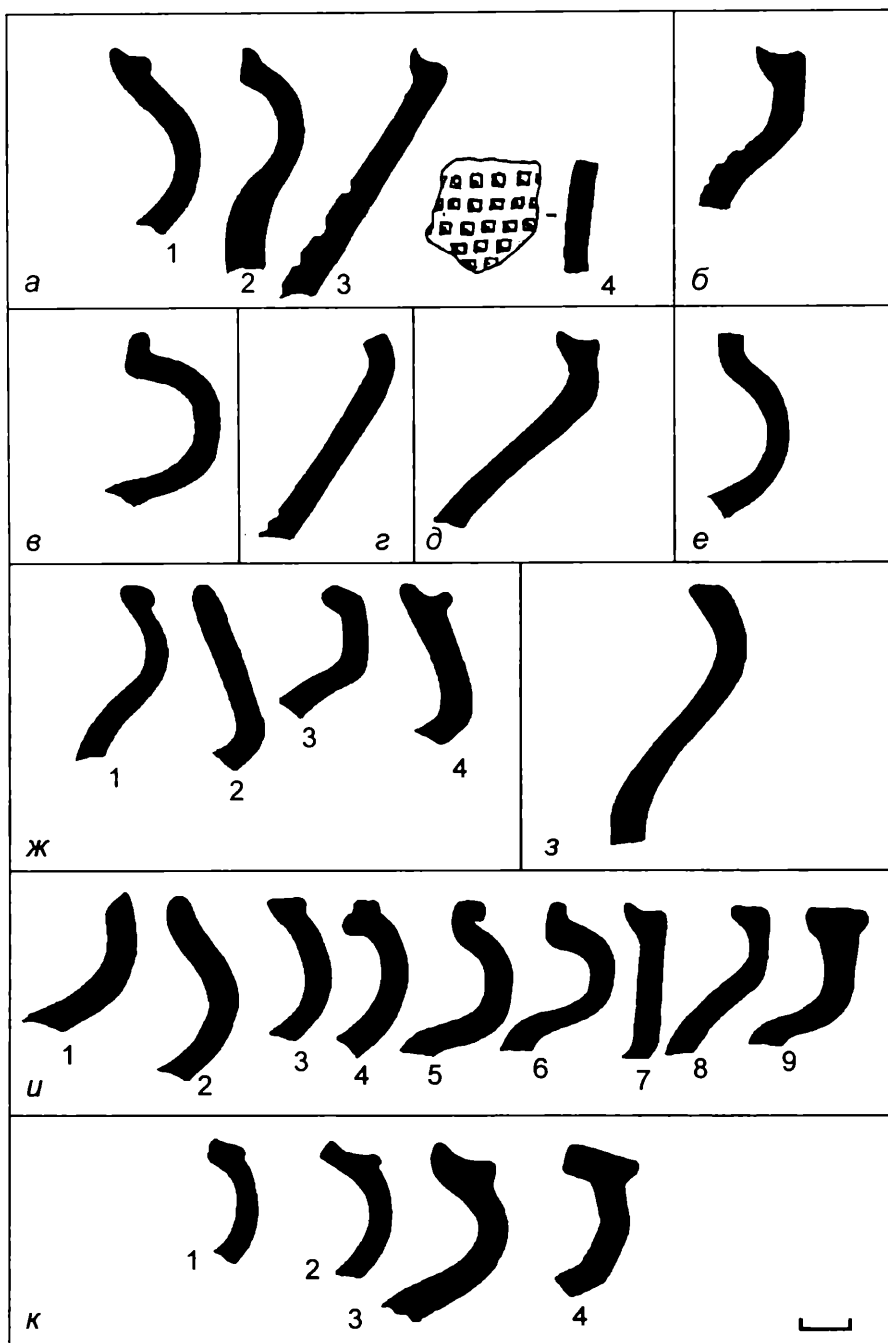

Рис.2. Керамика, изготовленная из 4–7 и 9–14 групп глин:

а – четвертая группа; б – пятая группа; в – шестая группа; г – седьмая группа; д – девятая группа; е – десятая группа; ж – одиннадцатая группа; з – двенадцатая группа; и – тринадцатая группа; к – четырнадцатая группа.

родской обл., в Белоруссии и на Украине (Белецкий, 1977, с. 94; Белецкий, 1983, с. 59; Блажевич, 1992, с. 21–35; Горюнова, 1991, с. 64; Горюнова, 1997, с. 123–132; Иов, 1992, с. 4; Каменецкая, 1976, с. 54; Каменецкая, 1977а, с. 30; Каменецкая, 1977б, с. 3–13; Коваленко, Шекун, 1984, с. 71; Левко, 1983, с. 79–81; Лысенко, 1985, с. 325–335; Моргунов, 1983, с. 76; Олейников, Смирнова, 1992, с. 73–89; Петрашенко, 1992, с. 15; Поздняков, 1992, с. 48–60; Штыхов, 1992, с. 61–72.).

К первой группе относится керамика, изготовленная из «каолинитной беложгущейся» глины, одно из месторождений которой находится на Украине. Из

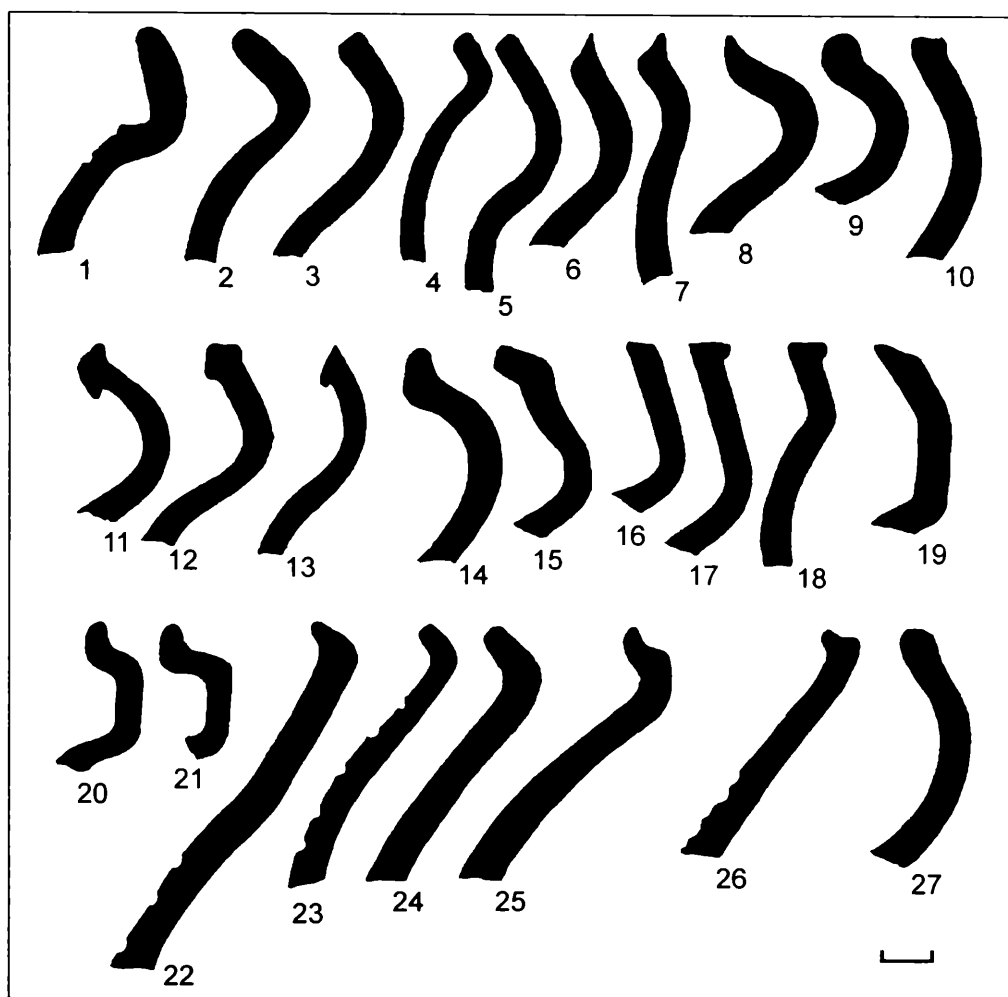

Рис. 3. Керамика, изготовленная из восьмой группы глин.

этой глины изготовлено 3% образцов (рис. 1: в). Все они имеют белый цвет, два из которых имеют вторичное прокаливание в пожаре при температуре более 950° (табл. 1: анализы 1727, 1732, 1783).

Ко второй группе относится один образец керамики, изготовленный из редкой «беложгущейся ортоклазо-плагиоклазной» глины (рис. 1: д). В этой группе в качестве отошителя применялся шамот. Образец подвергся вторичному прокаливанию в пожаре при температуре более 900° (табл. 1: анализ 1762).

К третьей группе принадлежат три фрагмента горшков, изготовленные из «беложгущейся ортоклазо-каолинитовой» глины (рис. 1: е). Образцы подверглись вторичному прокаливанию в пожаре при температуре более 950° (табл. 1, анализы 1785, 1798, 1802).

К четвертой группе относятся четыре фрагмента керамики, изготовленные из «монтмориллонито-плагиоклазной железисто-кальцевой» глины (рис. 2: а).

Цвет керамики коричневый, один экземпляр светло-розовый. Все изученные фрагменты были подвергнуты вторичному обжигу в пожаре при температуре более 950° (табл. 1: анализы 1743, 1756, 1761, 1777).

К пятой группе принадлежит керамика, изготовленная из «монтмориллонито-гидрослюдовой железисто-кальцевой» глины (рис. 2: б). Цвет керамики коричневый со вторичным прокаливанием в пожаре при температуре более 1000° (табл. 1: анализ 1745).

К шестой группе относится фрагмент горшка, изготовленный из «плагиоклазо-монтмориллонито-гидрослюдовой железисто-кальцевой» глины (рис. 2: в).

Таблица 1. Результаты минералого-петрографического анализа образцов (по группам глин).

Группа	№ анализа	Датировка	Пористость ¹	Отошитель ²	Минеральный состав глины ³	Температура обжига	Цвет	Рисунок
Ржевский р-н	1763	лепной - IX в.	1,3-1,9	П7-Г14-Д3	М-С-П, Fe	II>900°	коричневый	Дно
Ржевский р-н	1739	кон. X- XI вв.	3,3-4,1	П10-Г3-Д10	М, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, а: 5
Ржевский р-н	1801	начало XI в.	2,8-3,1	П10-Г9-Д7	М-С, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, а: 6
Ржевский р-н	1726	XI в.	2,3-3,1	П10-Г14-Д5	М, Fe	820±30°	коричневый	Рис. 1, г: 4
Ржевский р-н	1728	XI в.	1,9-3,2	П3-Г10-Д10	М, Fe	II > 900°	коричневый	Рис. 1, г: 8
Ржевский р-н	1740	XI в.	2,9-3,3	П7-А4-Д5	М-П, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, а: 8
Ржевский р-н	1767	XI в.	2,7-2,9	П3-Г7-Д10	М, Fe	820±22°	коричневый	Рис. 1, г: 3
Ржевский р-н	1774	XI в.	2,9-3,3	П10-Г17-Д4	М, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, г: 7
Ржевский р-н	1736	конец XI в.	1,9-2,4	П10-Г10-Д1	М, Fe	II > 900°	коричневый	Рис. 1, г: 5
Ржевский р-н	1748	конец XI в.	2,3-2,6	П10-Г14	М, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, а: 4
Ржевский р-н	1799	конец XI в.	2,9-3,3	А13-П21	М, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, г: 1
Ржевский р-н	1754	начало XII в.	2,7-3,4	П10-Г13	М, Fe	II>1000°	коричневый	Рис. 1, а: 3
Ржевский р-н	1755	начало XII в.	≈ 3	П9-Г6	М-С, Fe	II>1000°	коричневый	Рис. 1, а: 2
Ржевский р-н	1758	начало XII в.	≈ 2,5	П16-Г10	М-С, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, а: 1
Ржевский р-н	1780	начало XII в.	1,4-2,6	П10-Г7	М, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, г: 10
Ржевский р-н	1793	начало XII в.	2,3-2,8	А4-П9-Г17	М, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, г: 9
Ржевский р-н	1729	XII в.	2,2-2,4	П16-Г3	М, Fe	II > 900°	коричневый	Рис. 1, г: 11
Ржевский р-н	1752	XII в.	1,9-4,0	П7-Г19	М, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, г: 6
Ржевский р-н	1795	XII в.	2,3-3,8	А13-П1-Г2	М, Fe	II>1000°	коричневый	Рис. 1, г: 6
Ржевский р-н	1750	конец XII в.	≈ 3	П3-Г14	М, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 1, а: 7
Старицкий р.	1744	XI в.	1,3-1,8	П7-Г10-Д7	К-П, Са	II>1000°	белый	Рис. 1, б: 2
Старицкий р.	1738	XII в.	0,6-0,9	А17-П4	К-С, Са	II>900°	серый	Рис. 1, б: 1
1	1727	XI в.	0,8-1,2	П2-Г5-Д16	К, Са	810±30°	св. серый	Рис. 1, в: 3
1	1732	начало XII в.	0,9-1,6	П16-Г1	К, Са	II > 900°	белый	Рис. 1, в: 1
1	1783	начало XII в.	1,1-1,6	АПГ ≈ 30	К, Са	II>900°	белый	Рис. 1, в: 2
2	1762	XI в.	0,6-0,9	А14-П9-Ш8	О-П, Са	II>900°	белый	Рис. 1, д: 1
3	1798	начало XI в.	1,6-2,9	А7-Д17	К-О, Са	II>900°	белый	Рис. 1, е: 2
3	1785	XI в.	1,1-1,5	П2,Г3,Д15	О-К, Са	II>900°	белый	Рис. 1, е: 1

Таблица 1 (продолжение).

Группа	№ анализа	Датировка	Пористость	Отощитель	Минеральный состав глины	Температура обжига	Цвет	Рисунок
3	1802	XII в.	2,4-3,0	A10-Π10-Г2	К-О, Са	Π>1000°	белый	Рис. 1, с: 3
4	1777	конец X-начало XI вв.	2,7-3,2	Π7-Г7-Д9	М-Π, Fe, Са	Π>900°	коричневый	Рис. 2, а: 2
4	1756	начало XI в.	2,7-2,9	Π3-Г6-Д11	М-Π, Fe, Са	Π>900°	коричневый	Рис. 2, а: 3
4	1743	XII в.	1,1-1,7	A11-Π7	М-Π, Fe, Са	Π>900°	св. розовый	Рис. 2, а: 4
4	1761	XII в.	≈1,7	A7-Π6-Г10	М-Π, Fe, Са	Π>900°	коричневый	Рис. 2, а: 1
5	1745	начало XII в.	2,4-2,9	Π11-Г10	М-С, Fe, Са	Π>1000°	коричневый	Рис. 2, б
6	1782	конец XI-начало XII в	1,9-4,2	Π10-Г17	Π-М-С, Fe, Са	Π>900°	коричневый	Рис. 2, в
7	1772	XI в.	2,7-3,8	Π16-Г14	С-Π, Fe, Mg	Π>900°	коричневый	Рис. 2, г
8	1807	IX- начало X вв.	≈3	Π7-Г13-Д10	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	
8	1749	конец X-начало XI вв.	3,4-4,1	A7-Π3-Д14	М-С, Fe	780±30°	коричневый	Рис. 3: 27
8	1753	конец X-начало XI вв.	2,1-2,9	Π6-Г14-Д7	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 24
8	1757	конец X-начало XI вв.	2,9-4,5	A6-Π4-Г6-Д6	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 7
8	1766	конец X-начало XI вв.	≈2	Π9-Д14	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 4
8	1794	конец X-начало XI вв.	2,7-3,6	Π7-Г1-Д17	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 3
8	1800	конец X-начало XI вв.	2,7-3,6	A7-Π19-Д11	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 5
8	1771	конец X - XI вв.	1,9-2,9	Π7-Г14-Д6	С-М, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 16
8	1733	начало XI в.	1,9-2,1	Π5-Г12-Д3	М-С, Fe	Π > 900°	коричневый	Рис. 3: 8
8	1792	начало XI в.	1,9-2,4	Π9-Г9-Д11	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 22
8	1797	начало XI в.	1,9-2,8	Π10-Г10-Д5	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 25
8	1826	начало XI в.	2,5-2,9	ΠГ21-Д9	Fe (M,C)	810±40°	коричневый	Рис. 3: 2
8	1734	XI в.	3,3-3,5	Π3-Г4-Д10	М-С, Fe	Π > 900°	коричневый	Рис. 3: 12
8	1759	XI в.	2,1-3,3	Π10-Г13	М-С, Fe	770±30°	коричневый	Рис. 3: 23
8	1773	XI в.	≈3	Π17-Г19-Д1	М-С, Fe	Π>1000°4	коричневый	Рис. 3: 18
8	1788	конец XI в.	2,6-3,6	Π21-Г3	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 26
8	1825	конец XI в.	2,4-3,3	A7-Π16-Д10	Fe (M,C)	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 20
8	1730	конец XI-начало XII вв.	2,4-2,9	Π10-Г3	М-С, Fe	790±42°	коричневый	Рис. 3: 17
8	1747	конец XI-начало XII вв.	2,4-2,8	Π16-Д4	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 5
8	1769	конец XI-начало XII вв.	2,7-3,8	A7-Π16-Г1	М-С, Fe	Π>900°	коричневый	Рис. 3: 9
8	1779	конец XI-начало XII вв.	2,8-3,4	Π10-Г12	М-С, Fe	720±35°	коричневый	Рис. 3: 6

Таблица 1 (окончание).

Группа	№ анализа	Датировка	Пористость	Огошитель	Минеральный состав глины	Температура обжига	Цвет	Рисунок
8	1822	конец XI-начало XII вв.	2,2-3,4	ПГ19	М-С, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 3: 13
8	1735	начало XII в.	2,7-3,3	ПЗ-Г18	М-С, Fe	740±30°	коричневый	Рис. 3: 14
8	1737	начало XII в.	3,5-4	А6-П6-Г10	М-С, Fe	790±30°	коричневый	Рис. 3: 1
8	1815	начало XII в.	1,9-2,9	П10-Г21	М-С, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 3: 11
8	1817	начало XII в.	0,9-2,3	АП21	М-С, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 3: 14
8	1778	XII в.	2,6-3,4	П19-Г1	М-С, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 3: 21
9	1741	XI в.	1,9-2,2	П16-Д7	М-О, Fe	800±20°	коричневый	Рис. 2, д
10	1751	начало XI в.	1,9-3,1	П10-Г7-Д4	М-К-С, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, е
11	1804	конец X-начало XI вв.	2,7-3,5	П7-Д21	М-П-С, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, ж: 1
11	1765	XI в.	2,9-3,8	П7-Г13-Д7	М-С-П, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, ж: 4
11	1768	конец XI-начало XII в	2,1-3,1	П10-Г4	М-С-П, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, ж: 3
11	1805	начало XII в.	2,9-3,4	А3-П14-Г17	М-П-С, Fe	780±35°	коричневый	Рис. 2, ж: 2
12	1789	конец X-начало XI вв.	2,4-3,6	П11-Г3-Д20	К-С, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, з
13	1803	начало XI в.	2,7-3,3	П11-Д16	М-П, Fe	810±35°	коричневый	Рис. 2, и: 2
13	1810	начало XI в.	2,1-2,9	П8-Г3-Д7	М-П, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, и: 7
13	1786	XI в.	2,2-2,4	ПГД-24	М-П, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, и: 6
13	1811	конец XI в.	2,3-2,8	П7-Г14-Д10	М-П, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, и: 5
13	1814	конец XI-начало XII вв.	1,7-1,9	ПАГ-16	М-П, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, и: 8
13	1796	начало XII в.	2,9-3,6	П10-Г17	М-П, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, и: 1
13	1808	начало XII в.	≈ 3,4	А17-П7-Г5	М-П, Fe	790±40°	коричневый	Рис. 2, и: 4
13	1812	начало XII в.	2,1-2,7	П17-Г7	М-П, Fe	II>850°	коричневый	Рис. 2, и: 3
13	1790	XII в.	2,1-3,3	ПАГ-27	М-П, Fe	II>900°	коричневый	Рис. 2, и: 9
14	1760	начало XII в.	≈ 1,5	А10-П7-Г3	смесь	II>1000°	серый	Рис. 2, к: 3
14	1809	начало XII в.	≈ 2	АП17-ГД14	смесь	?	серый	Рис. 2, к: 4
14	1764	XII в.	1,6-2,1	А7-П10-Г3	смесь	II>800°	серый	Рис. 2, к: 1
14	1781	XII в.	0,9-1,1	АП≈ 21	смесь	II>1000°	серый	Рис. 2, к: 2

¹ V пор / V образца x 100%; ² А – алевроит (до 0,1 мм); П – песок (0,1–1 мм); Г – гравий (1–10 мм); Д – дресва (0,1–4 мм); Ш – шамот; число – доля (%) от общего объема фрагмента; ³ М – монтмориллонит; П – плагиоклаз; К – каолинит; С – гидрослюда; О – ортоклаз; ⁴ П – вторичное прокаливание.

Цвет образца коричневый со вторичным прокаливанием в пожаре при температуре более 950° (табл. 1: анализ 1782).

К седьмой группе принадлежит фрагмент горшка, изготовленный из «гидрослюдово-монтмориллонитовой железисто-магниевой» глины (рис. 2: г). Цвет образца коричневый со вторичным прокаливанием в пожаре при температуре более 900° (табл. 1: анализ 1772).

К восьмой группе относятся фрагменты керамики, изготовленные из ожелезненной «монтмориллонито-гидрослюдовой» глины (рис. 3), из которой было изготовлено 26% образцов. Данный состав глины, в целом, характерен для моренных глин валдайского оледенения, и поэтому искомое его месторождение могло находиться вблизи Ржевского р-на.

Цвет керамики коричневый. Большинство образцов имело вторичное прокаливание при температуре более 900°. Первичный обжиг осуществлялся при температуре около 770° (табл. 1: анализы 1730, 1733–1735, 1737, 1747, 1749, 1753, 1757, 1759, 1766, 1769, 1771, 1773, 1778, 1779, 1788, 1792, 1794, 1797, 1800, 1807, 1815, 1817, 1822, 1825, 1826).

К девятой группе относятся горшки, изготовленные из ожелезненной «монтмориллонито-ортоклазной» глины (рис. 2: д). Цвет образца коричневый. Обжиг проводился при температуре 800±20° (табл. 1: анализ 1741).

К десятой группе принадлежат горшки, изготовленные из ожелезненных «монтмориллонито-каолинито-гидрослюдовой» глины (рис. 2: е). Цвет керамики коричневый. Данный образец подвергался вторичному прокаливанию в пожаре при температуре более 900° (табл. 1: анализ 1751).

К одиннадцатой группе относится керамика, изготовленная из ожелезненной «монтмориллонито-плагиоклазо-гидрослюдовой» глины. Из этой глины изготовлено 4% изучаемых образцов (рис. 2: ж). Цвет коричневый. Обжиг осуществлялся при температуре 780±35°. Три образца подверглись вторичному прокаливанию в пожаре при температуре более 900° (табл. 1: анализы 1765, 1768, 1804, 1805).

К двенадцатой группе относятся сосуды, изготовленные из ожелезненной «каолинито-гидрослюдовой» глины (рис. 2, з). Цвет керамики коричневый. Образец подвергся вторичному прокаливанию в пожаре при температуре более 900° (табл. 1: анализ 1789).

К тринадцатой группе принадлежат горшки, изготовленные из ожелезненной «монтмориллонито-плагиоклазной» глины. Из нее было изготовлено 9% изучаемых образцов (рис. 2: и).

Обжиг у исследованных образцов осуществлялся при температуре 790±40°. Цвет коричневый. Большинство образцов подверглось вторичному прокаливанию в пожаре при температуре более 900° (табл. 1: анализы 1786, 1790, 1796, 1803, 1808, 1810, 1811, 1812, 1814).

К четырнадцатой группе относятся горшки, изготовленные из смешанной многокомпонентной беложгущейся глины, в которой преобладает минерал каолинит. Из этой глины изготовлено 4% исследуемых образцов (рис. 2: к).

Обжиг осуществлялся при температуре около 800° с вторичным прокаливанием в пожаре при температуре более 1000°. Цвет керамики серый (табл. 1: анализы 1760, 1764, 1781, 1809).

Приведенные анализы показали, что почти вся керамика погибла в пожарах, которых, судя по разной датировке исследуемых образцов, было несколько. Из-за сильной нарушенности верхних слоев поселения огородами более позднего времени сложно проследить археологически общее количество пожаров. Произведенные исследования дают дополнительную информацию по данному вопросу.

Продатиrowав каждый исследуемый образец керамики, мы получили предварительные данные о количестве типов глин, примененных в изготовлении горшков в каждом периоде, а, следовательно – из скольких центров производства керамики были привезены горшки на изучаемый памятник.

Так, во второй половине X в. на поселение Благовещение были привезены горшки как минимум из 5 центров производства керамики; в первой половине XI в. — как минимум из 14 центров; во второй половине XI в. — как минимум из 12 центров; в первой половине XII в. — как минимум из 12 центров; во второй половине XII в. — из 8 центров.

Даже при такой выборке видно, что с начала XI в. на изучаемой территории привоз керамики осуществляется из наибольшего числа центров ее производства, которые нередко располагались на значительном удалении от Тверского Поволжья. Со второй половины XII в. этот процесс стал затухать, что связано, по всей видимости, с оттоком населения с изучаемых памятников.

Из приведенных выше результатов можно сделать вывод о массовом обмене керамики между различными территориями Древней Руси. Это и объясняет однотипность и разнообразие форм горшков не только в разных частях изучаемой территории Тверского Поволжья, но и на всей территории Древней Руси.

По всей видимости, каждый отдельный район Древней Руси имел свой ремесленный центр по производству керамических изделий, выпускающий горшки определенных типов, который обслуживал близлежащие деревни. По мере приближения к этому центру на поселениях процентное соотношение керамики, изготовленной в нём, должно возрастать. В районах, где до ближайшего центра производства керамики (а это не обязательно должен быть город) довольно далеко, и если изучаемое поселение располагается на торговом пути (как в нашем случае), то наблюдается сильная смешанность керамики, произведенной в различных ремесленных центрах.

В Тверском Поволжье археологически пока не обнаружены такие центры. По всей видимости, они располагались за пределами поселений или городов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белецкий С.В., 1977. Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 150.
- Белецкий С.В., 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. Псков.
- Блажевич Н.В., 1992. Керамика Ржищевского комплекса XI–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.
- Горюнова В.М., 1991. Начальная история Древних Лук (X – начало XI в.) // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М.
- Горюнова В.М., 1997. Раннегончарная керамика Новгорода (по материалам Троицкого X раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научной конференции. Вып. 11. Новгород.
- Иов О.В., 1992. Круговая керамика поселений IX–XI вв. Западной части Белорусского Полесья // Древнерусская керамика. М.
- Каменецкая Е.В., 1976. Керамика Смоленска XII–XIII веков // Проблемы истории СССР. Вып. 5.
- Каменецкая Е.В., 1977а. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Каменецкая Е.В., 1977б. О верхней дате Гнездовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Проблемы истории СССР. Вып. 6.
- Коваленко В.П., Шекун А.В., 1984. Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // СА. №4.
- Левко О.Н., 1983. Профилировка и орнаментика керамики XII–XV вв. северо-восточной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Минск.
- Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.
- Моргунов Ю.Ю., 1983. Древнерусские городища течения р. Ромен // КСИА. Вып. 175.
- Олейников О.М., 1991. Классификация средневековой гончарной керамики Тверского Поволжья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.
- Олейников О.М., Смирнова Г.П., 1992. Хронология некоторых групп новгородской керамики X–XIII вв. н.э. // Древнерусская керамика. М.
- Петрашенко В.А., 1992. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.
- Поздняков В.С., 1992. Развитие керамики древнерусского Клецка (X–XIII вв.) // Древнерусская керамика. М.
- Штыхов Г.В., 1992. Круговая керамика Полоцкой земли X–XI вв. в сравнительном изучении // Древнерусская керамика. М.

В. Ю. Коваль

ПОСЕЛЕНИЕ В УСТЬЕ ОСЕТРА БЛИЗ КОЛОМНЫ

О том, что близ устья реки Осетр (правый приток Оки), неподалеку от Коломны, располагалось древнее поселение, известно довольно давно (Мансуров, б. г., л. 28), однако только в 1970 г. Р. Л. Розенфельдт обнаружил здесь в обнажении культурный слой «домонгольского времени» (Розенфельдт, 1970, с. 11). Значительная часть площадки поселения была уже тогда уничтожена карьером (в тот момент заброшенным). В первом своде памятников археологии Московской обл. это поселение было интерпретировано в качестве селища X–XII вв. (Розенфельдт, Юшко, 1973, с. 219). Т. Н. Никольская относила его к числу селищ «Земли вятичей», существовавших в конце X – первой половине XII вв. (Никольская, 1981, табл. 2. № 881, рис. 22. № 888). В 1993 и 1997 гг. памятник исследовался автором, тогда же ему было присвоено наименование «Городна II». В новом своде археологических памятников он обозначен как «селище 1 (Городна II) у села Городня»¹ (АКР, 1997, с. 111–112, № 2237). Однако в одной из работ Р. Л. Розенфельдта это же самое поселение было названо «городищем» и датировано более узко – XI в. (Розенфельдт, 1976, с. 12). Городищем называл его в свое время и А. А. Мансуров (Мансуров, б. г., л. 28), упоминавший на этом же месте еще и «сторожевой курган», от которого не сохранилось сейчас никаких следов. Возможно, именно этот памятник А. А. Мансуров называл «Осетр-городком» (Розенфельдт, 1988, л. 432; Мансуров, 1933, л. 20 об.), под которым следует понимать «град Осетр», упомянутый единственный раз в Никоновской летописи под 1146 г. (ПСРЛ, 1862, с. 171), реальное существование которого представляется сомнительным². Из статьи Р. Л. Розенфельдта «городище в устье Осетра» попало в свод древнерусских городищ А. В. Кузы (Куза, 1996, с. 137, № 670), в котором оно связывалось уже с «Новгородком на Осетре», известным по «Списку русских городов дальних и ближних» (НПЛ, 1950, с. 477), составленному в конце XIV в.³ Все эти колебания в интерпретации памятника и появление слабо обоснованных гипотез создали вокруг него ореол загадочности. Столь таинственное поселение (то ли городище, то ли селище неясной датировки) требует к себе особого внимания и подробного рассмотрения всех имеющихся о нем сведений.

Памятник расположен в 1,2 км к северо-западу от с. Городна на выступе высокого правого коренного берега р. Осетр, поворачивающего с юга на восток под прямым углом (поэтому называть его «мысом» допустимо только условно). Коренной берег сложен здесь известняком (для добычи которого и был создан карьер-

¹ На топографических картах Московской области, издававшихся в 1990-х годах, это село значится под именем «Городня», однако местные жители называют его «Городна». Последнее наименование отмечено также на картах, изданных в 1956 г. и 1989 г.

² Речь в этой статье идет о перемещениях новгород-северского князя Святослава Ольговича. Однако во всех других русских летописях, описывающих это событие, указывалось лишь то, что Святослав Ольгович «иде к Осетру», т. е. под «Осетром» там мог пониматься как город, так и река.

³ Впервые предположение о расположении «Новгородка» «на месте села Городни» было высказано в середине XIX в. М. С. Барановичем (Баранович, 1860, с. 541), однако приведенная А. В. Кузой датировка памятника XI–XIII вв. (кстати, отличающаяся от всех упоминавшихся выше, предложенных Р. Л. Розенфельдтом) противоречит такой гипотезе и, по сути дела, опровергает ее, поскольку Новгородок существовал в XIV в.

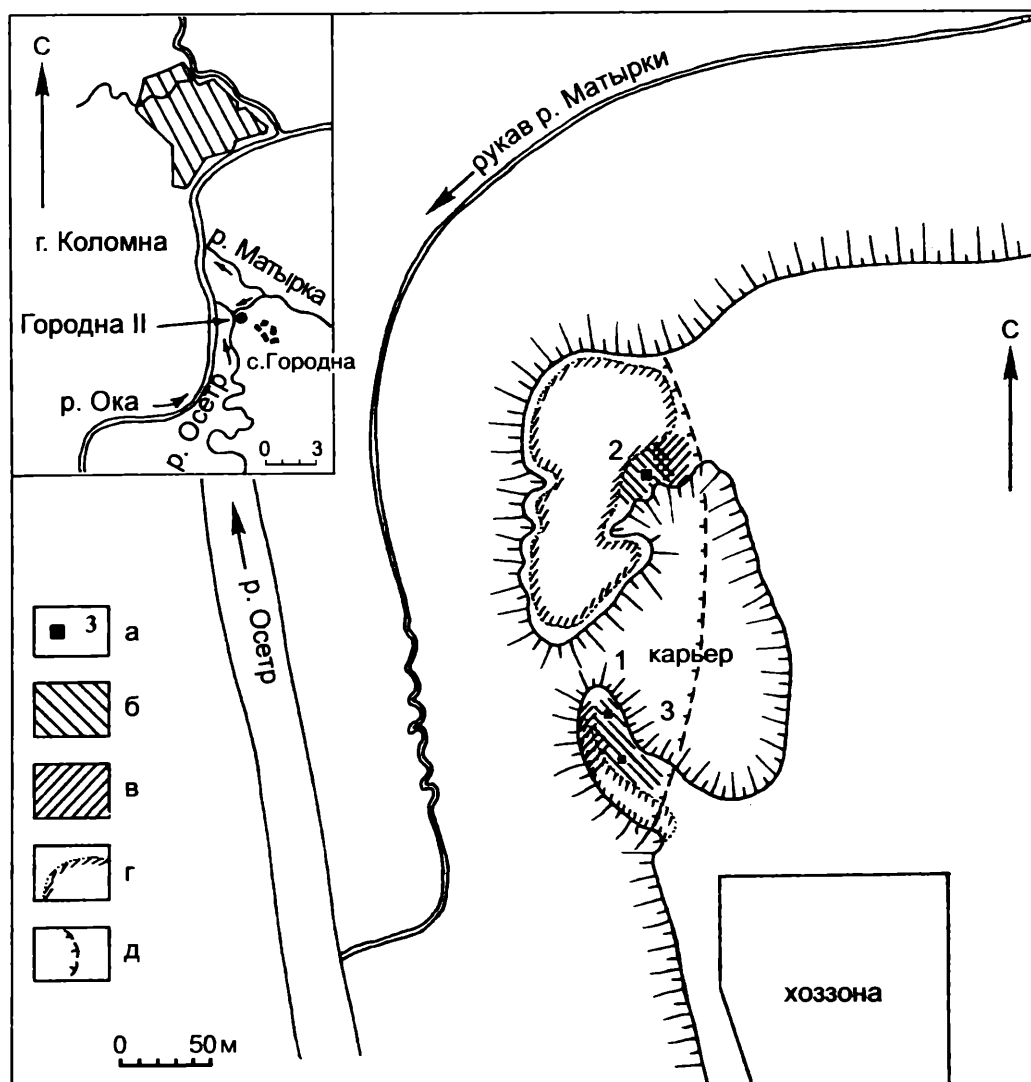

Рис. 1. План поселения Городна II.

А – шурфы 1993 и 1997 гг.; **Б** – зоны культурного слоя поселения XI–XII вв.; **В** – зоны культурного слоя поселения эпохи раннего железного века; **Г** – участки поселения, перекрытые отвалами карьера; **Д** – реконструированная граница поселения.

ер), перекрытым желтым покровным суглинком. К северу отсюда располагается расширенный участок окской поймы, а подножие «мыса» огибает рукав речки Матырки, впадающий в Осетр. Площадка поселения размещается на высоте 30–35 м над уровнем воды в р. Осетр и до появления карьера была, повидимому, относительно ровной, с небольшим уклоном к северу (рис. 1). К 1993 г. заброшенный ранее карьер возобновил свою работу и им была уничтожена почти вся южная половина поселения (здесь образовался котлован глубиной более 10 м), а в северной его части, на самой оконечности «мыса», располагались глубокие ямы от старого карьера, а также насыпи отвалов вскрышной породы. Остатки культурного слоя, сохранившиеся под этими отвалами (после удаления их техникой для расширения карьера), были обнаружены в северо-восточной части площадки поселения (его сохранившаяся мощность достигала 30 см), кроме того, там же (шурф 2) и на южном краю поселения (шурфы 1 и 3) были выявлены заглубленные в материк комплексы (ямы 1–4).

В результате обследования поселения удалось выяснить следующее:

1) Хотя не менее половины памятника полностью уничтожено карьером, а на остальной его части культурный слой сохранился фрагментарно, по ареалу

подъемного материала можно реконструировать размеры поселения – 250 х 100 м (рис. 1). Следовательно, его площадь достигала 20 тыс. кв. м (2 га).

2) Поселение Городна II являлось многослойным. В его северо-восточной части найдены обломки кремневых пластин и кремневый концевой скребок на отщепе. Там же, к востоку от шурфа 2, выявлены остатки культурного слоя с текстильной керамикой из формовочной массы рецепта «глина + песок + дресва крупная», характеризовавшейся нерегулярными нитчатыми отпечатками и украшенной вдавлениями наклонной палочки (рис. 2: 1–4). Подобная керамика известна в Среднем Поочье, где датируется не позднее середины I тыс. до н. э. (Сыроватко, 2001, с. 14, 15). Таким образом, этот культурный слой относился, скорее всего, к начальному этапу эпохи раннего железа. Кроме того, здесь был найден обломок кольцеобразного медного украшения из круглой в сечении проволоки, сохранившийся конец которой был расплюснен и загнут наружу (рис. 3: 9). Похожее украшение, атрибутированное в качестве перстня, известно на Щербинском городище дьяковской культуры (Дубынин, 1984, табл. XI: 18)⁴.

Обломки сетчатой («рябчатой») керамики середины – второй половины I тыс. до н. э. встречены почти на всей площадке поселения (отметим также несколько обломков «рогожной» керамики). На всей его территории были также найдены обломки средневековой славянской керамики – лепной (из формовочной массы с примесями шамота или крупной дресвы), раннекруговой и развитой круговой. Кроме того, в шурфе 3 (у южного края поселения) обнаружены несколько обломков горшков, близких керамике второй половины XII в. из Ростиславля Рязанского (высококачественного обжига, из розовой глины с включениями мелкого песка), свидетельствующих о том, что в это время на поселении в устье Осетра еще продолжалась какая-то жизнь. Однако более поздняя керамика здесь встречена не была. Следовательно, поселение просуществовало не позднее чем до конца XII в.

3) На всей площадке поселения отсутствуют какие бы то ни было остатки древней фортификации (следы валов или рвов). Единственным участком, где остается место для небольшого укрепления (размерами не более чем 50 х 50 м), является северо-западный угол площадки, изрытый ямами старого карьера (рис. 1), так что подтвердить или опровергнуть такое предположение пока невозможно. Однако с точки зрения логики размещения городищ эпохи раннего железного века появление здесь укрепленного пункта маловероятно – ведь всего лишь в 2 км к юго-востоку отсюда находится городище Городна I, относящееся к дьяковской культуре и датирующееся второй половиной I тыс. до н. э. (Сыроватко, 2001, с. 17). Существование синхронных городищ на столь близком расстоянии друг от друга является редкостью, поэтому более вероятной кажется интерпретация данного памятника в качестве селища.

Если рассматривать поселение Городна II в ряду славянских памятников, то его территория слишком мала для города. Даже если укрепления здесь все-таки существовали, то они могли занимать лишь крошечную площадь – не более 0,5 га. Хотя древнерусские города с укрепленной площадкой размерами менее 1 га известны, число их было невелико и к тому же такие города были окружены посадами, которых в Городне нет. Большинство же городищ столь малой площади являлись остатками феодальных усадеб (Куза, 1996, с. 42). Следовательно, поселение в устье Осетра нельзя интерпретировать в качестве «города». В то же время, по своим размерам данный памятник соответствует преобладавшему в «Земле вятичей» типу **сельских поселений XI–XII вв.** с площадью от 0,3 до 3 га (Никольская, 1981, с. 63, 64, табл. III).

Вернемся к вопросу о хронологии славянского поселения. Выше уже отмечались самые различные даты, предлагавшиеся для него ранее (X–XII, XI, XI–XIII, XI – первая половина XII в. и даже XIV в.), а также установленное нами от-

⁴ Следует заметить, что этот предмет имеет сходство и с некоторыми перстнеобразными височными кольцами XI в. (Даркевич, Борисевич, 1995, табл. 121: 2, 6).

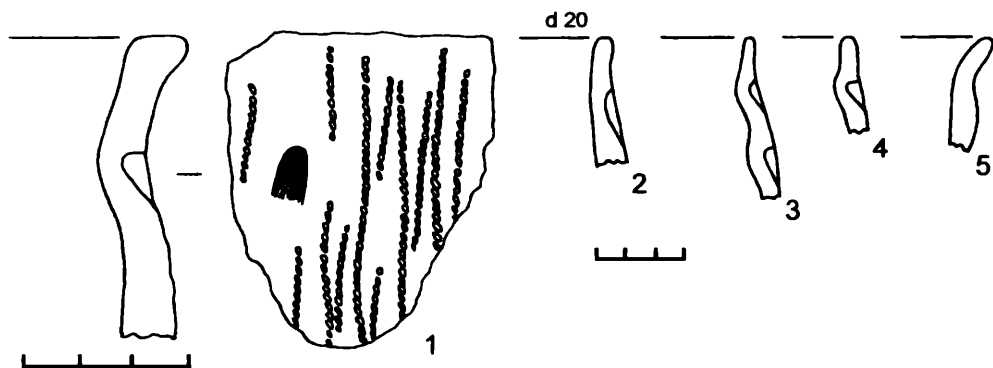
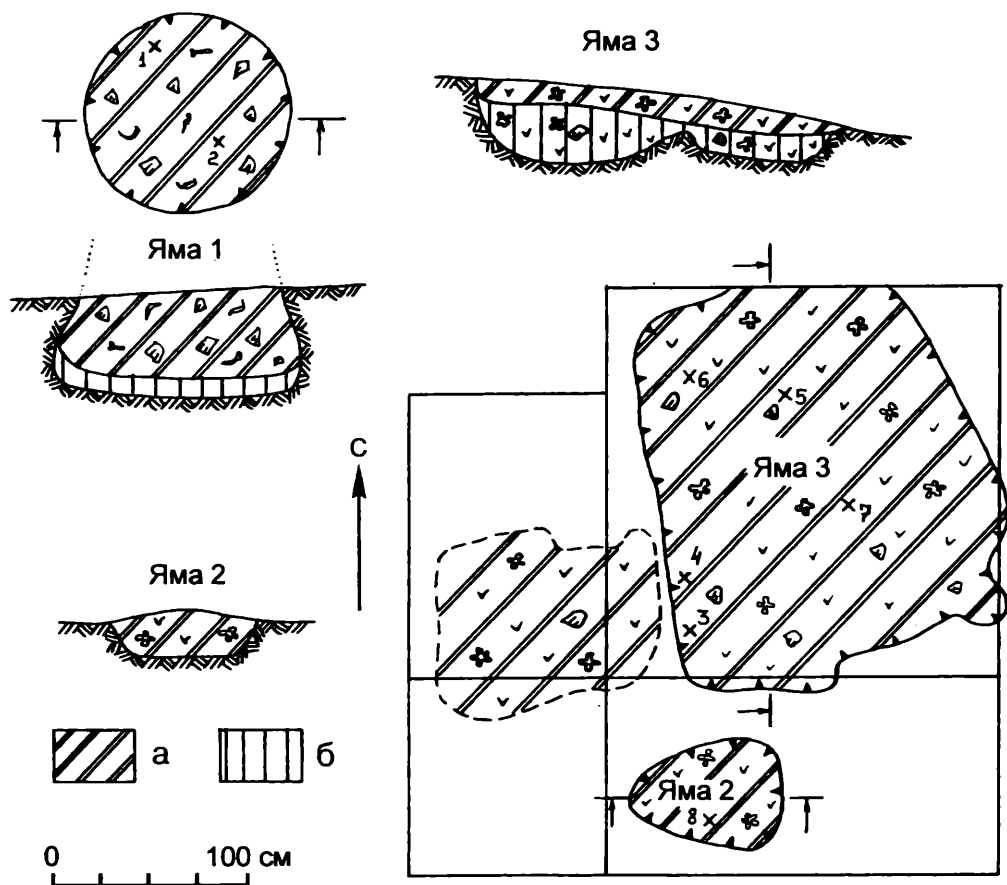

Рис. 2. Ямы 1–3 на поселении Городна II и их разрезы (номера индивидуальных находок на плане соответствуют нумерации предметов на рис. 3).

1–5 – лепная текстильная керамика. а – темно-серая опесчаненная супесь; б – коричневая опесчаненная супесь.

существование тут материалов, датирующихся позже XII в. Славянский период существования памятника характеризуют материалы шурфа 2 (рис. 2) с условно-закрытыми комплексами (ямами 2 и 3) и сохранившимся рядом с ними пятном культурного слоя (рис. 2). Заполнение ям состояло из опесчаненной темно-серой супеси, насыщенной углями, кусками обожженной глины, обломками известняковых камней, костями животных (крупный рогатый скот, лошадь, свинья, собака) и водоплавающих птиц. Особенно важен комплекс ямы 3 (являвшейся, вероятно, остатками подполья постройки), в котором обнаружены обломки железного ножа и пряслица из темно-красного шифера (рис. 3: 3, 5), бронзовые изделия:

Таблица 1. Состав керамических комплексов.

Славянская керамика комплексов	Яма 1	Яма 3	Шурф 2 – всего (ямы 2, 3 и культурный слой)
Лепная керамика (в % к общему объему керамики)	100	36	25
В т.ч. керамика из формовочной массы с шамотом (в % к общему кол-ву лепной керамики)	40	23	27
Керамика из формовочной массы с дресвой (–"–)	51	74	71
Лощеная и подлощенная керамика (–"–)	7	–	–
Днища на подсыпке из дресвы (в % к общему числу днищ лепной керамики)	–	–	30
Днища на подсыпке из золы (–"–)	38	50	20
Орнаментация стенок сосудов зубчатым чеканом (в % к общему числу орнаментиров-х обл-в)	–	100	100
Раннекруговая керамика (в % к общему объему керам.)	–	46	41
В т.ч. керамика из формовочной массы с дресвой (в % к общему кол-ву раннекруговой керам.)	–	90	84
Орнаментация стенок сосудов отпечатками гребенки (в % к общему числу орнаментир. обл-в)	–	23	14
Волнистый орнамент (–"–)	–	12	28
Развитая круговая керамика (в % к общ. объему керам.)	–	18	34
В т.ч. керамика из формовочной массы с дресвой (в % к общему кол-ву развитой кругов. керам.)	–	65	89
Волнистый орнамент (в % к общему числу орнаментированных обломков)	–	45	23

перстнеобразное височное кольцо и грушевидный крестопрорезной бубенчик с насечкой в нижней части (рис. 3: 4, 6), а также обломки днища кругового горшка с клеймом (рис. 3: 7). Поскольку крестопрорезные грушевидные бубенчики появляются на Руси с конца X в. (Седова, 1997, с. 70), а перестают бытовать в первой половине XII в. (Мальм, Фехнер, 1967, с. 136; Лесман, 1988, с. 60), период заполнения ямы следует относить к XI – первой половине XII вв.

Интересен керамический комплекс ямы 3, включавший 109 обломков славянской посуды (некоторые характеристики этого комплекса представлены в табл. 1). Круговая керамика преобладала здесь над лепной (в соотношении примерно 3:2). Последняя была представлена в основном обломками горшков из формовочной массы состава «глина + песок + дресва (мелкая или крупная)», однако почти 1/4 фрагментов принадлежала сосудам, изготовленным из глины с примесями шамота (иногда с добавками песка, дресвы). Днища лепных горшков формовались на подсыпке из песка или шамота, либо вовсе без подсыпки (рис. 3: 16). Стенки орнаментировались редко, причем только отпечатками зубчатого чекана (так называемый орнамент «веревочка на палочке»). Среди круговой керамики доминировала раннегончарная, из глины с примесями песка и дресвы (кроме того, использовался рецепт «глина + крупный речной песок»; шамот здесь уже не применялся). Днища горшков имели следы подсыпок из золы или дресвы, а венчики оформлялись при помощи среза ножом (рис. 3: 10–12). Орнаментация состояла в основном из неровно прочерченных гребенкой или толстой палочкой (диаметром 1–2 мм) горизонтальных линий, однако применялся и волнистый орнамент (всегда в сочетании с линейным), нанесенный теми же инструментами, а также отпечатки косо поставленной гребенки (имитация орнамента «веревочка на палочке»). Развитая круговая керамика в комплексе ямы 3 встречалась редко. Она характеризовалась более тонкими стенками и меньшим

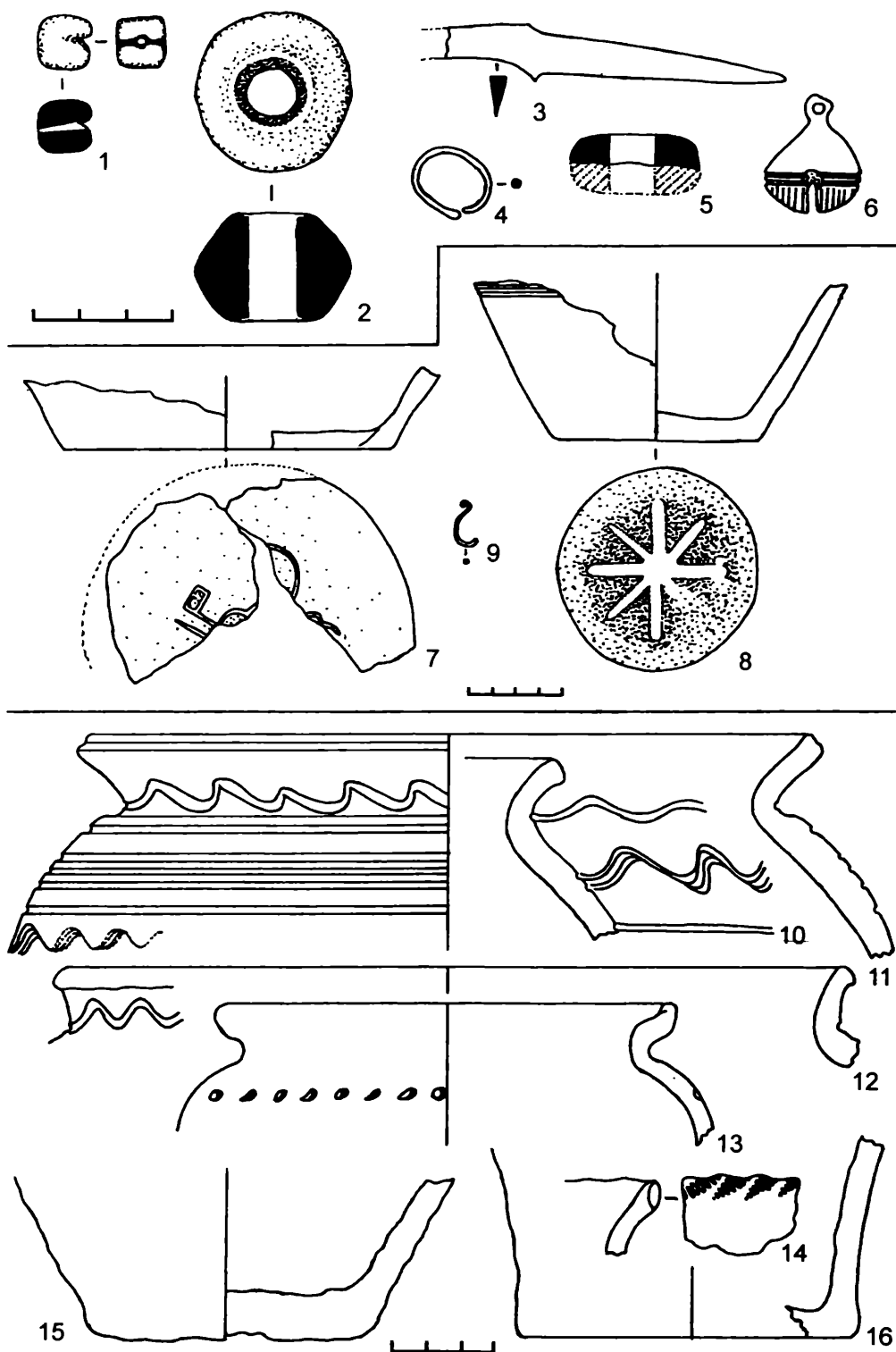

Рис. 3. Поселения Городна II. Вещевой материал и керамика из ям 1 (1, 2), 2 (8, 13, 15), 3 (3–7, 10–12, 16) и культурного слоя (9, 14).

1 – бусина; 2, 5 – пряслице, 3 – обломок ножа, 4 – височное кольцо, 6 – бубенчик, 7, 8 – днища раннекруговых горшков с клеймами (1 – стекло; 2, 7, 8 – керамика; 3 – железо; 4, 6 – бронза; 5 – шифер).

количеством отошителей в формовочной массе горшков (рецепты которых были теми же, что и в раннекруговой посуде). Днища горшков имели подсыпки из мелкой дресвы (рис. 3: 7) или песка, а в декоре шире использовался волнистый орнамент.

Поскольку объем керамического материала из ямы 3 оказался относительно невелик, была статистически обработана керамика всего шурфа 2 (т. е. из ям 2 и 3, а также из остатков культурного слоя). В заполнении ямы 2 встречены характерные образцы лепной (рис. 3: 15) и развитой круговой (рис. 3: 13) керамики, а в культурном слое за пределами ям найдены обломки венчиков лепных горшков, украшенные отпечатками зубчатого чекана (рис. 3: 14). Характеристики этого сводного комплекса мало отличались от показателей ямы 3, то есть весь материал из шурфа 2 был приблизительно синхронен.

Соотношение лепной и круговой керамики из славянских комплексов Городны II имеет сходство с некоторыми памятниками Подмосковья середины – второй половины XI в., хотя там доля лепной керамики была выше – от 50 до 70% (Гоняный, 1999, табл. 2, рис. 3–5; Шполянский, 1999, с. 143, рис. 1, 2). Однако, в отличие от москворецких памятников, здесь встречались такие формы развитой круговой посуды, профилировка которых (рис. 3: 13) была характерна для южно-русской керамики XII в. (Сарачев, 2000, рис. 63, типы 11, 12). Это позволяет уточнить дату раннеславянского комплекса – скорее всего он относился ко второй половине XI – первой половине XII вв.

Особого рассмотрения требует комплекс ямы 1, исследованной шурфом 1 в южной части поселения, где были встречены явно более ранние материалы. Эта яма сохранилась не полностью – ее верх срезан бульдозером, однако можно предполагать, что изначально она имела колоколовидный профиль (рис. 2). Заполнение состояло из темно-серой сильногумусированной супеси с обломками известняковых камней, костями животных, костями и чешуей рыб. В яме найдены 166 обломков лепной керамики, керамическое пряслице биконической формы (из красножгущейся глины с примесями песка и мелкой дресвы, неполного черно-коричневого обжига) (рис. 3: 2) и кубическая бусина с закругленными ребрами из прозрачного голубого стекла (рис. 3: 1), изготовленная из стеклянной палочки, с отверстием, проткнутым иглой (оно имеет на одной из сторон форму щели). Подобные бусы, представляющие собой импорт из ближневосточных мастерских, в VII–IX вв. были широко распространены в зоне расселения древней мордвы (Лядинский, Томниковский, Крюково-Кужновский и др. могильники) (Розенфельдт И. Г., 1982, с. 63), нередко встречаются в Среднем Поволжье на памятниках VIII–IX вв., но в X в. выходят там из употребления (Казаков, 1992, с. 74, рис. 67). Следовательно, к X в. период наиболее широкого распространения таких бус подошел к концу. Бусы этого типа бытовали в Крыму и на Северном Кавказе в VI–IX вв. (Деопик, 1961, с. 218, рис. 4: 13) и, видимо, именно оттуда они проникали на просторы Восточной Европы. В отличие от других памятников, в Старой Ладоге бусы этого типа бытовали до конца X в. (Львова, 1968, с. 90, рис. 4: 53), однако они встречены там в заметном количестве уже в горизонтах второй половины VIII – первой половины IX в. (Рябинин, 1985, табл. 2).

При сравнении характеристик керамики из ямы 1 с комплексами XI–XII вв. также выявляется их существенное различие (табл. 1):

- в яме 1 совершенно отсутствует всякая круговая керамика, зато встречена лепная лощеная посуда;

- керамики из формовочной массы с примесью шамота здесь в 2 раза больше, а керамики из теста с дресвой существенно меньше;

- сосуды с днищами, формовавшимися на подсыпке из дресвы в этом комплексе не встречены (большинство днищ не имело следов подсыпок).

Более половины венчиков горшков из ямы 1 не были орнаментированы, а остальные украшались пальцевыми вдавлениями и защипами (рис. 4: 4, 5, 7), вдавлениями палочки (рис. 4: 1) или нарезам. На одном венчике имелись отпе-

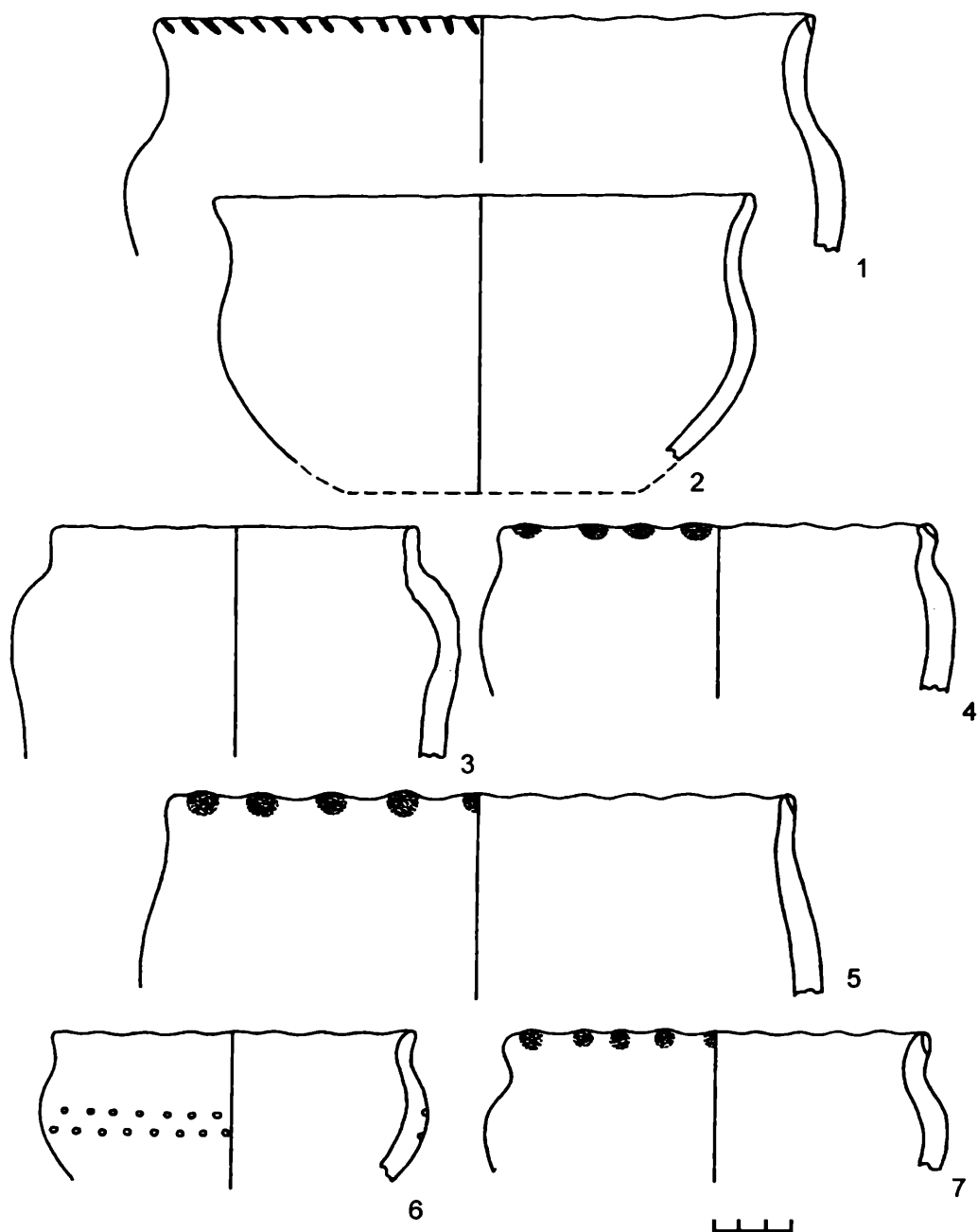

Рис. 4. Лепная керамика из ямы 1 поселения Городна II.

чатки зубчатого чекана. Такая орнаментация характерна для керамики роменской, боршевской культур и посуды верхнеокских вятичей VIII–X вв. (Узянов, 1982, рис. 4; Винников, 1978, с. 55–61; Никольская, 1981, рис. 5: 4, 9; 19: 6, 8). Там же можно указать аналогии профилировкам большинства горшков (Никольская, 1981, рис. 5, 19; Винников, 1995, рис. 25–27; Ляпушкин, 1958, рис. 18, 19, 24). Лощеная и подлощенная керамика имела рыжеватый или желто-серый цвет и была изготовлена из глины с примесью мелкой дресвы, причем ее формы (рис. 4: 2) и манера сплошного лощения не имели ничего общего с лощеной волынцевской и салтовской керамикой, встречающейся на ранних роменских и боршевских памятниках. Не прослеживается сходство этой керамики и с типичными формами лощеной посуды мощинской культуры (Массалитина, 1993, рис. 1). Вместе с тем, лощеная керамика, изготавливавшаяся под влиянием мощинских традиций, была

известна в культуре рязано-окских могильников III–VIII вв. (Седов, 1987, с. 94). В керамике мордвы VIII–XI вв. близкие формы мискообразных сосудов с округлыми плечиками редки, но у муромы VIII–IX вв. они представлены значительно шире (Гришаков, Зеленева, 1990, с. 48, рис. 16: 4, 5). Следовательно, найденная на Городне лощеная керамика принадлежала к тому кругу посуды, который бытовал у дославянского населения Среднего и Нижнего Поочья в VIII–IX вв. К этому же кругу, видимо, принадлежал и обломок nelloщенного сосуда (из теста с примесью дресвы) с ямочной орнаментацией стенок (рис. 4: 6), чуждой ранней славянской лепной посуде. Таким образом, материалы данного комплекса позволяют относить появление славянского поселения в устье Осетра к VIII–IX вв. и даже предполагать возможность контакта славян с автохтонным населением Поочья⁵.

Подведем итоги. В результате исследования поселения Городна II удалось установить следующее:

1) это поселение является многослойным памятником: здесь существовала стоянка каменного века, неукрепленное поселение конца II – второй половины I тыс. до н. э., славянское селище VIII–IX–XII вв., возникшее на одном из самых ранних этапов славянской колонизации Поочья;

2) население славянского селища могло иметь контакты с автохтонным населением региона (наследниками культуры рязано-окских могильников) либо обособилось на месте более раннего дославянского поселения;

3) предположения о связи славянского поселения в устье Осетра с гипотетическим «градом Осетром» (XII в.) или «Новгородком на Осетре» (XIV в.) не имеют под собой никаких оснований.

ЛИТЕРАТУРА

- АКР, 1997. Московская область. Ч. 4. М.
Баранович М.С., 1860. Рязанская губерния // Материалы для географии и статистики России. Т. 19. СПб.
Винников А.З., 1978. Орнаментация боршевской керамики // Древняя Русь и славяне. М.
Винников А.З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало IX века). Воронеж.
Гоняный М.И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмоскowie // Труды ГИМ. Вып. 111.
Гришаков В.В., Зеленева Ю.А., 1990. Муромы VII–XI веков. Йошкар-Ола.
Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
Деопик В.Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. № 3.
Дубынин А.Ф., 1984. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.
Куза А.В., 1996. Древнерусские городища X–XIII вв. М.
Лесман Ю.М., 1988. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М.
Львова З.М., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 10.
Ляпушкин И.И., 1958. Городище Новотроицкое. МИА. № 74.
Мальм В.А., Фехнер М.В., 1967. Привески-бубенчики // Труды ГИМ. Вып. 43.
Мансуров А.А., б.г. Записки об археологических сведениях в Зарайском уезде // Архив ИА. Р-5. № 5.
Мансуров А.А., 1933. Списки археологических памятников и сведений об археологических находках в районах Средней Оки // Архив ИА. Р-5. № 1.
Массалитина Г.А., 1993. Лепная керамика городища и селища Мошины // КСИА. Вып. 208.
Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.
НПЛ, 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.
ПСРЛ, 1862 – Полное собрание русских летописей. Т. IX. СПб.
Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
Розенфельдт Р.Л., 1970. Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1970 г. // Архив ИА. Р-1. № 4321.

⁵ Подчеркнем, что эти материалы не дают оснований утверждать о проживании автохтонного населения совместно со славянами. Кроме того, нельзя полностью исключать возможности попадания этой керамики в славянский комплекс из несохранившегося более раннего культурного слоя.

- Розенфельдт Р.Л., 1976. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам) // Русский город. Вып. 1. М.
- Розенфельдт Р.Л., 1988. Материалы к археологической карте Московской области // Архив Отдела археологических сводов и карт ИА.
- Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А., 1973. Список археологических памятников Московской области. М.
- Рябинин Е.А., 1985. Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л.
- Сарачев И.Г., 2000. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья // Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула.
- Седов В.В., 1987. Племена культуры рязано-окских могильников // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
- Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь: быт и культура. М.
- Сыроватко А.С., 2001. Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Узянов А.А., 1982. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.
- Шполянский С.В., 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Труды ГИМ. Вып. 103.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 212. 2001 год.

И. В. Исланова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НИКУЛКИНО НА РЕКЕ МАЖИЦЕ В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Комплекс памятников, состоящий из двух поселений и грунтового могильника, находится в 0,3–0,5 км к юго-западу от д. Никулкино Удомельского р-на Тверской обл. (рис. 1). Поселения и могильник расположены на левом берегу р. Мажицы, впадающей в оз. Сестрино и относящейся к бассейну р. Волчины – левого притока р. Мологи (бассейн Волги). У местных жителей существует предание, что где-то в этой местности около не существующего ныне омута р. Мажицы «провалилась церковь».

Селище 1 середины – второй половины I тыс. н.э., почти полностью разрушенное карьером, выявлено в 1979 г. В.В. Сидоровым (Леонтьев, 1979) и повторно обследовано в 1985 г. А.Д. Максимовым, тогда же здесь были зафиксированы остатки стоянки эпохи камня (Максимов, 1985). Культурные напластования селища 2 лежат в 60 м к юго-востоку через грунтовую дорогу. Расположено оно на склоне юго-западной оконечности моренной гряды, ограниченной с юга впадающим в р. Мажицу ручьем Святым. Высота площадки над водой 1–5 м. Площадь темных напластований на пахоте: СЗ–ЮВ 60–85 м, ЮЗ–СВ 60–90 м.

На основной площади культурный слой сильно распахан. Это серо-коричневая супесь с включениями материковых красного и желтого песка и красной глины мощностью 0,2–0,4 м. У подножия склона гряды, куда слой сползал из-за интенсивной пахоты, культурные напластования достигали 0,6–0,7 м. В западной части поселения на пахоте зафиксировано два овальных пятна 4 х 8 и 4 х 7 м, насыщенные золой. В слое на склоне обнаружены стенка сосуда эпохи бронзы (сетчатый орнамент, а поверх него – нарезки и ямки), раннекруговая керамика начала II тыс. н.э. В пахоте, в том числе и на участке раскопа, обнаружены мелкие

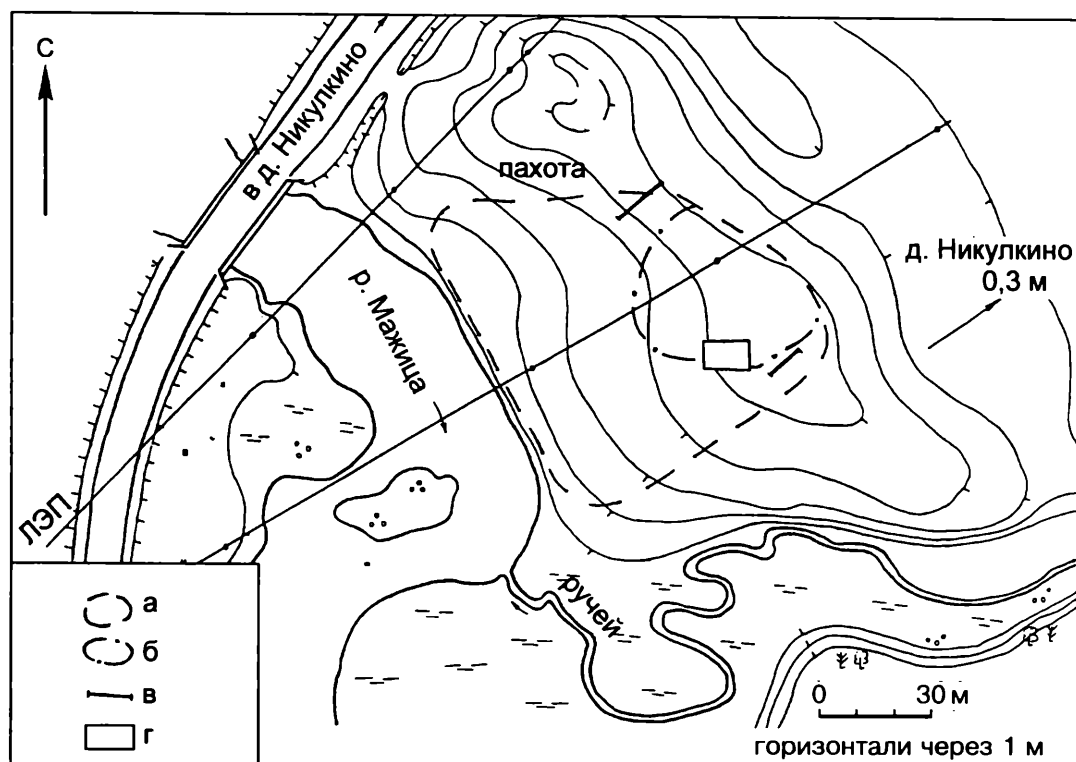

Рис. 1. Никулкино. План расположения памятников.

а – селище; б – могильник; в – траншея; г – раскоп.

обломки лепной керамики середины I тыс. н. э., круговая керамика XV–XVIII вв. (определение П. Д. Малыгина), обломок костяной рукоятки ножа с медной заклепкой, точильный камень, железные скобы и пластина (рис. 2: 1–13, 15–20).

Судя по находкам, памятник многослойный. Но отсутствие в напластованиях обожженных камней и кусочков печины позволяют усомниться в поселенческом характере объекта.

В месте распространения слоя селища 2, на вершине гряды (4–5 м над водой) в 1995 г. Н. В. Левиной обнаружены поврежденные при пахоте остатки захоронений грунтового могильника. Тогда же здесь были заложены рекогносцировочный и стационарный раскопы общей площадью 96,7 м. Кроме этого к западу и востоку от разрушенных погребений сделано две траншеи длиной 10 и 15 м и шириной по 0,5 м (следов захоронений здесь не обнаружено), позволяющие определить примерную площадь могильника: СЗ–ЮВ около 45 м и ЮЗ–СВ около 40 м. Верхние напластования на раскопе представлены сильно поврежденной пахотой серо-коричневой супесью с различными материковыми включениями, мощностью в северной части до 0,38 м, в южной – до 0,2 м. Материковые слои прорезаны плужными бороздами. В площади раскопа исследовано 41 захоронение в 21 могиле.

Основная масса захоронений обнаружена в северной половине раскопа. В южной части фиксировался, порой сразу под пахотой, слой плотной красной глины, которую не прокапывали при сооружении могил. Не исключено, что в расположении могил существовала рядная система. Как будто, прослеживается четыре ряда в направлении СВ–ЮЗ (рис. 3). Могилы в основном подпрямоугольной формы, длинной стороной соответствуют ориентировке костяка, углы скругленные, стенки почти отвесные, дно уплощенное. Ширина могил связана с количеством погребенных, длина – с ростом погребенного. Исключением является могила 10Б. На материке прослежена крупная яма, захоронение же было произведено в ее северо-восточной части: на дне на глубине 0,5 м от материка была выко-

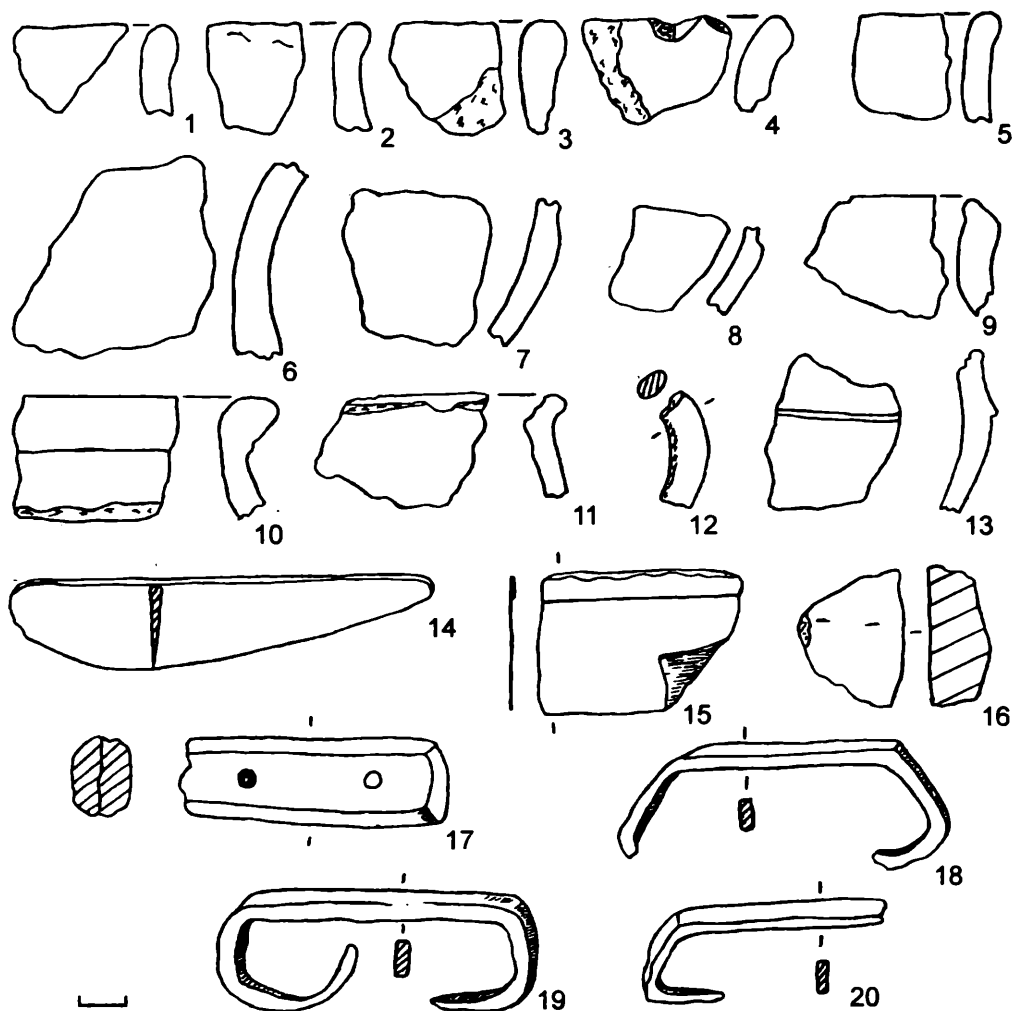

Рис. 2. Вещевые и керамические находки.

1-8 – лепная керамика; 9 – раннекруговая керамика; 10, 11, 13 – средневековая круговая керамика; 12 – фрагмент ручки кругового сосуда; 14 – нож железный; 15 – пластина железная; 16 – фрагмент точильного камня; 17 – фрагмент ручки костяной с медной заклепкой; 18-20 – скобы железные; 1-4, 7-13, 15-20 – слой пахоты; 5, 6 – заполнение ямы 10А; 14 – заполнение ямы могилы 16.

пана меньшая по размерам могила. Следует отметить небольшую глубину основной массы могил от дневной поверхности. Дно 12-и могил фиксировалось на глубине от 0,4 до 0,6 м от дневной поверхности, дно шести могил – на глубине от 0,65 до 1,16 м, а других шести – выше 0,4 м, а ямы разрушены при пахоте.

В двух случаях прослежены столбовые конструкции в могилах и рядом с ними. Три ямки, видимо, столбовые, находились по углам могилы 9 (рис. 4). Четвертый столб не был зафиксирован, так как северный угол могильной ямы находился за пределами раскопа. Примыкавшая к СЗ стенке могилы полуовальная ямка, возможно, служила ступенькой. Проблематичной осталась связь с могилой 9 прямоугольной столбовой ямки, расположенной в 0,45 м к СЗ и попавшей частично в раскоп. Предположительная округлая столбовая ямка расчищена в 0,35 м к югу от южного угла могильной ямы 5. Следы четырех округлых столбов и полукольцевидное углубление обнаружены в верхнем заполнении западной половины могилы 10Б (рис. 5). При этом три столба располагались в ряд поперек ямы и, по мнению М. Е. Смирновой, они как бы отграничивали участок с запада, где уже было сделано захоронение (следующая могила 10А находилась западнее почти вплотную к «ограде»). Три пятна углей и темно-серой гумусированной супеси,

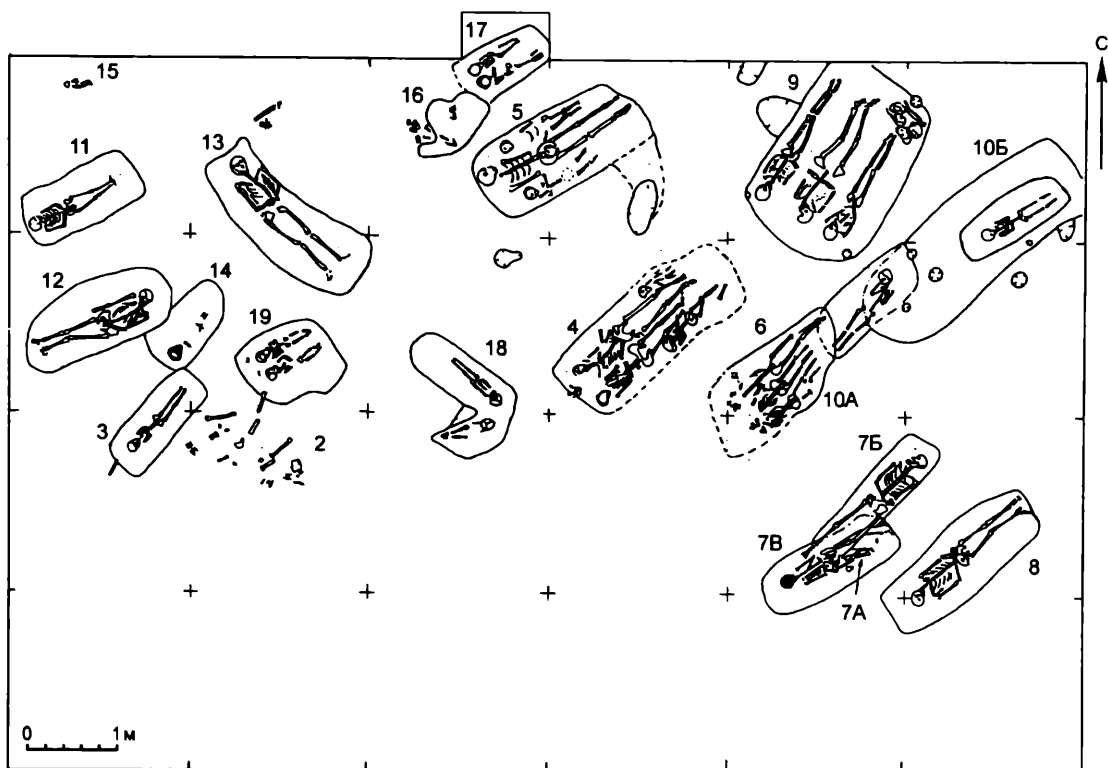

Рис. 3. Расположение исследованных погребений в могильнике Никулкино.

расположенных поблизости, видимо, связаны с могилой 10А. Еще две столбовые ямки (округлая и полуовальная) располагались в 0,1 м вплотную у ЮЗ стенки могилы 10Б.

Предположительный столб (полукруглый выступ у СВ угла ямы) обозначал и могилу 13. Могила была выкопана в материковом светло-сером песке с примесью гальки. Одна из длинных стенок была вогнутая, другая – противоположная – выпуклая. По краям стенок фиксировались отдельные небольшие камни, возможно, специальная обкладка. Похоже, погребенный сверху был забросан небольшими камнями (самый крупный поперечниками 0,1 x 0,1 м). Характерно, что у погребенного мужчины зафиксирована травма лицевой части скелета. Единичные камни, встреченные в других погребениях, к обряду не относились.

Большинство захоронений совершены по обряду труположения на спине, на дне могильных ям. В могиле 9 встречены остатки переотложенных детских захоронений, а в могиле 15 – захоронение грудного ребенка на левом боку с согнутыми ногами. Только у двух детей (могила 19) ступни ног скрещены. Преобладающая ориентировка – головой на ЮЗ. В двух могилах (13 и 16) умершие ориентированы на СЗ, в четырех – 12, 18 (погребение 1), 10А, 7В – на СВ. У большинства погребенных руки скрещены или сложены в области груди, живота, паха, реже – подняты к голове.

Гробовищ не прослежено. Однако в пяти случаях под костями находились какие-то деревянные конструкции (настилы из досок, возможно, не сплошные), на что указывают зафиксированные прослойки древесного тлена. В могиле 9 под левой ступней и восточнее правой ноги погребения 2 расчищены остатки досок толщиной 1 см, лежащих примерно в том же направлении, что и погребенный. В той же могиле между погребениями 1 и 2 и к СВ от погребения 3 несколько выше их прослежены тонкие (1–2 см) полосы древесного тлена – остатки жердей или тонкой доски. Эта конструкция, несомненно, отделяла погребение 1 от центрального погребения 2. Над костями ног погребения 3 прослежена прослойка желтого песка с древесным тленом. На прослойке древесного тлена находилось захороне-

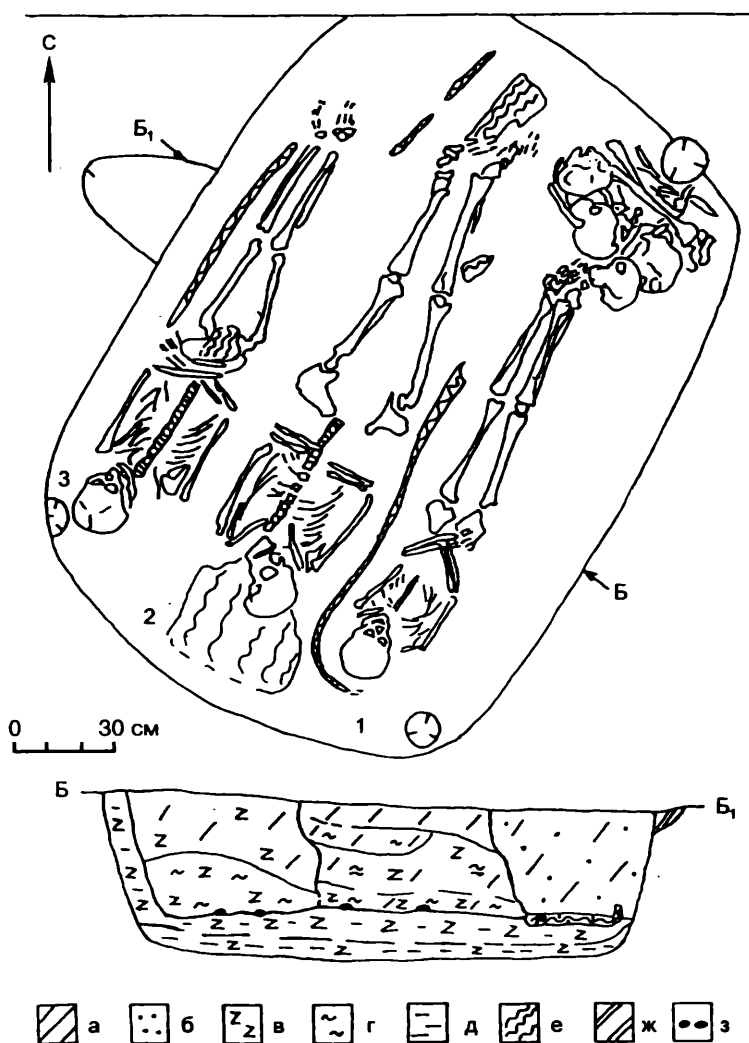

Рис. 4. План и разрез могилы 9.

а – серый песок; **б** – желтый песок; **в** – красный песок; **г** – зола; **д** – красно-коричневая глина; **е** – древесный тлен; **ж** – темно-серый песок; **з** – кости.

ние в могиле 15. Следы древесного тлена прослежены в песке под погребением в могиле 13.

В шести могилах обнаружены коллективные захоронения: могилы 17 и 19 содержали по два детских погребения, могилы 5 и 6 – по три, могила 4 – четыре, могила 9 – 7. По всей видимости, в одной могиле были погребены близкие родственники. Только для могилы 9, по стратиграфии заполнения довольно глубокой ямы, удалось установить, что не все погребения совершены одновременно (рис.4). Четыре детских костяка были намеренно сдвинуты в СВ угол ямы, для высвобождения места для подзахоронений (на каком из этапов – не ясно). Предположительно первым является погребение 1 (хотя нельзя исключать, что первоначальное – центральное погребение 2), затем сделано захоронение 2 и, несомненно, на завершающем этапе произведено погребение 3.

В тех случаях, когда могилы частично перекрывали друг друга, устанавливается их относительная хронология. Первоначальная могила 7В, затем сделана могила 7Б, а потом – 7А. Первоначальная могила 10Б, затем – 10А, а потом – 6. Могила 12 сделана позже могилы 14. Могила 16, возможно, выкопана позже 17.

Все обнаруженные захоронения безынвентарные. Проблематично связывать с захоронениями находку железного ножа (рис. 2: 14) в заполнении могилы

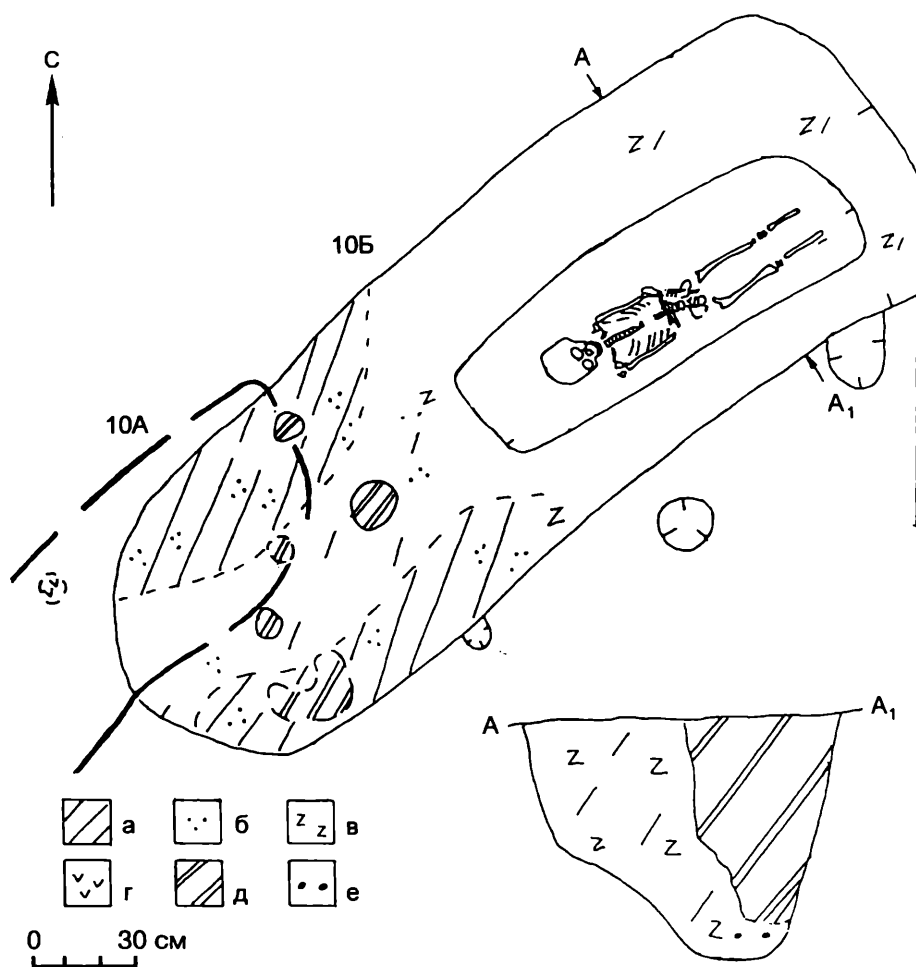

Рис. 5. План и разрез могил 10А и 10Б.

а – серый песок; **б** – желтый песок; **в** – красный песок; **г** – угли; **д** – темно-серый песок; **е** – кости.

16, на 0,1 м выше погребений. Также не ясно отношение железных скоб (рис. 2: 18–20) к разрушенному пахотой погребению в могиле 1. В заполнении могильных ям (9, 10А и 10Б, 12, 17) найдены единичные мелкие фрагменты лепной керамики, которые вполне могли сюда попасть при засыпке могил. Нет полной уверенности в прямой связи с произведенным захоронением в могиле 7В стенки кругового сосуда (ориентировочно датированного XV–XVIII вв.), найденной между колен погребенного.

Исследованная часть грунтового могильника представляет окраинный юго-восточный участок средневекового кладбища (возможно, середины – третьей четверти II тыс. н. э.). Слабая изученность погребального обряда сельского населения этого периода не позволяет объяснить наличие разной (порой прямо противоположной) ориентировки погребенных, полное отсутствие инвентаря, включая нательные кресты, наличие в могилах, и возможно, над могилами деревянных столбовых конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

- Леонтьев А.Е., 1979. Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА, Р-1, № 7442.
 Максимов А.Д., 1985. Отчет о разведках на Удомельских озерах в Калининской области в 1985 г. // Архив ИА, Р-1, № 10732.

А. П. Бужилова, Н. Н. Гончарова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ МОГИЛЬНИКА НИКУЛКИНО

Были обследованы костные останки из могильника Никулкино различной степени сохранности от удовлетворительной (наличие практически полного костяка) до неудовлетворительной (несопоставимые костные фрагменты). В антропологический анализ вошли результаты обследования 40 индивидов, останки которых были более или менее удовлетворительной сохранности и имели стратиграфическую привязку. Всего обследовано 9 половозрелых индивидов (8 мужчин и 1 женщина) и останки 31 неполовозрелого индивида (табл. 1).

Очевидно, преобладающее число индивидов рассматриваемой серии представлено детьми и подростками. Они составляют 77,5% от общего числа наблюдений и большая часть из них – дети до 7 лет (табл. 2). Такой высокий показатель детской смертности не вызывает особых разногласий с уже накопленными наблюдениями (Weiss, 1973; Алексеев, 1989). Тем не менее, незначительное и непропорциональное число взрослых индивидов указывает на нерепрезентативность выборки. Возможно, могильник раскопан неполностью и серия представляет лишь какую-то его часть. Попробуем оценить информативную нагрузку антропологического материала.

Исходя из мирового опыта изучения скелетных коллекций, детская часть выборки представлена более или менее закономерно. Обычно значительная доля смертности детей приходится на возрастной интервал от рождения до семи лет, то есть на период первого детства, наиболее уязвимого для физиологического стресса. В серии Никулкино эта группа самая многочисленная и составляет 47,5%. Далее, по частоте встречаемости показателя смертности наиболее представительными бывают подгруппы детей старше 7 лет, и затем следуют подгруппы подросткового возраста. В материалах из могильника Никулкино отмечается такая же закономерность: 17,5% детей представлено в возрасте от 8 до 14 лет, а 12,5% – старше 15 лет (табл. 2). Этот факт можно интерпретировать по-разному. Вероятно, перед нами часть могильника со случайным преобладанием числа детских захоронений, например, в результате эпидемии, связанной со смертностью, главным образом, детской части населения. Тогда эта подгруппа отражает популяционный срез в короткий промежуток времени, что не противоречит описанному возрастному составу детской выборки. Повышенная детская смертность и формирование сконцентрированного участка детских погребений в результате эпидемий во времена домонгольской Руси известна как по летописным и историческим источникам, так и по данным антропологии (Богоявленский, 1960; Бужилова, 1999). Как видим, предположение о пережитой эпидемии населения, оставившего могильник Никулкино, имеет под собой почву и требует дополнительного палеопатологического анализа. С другой стороны преобладание детских захоронений на определенном участке могильника могло быть сформировано неслучайно, а преднамеренно. Для этого объяснения трудно найти исторические и этнографические аналогии. Тем не менее, чтобы не казаться излишне категоричными, не принимать во внимание эту версию мы не можем.

Средний возраст умерших половозрелых индивидов в представленной серии 36,9 лет. Этот показатель на территории средневековой Руси характеризуется ин-

Таблица 1. Материалы обследования

Номер погребения	Пол	Возраст	Номер погребения	Пол	Возраст
м. 1 п. 1	мужчина?	20–29?	м. 9 п. 3	подросток	15–18
м. 2 п. 2	мужчина?	40–49?	м. 9 п. а	ребенок	6–7
м. 3 п. 1	ребенок	3–4	м. 9 п. б	ребенок	5–6
м. 4 п. 1	подросток	15–18	м. 9 п. в	ребенок	6–7
м. 4 п. 2	мужчина?	35–45?	м. 9 п. г	ребенок	10
м. 4 п. 3	ребенок	8–9	м. 10 п. 1	ребенок	9–10
м. 4 п. 4	ребенок	4,5–5	м. 10 п. 2	ребенок	5–6
м. 5 п. 1	мужчина	20–29	м. 11	ребенок	9–10
м. 5 п. 2	ребенок	5–6	м. 12	мужчина	45–55
м. 5 п. 3	ребенок	2,5–3,5	м. 13	мужчина	50–55
м. 6 п. 2	подросток	15–18	м. 14 п. 1	ребенок	2–3
м. 6 п. 2а	ребенок	10–12	м. 15	ребенок	0,6
м. 6 п. 2б	ребенок	8–10	м. 16	ребенок	0,3
м. 6 п. 3	подросток	15–18	м. 17 п. 1	ребенок	4–6
м. 7 п. 1	ребенок	5–6	м. 17 п. 2	ребенок	0,6
м. 7 п. 2	мужчина	45–50	м. 18 п. 1	ребенок	0,6
м. 7 п. 3	подросток	15–18	м. 18 п. 2	ребенок	1,5–2
м. 8 п. 1	мужчина	20–29	м. 19 п. 1	ребенок	1,5–2
м. 9 п. 1	подросток	13–15	м. 19 п. 1а	ребенок	1–1,5
м. 9 п. 2	женщина	20–29	м. 19 п. 2	ребенок	1,5–2

тервалом от 32,3 до 43,8 лет, а в области распространения тверских кривичей не превышает 35,9 лет (Бужилова, 1995). Таким образом, рассматриваемая подгруппа половозрелых индивидов близка к известным сериям кривичей по показателю среднего возраста умерших. Следует подчеркнуть, что полученные данные укладываются в наиболее характерный интервал распространения этого показателя (35–39,9 лет) на территории средневековой Руси (Бужилова, 1997). Представленные результаты дают основание рассмотреть краниометрические характеристики мужской части выборки с точки зрения этнической атрибуции группы.

Статистическая обработка краниологического материала показывает чрезвычайно высокие значения средних квадратических отклонений по тем признакам, которые характеризуют размеры и пропорции мозгового отдела черепа. Так, минимальный размер продольного диаметра черепа – 60,0 мм, а максимальный – 183,0 мм при квадратическом отклонении – 10,4. Для поперечного диаметра черепа величины распределяются соответственно – 131,0 и 159,0 мм при квадратическом отклонении 11,9. Очевидно, данные свидетельствуют о высокой индивидуальной вариабельности мужской серии. Следует отметить, что размеры и пропорции лицевого отдела черепа более однотипны. Следовательно, возможное разделение серии Никулкино связано прежде всего с размерами черепной коробки и позволяет предположить наличие двух антропологических вариантов.

Один из морфологических вариантов очень грацильный, с чрезвычайно короткой, сферической или ромбовидной в плане черепной коробкой. Этот вариант связан с несколько уплощенным лицом, как на уровне лобной кости и глазниц, так и на уровне скул. Лицевые размеры, характерные для данного варианта, схожи с таковыми у некоторых средневековых групп летописных новгородских словен. Однако нельзя игнорировать существенные различия в пропорциях черепа, так как именно пропорции черепа являются ведущими признаками при разграничении групп финноугорского происхождения на территории Восточной Европы (см.: Восточные славяне..., 1999).

Второй вариант, условно названный массивным, отличается более длинным, но и более широким черепом, более выраженным рельефом черепа, более низкими глазницами и менее уплощенным лицом. Однако и этот вариант только условно, на фоне первого, может считаться массивным, так как и выраженность рельефа и пропорции черепа также сходны с таковыми у средневековых восточных славян.

Следует отметить, что все черепа резко брахикранные, так как значения продольно-поперечного указателя (8:1) относятся к категориям больших и очень больших – 81,8–87,8.

Таким образом, в серии из Никулкино, возможно присутствует два морфологических варианта, один из которых («массивный») довольно легко связывается с краниологическими характеристиками средневековых восточных славян. Сколько-нибудь точных аналогов второму («грацильному») среди средневекового населения севера и северо-запада Восточной Европы найти не удастся. Дальнейшая разработка могильника и пополнение краниологической серии могли бы привести к предпочтению одной из гипотез, объясняющих наличие грацильного варианта: либо он является реально существующим, связанным с аборигенным населением, либо, что станет ясно при увеличении серии, является крайним полюсом нормальной внутригрупповой изменчивости.

Высокий уровень индивидуальной изменчивости, отмеченный в мужской подгруппе, по данным краниологии дает основание оценить серию, причем на этот раз включая и детскую выборку, по данным распространения эпигенетических признаков. Генетически наследуемые признаки были отмечены только у 6 индивидов из 40 обследованных, что составляет 15% от общего числа. Частота встречаемости определенных признаков не превышает 5%, что свидетельствует о случайном распределении фенотипов в группе (табл. 3). На наш взгляд, крайне низкое число эпигенетических признаков может удостоверить разнородный или иначе говоря, неблизкородственный состав населения. Как видим, этот анализ в целом подтверждает выявленную по данным краниологии разнородность населения.

В других работах мы неоднократно отмечали важность исследования различных групп патологий для получения дополнительных сведений, необходимых при археологической реконструкции (Бужилова, 1995; Гончарова, 1997; Бужилова, 1998). Как правило, в качестве социального маркера используют информацию о распространении травм в группе. В серии Никулкино отмечено два случая черепных травм у мужчин (м. 7 п. 2; м. 13) из восьми возможных наблюдений. В процентном соотношении эта величина достаточно высокая, поскольку составляет 25%. Такое значение признака обычно отмечается у военнизированного населения или населения пограничных областей (Бужилова, 1995). Дополнительной информацией можно считать и характер травм – это рубленые раны. У одного из обследованных (м. 7 п. 2) отмечены следы зажившей травмы от клинкового оружия на теменной кости слева в виде удлиненного шрама. У другого – травма в лицевой части скелета. Рубленый удар прошел через левое надбровье и нос (линия удара отчетливо реконструируется по следам зажившей травмы). Кроме того, на черепе зафиксированы следы неправильно заросшего перелома носовых костей и шрам над левой орбитой.

Других видов травм, в том числе и на костях конечностей не зарегистрировано. Присутствие в группе черепных рубленых ран достаточно красноречивое свидетельство беспокойной жизни этого населения.

Одной из наиболее информативных систем для археологических реконструкций является изучение зубных патологий. В серии Никулкино частота встречаемости кариеса в группе не превышает 18% (табл. 4). Тем не менее, если учесть, что кариес отмечен у 3 из 9 половозрелых индивидов, то величина этой патологии среди взрослого населения достигает 33,3%. Этот показатель не превышает значений, отмеченных у взрослого населения тверских кривичей, максимальный уровень кариеса которых достигает 37,8% (Бужилова, 1995). Однако зафиксиро-

Таблица 2. Возрастная структура выборки

Возрастные интервалы	Число наблюдений	Процентное соотношение внутри выборки, %	
0–7	19	47,5	
8–14	7	17,5	77,5
15–18	5	12,5	
20–50+	9	22,5	

Таблица 3. Частота встречаемости генетически наследуемых признаков

Признаки	Относительное число наблюдений, n(N)	Процентное соотношение числа наблюдений, %	Пол, возраст	Номера погребений
Вормиевы и вставочные кости	2(40)	5	подросток; 13–15 подросток; 15–18	м. 9 п. 1 м. 7 п. 3
Foramina timpanicum	2(40)	5	ребенок; 1,5–2 ребенок; 2–3	м. 19 п. 2 м. 14 п. 1
Краудинг	2(40)	5	подросток; 13–15 ребенок; 4–6	м. 9 п. 1 м. 17 п. 1
Гиподонтия	1(40)	2,5	мужчина; 20–29	м. 8 п. 1
Синдром Клиппеля-Фейля	1(40)	2,5	мужчина; 20–29	м. 5 п. 1
Spina bifida totalis occulta	1(40)	2,5	мужчина; 20–29	м. 8 п. 1

Таблица 4. Частота встречаемости зубочелюстных патологий, %

Признаки	Относительное число наблюдений, n(N)/%	Процентное соотношение числа наблюдений, %	Пол, возраст	Номера погребений
Кариес	7(40)	17,5	женщина; 20–29 мужчина; 20–29 мужчина; 20–29 подросток; 15–18 подросток; 15–18 ребенок; 4–6 ребенок; 8–9	м. 9 п. 2 м. 8 п. 1 м. 5 п. 1 м. 9 п. 3 м. 7 п. 3 м. 17 п. 1 м. 4 п. 3
Одонтогенный остеомиелит	2(40)	5	мужчина? 35–45? подросток; 15–18	м. 4 п. 2 м. 9 п. 3
Прижизненная потеря зубов	2(40)	5	мужчина; 20–29 мужчина; 45–55	м. 5 п. 1 м. 12
Преждевременная стертость коронок	5(40)	12,5	женщина; 20–29 мужчина; 20–29 мужчина; 20–29 подросток; 15–18 ребенок; 8–10	м. 9 п. 2 м. 8 п. 1 м. 5 п. 1 м. 7 п. 3 м. 6 п. 2

ванный в серии Никулкино детский кариес, характерный, как правило, для поздних периодов средневековья, свидетельствует о, возможно, широком распространении этого заболевания в исследованной группе. Помимо кариеса, в выборке отмечены последствия воспалительных реакций вследствие кариеса (одонтогенный остеомиелит, прижизненное выпадение зубов) как у взрослого населения, так и у подростков (табл. 4).

Помимо патологических проявлений на зубах отмечена, независимая от возрастных изменений, усиленная стертость зубных коронок, как правило, на коренных зубах. Из 5 зафиксированных случаев 2 отмечены у детей, 3 – у людей молодого возраста (табл. 4). Преждевременная стертость коронок, особенно на коренных зубах вкупе с широким распространением кариеса в серии может расцениваться как результат питания населения малокалорийной грубо-волокнуистой пищей со значительной долей углеводов.

Попробуем оценить выявленную тенденцию, проанализировав другую группу зубных патологий. На постоянных зубах индивидов фиксируются различные дефекты эмалевого покрова в виде ямок, углублений, бороздок – эмалевая гипоплазия. Этот признак отражает последствия физиологических стрессов различных по силе и продолжительности, например, в результате некалорийного или недостаточного питания, перенесенных инфекционных заболеваний в детском возрасте (Бужилова, 1995, 1998).

В серии было отмечено 12 случаев поражения зубной эмали у взрослых и подростков, что составило 50% от общего числа возможных наблюдений (табл. 5). Кроме того, зафиксирован вариант эмалевой гипоплазии на молочных зубах, что свидетельствует о появлении патологии у ребенка в период его формирования в утробе матери. Для сельских древнерусских серий величина встречаемости эмалевой гипоплазии в среднем равна 8,7% с максимальными значениями не превышающими 40% (Бужилова, 1993). Таким образом, в серии Никулкино отмечаются завышенные показатели эмалевой гипоплазии, свидетельствующие о существовании значительного стресса в популяции. Если учесть, что в серии отмечен один случай встречаемости эмалевой гипоплазии на молочных зубах, то, очевидно, стрессу в этой группе подвергались не только дети, но и взрослое население.

По специальной схеме был определен вероятный возраст образования патологии эмали (Кегг, 1989). Интервал полученных значений колеблется в пределах от 1,5 до 6 лет с очевидным пиком в 3–4,5 лет. При сравнительном анализе с данными различных исследователей выясняется, что этот пик несколько сдвинут в сторону больших значений. Обычно, возрастной интервал, на который приходится максимальное проявление эмалевой гипоплазии имеет два пика: 1,5–2,5 года и 3–4 года. Многие исследователи объясняют этот факт различиями в традициях грудного вскармливания детей в древних обществах – в одних популяциях детей отрывают от груди в возрасте 12–18 месяцев, в других – позже. Появление стрессов у детей в период позднего грудного вскармливания может объясняться недостатком витаминов и микроэлементов, необходимых для растущего организма в этом возрасте, при переходе на взрослую пищу (Cottuccini et al., 1985).

Таким образом, результаты анализа зубочелюстных патологий позволяют охарактеризовать диету населения, оставившего могильник Никулкино. Возможно, пища у них была некалорийной, грубоволокнуистой с повышенным содержанием углеводов. Вероятно, в группе было распространено позднее грудное вскармливание, связанное, скорее всего, с недостатком пищевых ресурсов. Обычно, некачественное питание приводит к нарушению обменных процессов в организме и способствует снижению иммунного статуса. Следует ожидать, что в представленной серии эти нарушения должны быть выражены.

Признаки воспалительного процесса и один из показателей снижения уровня гемоглобина, *Cribra orbitalia*, являются индикаторами общего неблагополучия и слабого здоровья древнего населения (Бужилова, 1995, 1998). В группе было отмечено 3 случая *Cribra orbitalia*, один у мужчины 20–29 лет и 2 случая у детей

Таблица 5. Частота встречаемости эмалевой гипоплазии, %

Признаки	Число наблюдений n(N)/%	Процентное соотношение числа наблюдений, %	Пол, возраст	Номера погребений
Эмалевая гипоплазия на постоянных зубах	12(24)	50	женщина; 20–29 мужчина; 20–29 мужчина; 20–29 мужчина; 45–50 мужчина? 35–45? подросток; 13–15 подросток; 15–18 подросток; 15–18 подросток; 15–18 подросток; 15–18 ребенок; 8–9 ребенок; 9–10(!)	м. 9 п. 2 м. 8 п. 1 м. 5 п. 1 м. 7 п. 2 м. 4 п. 2 м. 9 п. 1 м. 9 п. 3 м. 7 п. 3 м. 6 п. 3 м. 4 п. 1 м. 4 п. 3 м. 10 п. 1
Эмалевая гипоплазия на молочных зубах	1(16)	6,3	ребенок; 5–6	м. 10 п. 2

Таблица 6. Частота встречаемости признаков воспалительного процесса и Cribra orbitalia, %

Признаки	Относительное число наблюдений, n(N)/%	Процентное соотношений числа наблюдений, %	Пол, возраст	Номера погребений
Cribra orbitalia	3(40)	7,5	мужчина; 20–29 ребенок; 2–3 ребенок; 5–6	м. 5 п. 1 м. 14 п. 1 м. 10 п. 2
Признаки воспаления	1(40)	2,5	ребенок; 2–3	м. 14 п. 1

(табл. 6). У мужчины этот признак был выражен нерезко, в виде остаточных следов патологии. Однако, на фоне заболеваний, отмеченных у него – остеохондроза, и последствий одной из форм остеохондропатии бугристости большеберцовой кости (синдрома Осгуда-Шлаттера), проявляющейся местной болезненной припухлостью в подростковом возрасте – малокровие вполне очевидно. У одного из детей (м. 14 п. 1), наряду с показателем малокровия, отмечено отверстие в теменно-затылочной области с лизированными краями вследствие остеокластических процессов. Трудно объяснить природу этой патологии – одно несомненно, что этот воспалительный процесс протекал в резкой форме на фоне лихорадочных (высокая температура) состояний организма.

Итак, большинство выявленных случаев имеют объяснения для появления показателя малокровия в группе. Незначительная частота встречаемости и очевидные причины патологии позволяют говорить о случайном распределении этого признака. Полученные результаты вполне согласуются с данными о распределении Cribra orbitalia в группе тверских кривичей, частота встречаемости которой не превышает 9,7% (Бужилова, 1995).

Что касается признаков различных воспалительных процессов и инфекционных заболеваний, то помимо описанного выше единичного наблюдения, мы хоте-

ли бы обратить внимание на локальные изменения внутренней пластинки черепа в области теменных бугров. Нарушение костной ткани можно отнести к дегенерирующим процессам, фиксируемым на морфологическом уровне. Остеокластические изменения, состоящие из дискретных проявлений, объединяясь, образуют овальную форму, размеры которой не превышают диаметра углубления в области темени, и часто располагаются симметрично. Эту патологию мы отмечали неоднократно на детских черепах и особенно часто у детей до 7 лет. По разным данным такого рода изменения в области эндокрана ассоциируются с некоторыми бактериальными инфекциями (менингитами, костным туберкулезом и пр.). Поскольку эти наблюдения требуют специального исследования с анализом гистологических и рентгенологических данных, сегодня мы не имеем возможности интерпретировать полученные данные, и тем более предлагать дифференциальную диагностику. Тем не менее, эта информация важна, так как даже на предварительном этапе патологического анализа, мы можем говорить о инфекционной природе этого признака. Таким образом, у детской части населения фиксируются случаи проявления признаков воспалительного процесса, связанного, возможно, с присутствием бактериальной инфекции.

Исследованная серия характеризуется ненормированным преобладанием детской и подростковой возрастных групп, среди взрослого населения практически нет женщин. Очевидно, эти особенности позволяют считать представленную выборку нерепрезентативной. Тем не менее высокая концентрация детских захоронений и закономерный возрастной состав детской части выборки позволяют выдвинуть предположение о возможно узком хронологическом срезе представленного антропологического материала.

Средний возраст умерших взрослой части группы соотносится с известными для домонгольской Руси значениями этого показателя, что позволило нам проанализировать краниологические данные мужской выборки. Статистический анализ выявил индивидуальную вариабельность группы и дал возможность идентифицировать это население с восточнославянской общностью. Анализ генетически наследуемых признаков охарактеризовал группу как разнородную, состоящую из нескольких неродственных семей.

Оценка различных биологических индикаторов стресса, в частности распространения травм, характеризует беспокойный неблагоустроенный быт группы Никулкино. По другим индикаторам реконструируется основное питание – некалорийная грубоволокнистая углеводная пища. В группе было распространено позднее вскармливание грудью, что косвенным образом также свидетельствует о некачественном питании населения. Возможно, в общине циркулировала какая-то бактериальная инфекция, которая стала причиной массовой гибели детей. Поскольку только хроническая инфекция (как правило бактериальной природы) или воспалительный процесс, развивающийся в организме в течении определенного времени оставляют следы на костной системе, то отсутствие специфических следов на большинстве костяков исследованной группы при прочих неблагоприятных показателях могут косвенным образом указывать на быстрое течение заболевания, чаще всего инфекционной природы. Однако, не исключается и причина массовой гибели детей из-за недостатка пищи в определенное время года, например ранней весной. Вероятно, ослабленная иммунная система большинства обследованных не смогла противостоять негативным факторам среды.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П., 1989. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи, Под ред. Ю.А.Полякова., М., с.63–90.
Богоявленский Н.А., 1960. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., с.326.

- Бужилова А.П., 1993. Оценка палеопатологических характеристик у древнерусского городского и сельского населения (в сравнительном аспекте) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., с. 110–122.
- Бужилова А.П., 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М., с. 189.
- Бужилова А.П., 1997. Изучение возрастных пирамид и показателя среднего возраста смерти в археологическом контексте (по антропологическим и историческим материалам древнерусского населения) // Новые методы – новые подходы в современной антропологии. М., с. 33–44.
- Бужилова А.П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., с. 87–146.
- Бужилова А.П., 1999. Болезни в средневековой Руси (антропологический обзор) // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., с. 243–253.
- Восточные славяне..., 1999. Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.
- Гончарова Н.Н., 1997. Анализ маркеров физиологического стресса в средневековых популяциях и территориальных группах Новгородской земли // Новые методы – новые подходы в современной антропологии. М., с. 33–44.
- Corruccini R.S., Handler J.S. and Jacobs K.P., 1985. Chronological distribution of enamel hypoplasias and weaning in a Caribbean slave population // Human biology. № 57(4), p. 699–711.
- Kerr N.W., 1989. Childhood health of two Scottish Medieval populations as revealed by enamel (hypoplastic) defects // Journal of Paleopathology, Vol. 2(1).
- Weiss K., 1973. Demographic models for Anthropology // American Antiquity, Vol. 38, № 2, part 2, 187 p.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 212. 2001 год.

А. С. Сыроватко

КОЛЛЕКЦИЯ ПАЛЕЦКОГО ГОРОДИЩА ИЗ ФОНДОВ ЗАРАЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Палецкое городище (Полецкое, Луховицкое 1) является поселением, расположенным в контактной зоне двух археологических культур – городецкой и дьяковской. Находится оно на р. Вобле – правом притоке р. Оки, недалеко от с. Городищи Луховицкого р-на Московской области. Площадка подтреугольной формы, размерами 85 x 80 м, образована двумя оврагами. С напольной стороны она укреплена двумя валами и рвами. Городище открыто Н. В. Любомудровым в 1874 г., осматривалось В. А. Городцовым и П. П. Ефименко (Монгайт, 1961, с. 43). Раскопки на нем, причем довольно значительные по объему, были проведены А. В. Дмитриевской в 1925–1926 г.¹, но результаты их так и не были опубликованы. Дважды во время разведок городище посещал Р. Л. Розенфельдт. Настоящая публикация посвящена введению в научный оборот сохранившихся материалов из раскопок А. В. Дмитриевской.

Несмотря на то, что коллекции Палецкого городища почти не публиковались, к результатам раскопок А. В. Дмитриевской апеллировали многие исследователи. А. Л. Монгайт впервые перечисляет находки, сделанные на городище, и приводит фотографию нескольких фрагментов керамики (Монгайт, 1961, с. 43–44. рис. 14). По утверждению А. Л. Монгайта, он опирался на зарисовки, сделанные П. Н. Тре-

¹ Отчет о раскопках А. В. Дмитриевской хранится в ИИМК (№ 183). Автор в силу ряда причин не имел возможности ознакомиться с отчетом.

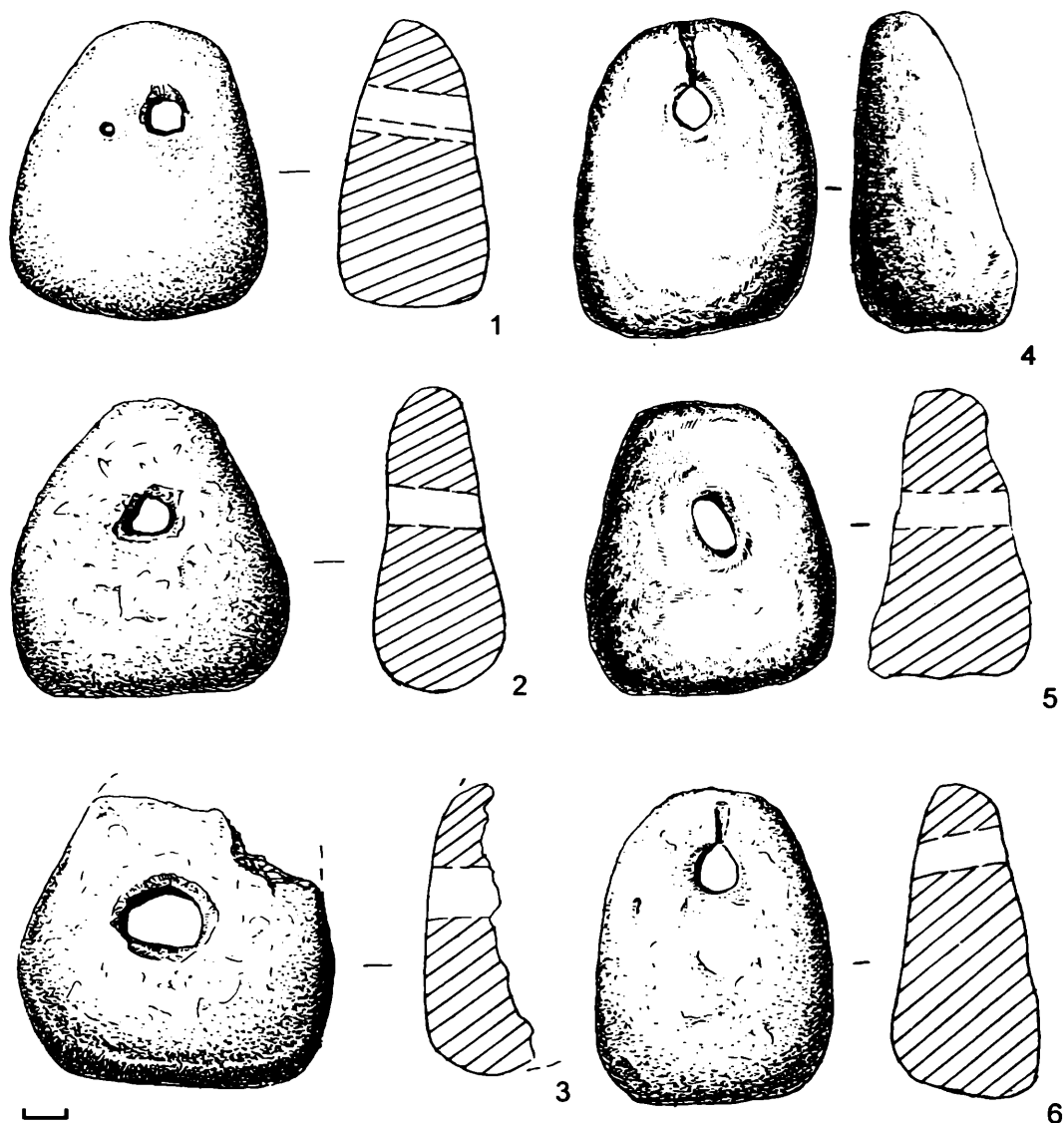

Рис. 1. Палецкое городище. Пирамидальные грузила.

тьяковым, саму коллекцию он считал утраченной (Монгайт, там же). Позднее эти же материалы использовал К. А. Смирнов, опираясь на зарисовки Р. Л. Розенфельда, являвшимися, в свою очередь, копиями рисунков П. Н. Третьякова (устное сообщение К. А. Смирнова). Сводки К. А. Смирнова важны тем, что в них учтены находки, в настоящее время в коллекции отсутствующие, в частности, наконечники стрел, однозубый гарпун с муфтой и др. (Смирнов, 1974, с. 28 и след.). Р. Л. Розенфельд также считал коллекцию утраченной (Розенфельд, 1961, с. 9). Между тем, вещевая коллекция сохранилась в фондах Зарайского краеведческого музея, и публикация их стала возможной благодаря хранителю фондов Л. И. Максимова, которой автор выражает глубокую признательность.

Коллекция в настоящее время состоит только из индивидуальных находок, которых известно 50 экз. Из керамики сохранился только один фрагмент венчика дьяковского сосуда с отогнутым наружу венчиком и отпечатками, заходящими на внутреннюю сторону горла (Монгайт, 1961. рис. 14а, вверху слева). Такая форма керамики встречается на городищах нижнего течения р. Москвы и среднего течения р. Оки, и относится, вероятно, к первым вв. н.э. (Сыроватко, 2000, с. 51).

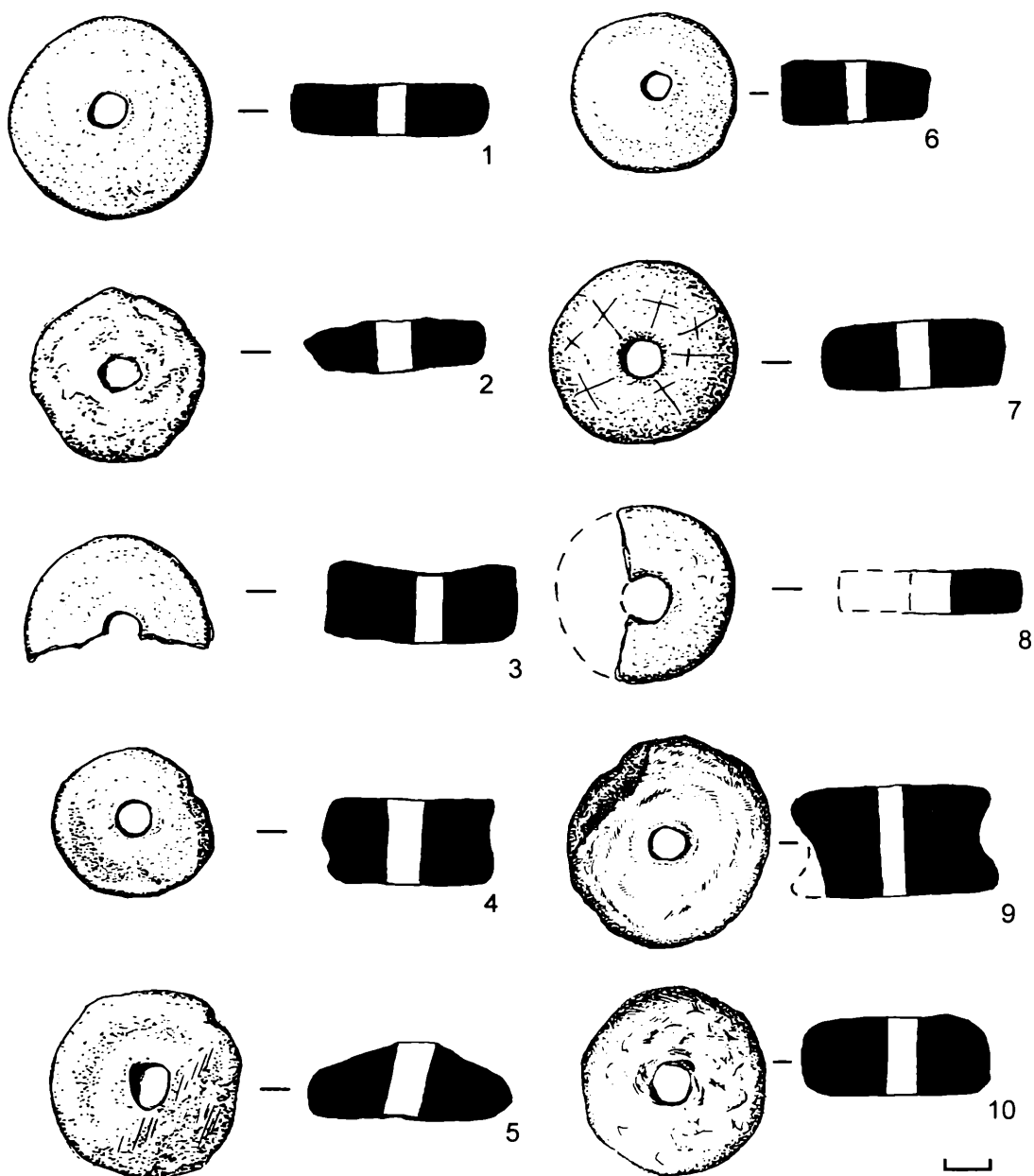

Рис. 2. Палецкое городище, грузики.

1–6 – известняк, 7–10 – глина.

Из всех находок в коллекции Палецкого городища самую значительную серию составляют грузики самых различных типов и материала изготовления. Пирамидальные грузила (от сети ?) представлены 6 экз., причем только одно из них – фрагментом (рис. 1). На некоторых экземплярах в верхней части, над ушком, четкие отпечатки крученой нити, один предмет имеет дополнительное отверстие малого диаметра (рис. 1: 1). Н.В. Трубникова считала подобные находки отражением южного влияния (Трубникова, 1950, с. 127). Подобные грузила известны, однако, и на соседних дьяковских памятниках – на Ростиславле и Настасьинском городище (Коваль, 1999; Энгватова, 2001). Цилиндрических известковых грузиков (пряслиц ?) – 7 шт., часть их изготовлена очень аккуратно (рис. 2: 1–6). Керамических грузиков 10 шт., в т.ч. два блоковидных (рис. 2: 7–10; 3: 3, 8–9). Два грузика орнаментированы: на одном орнамент в виде крестообразных знаков проца-

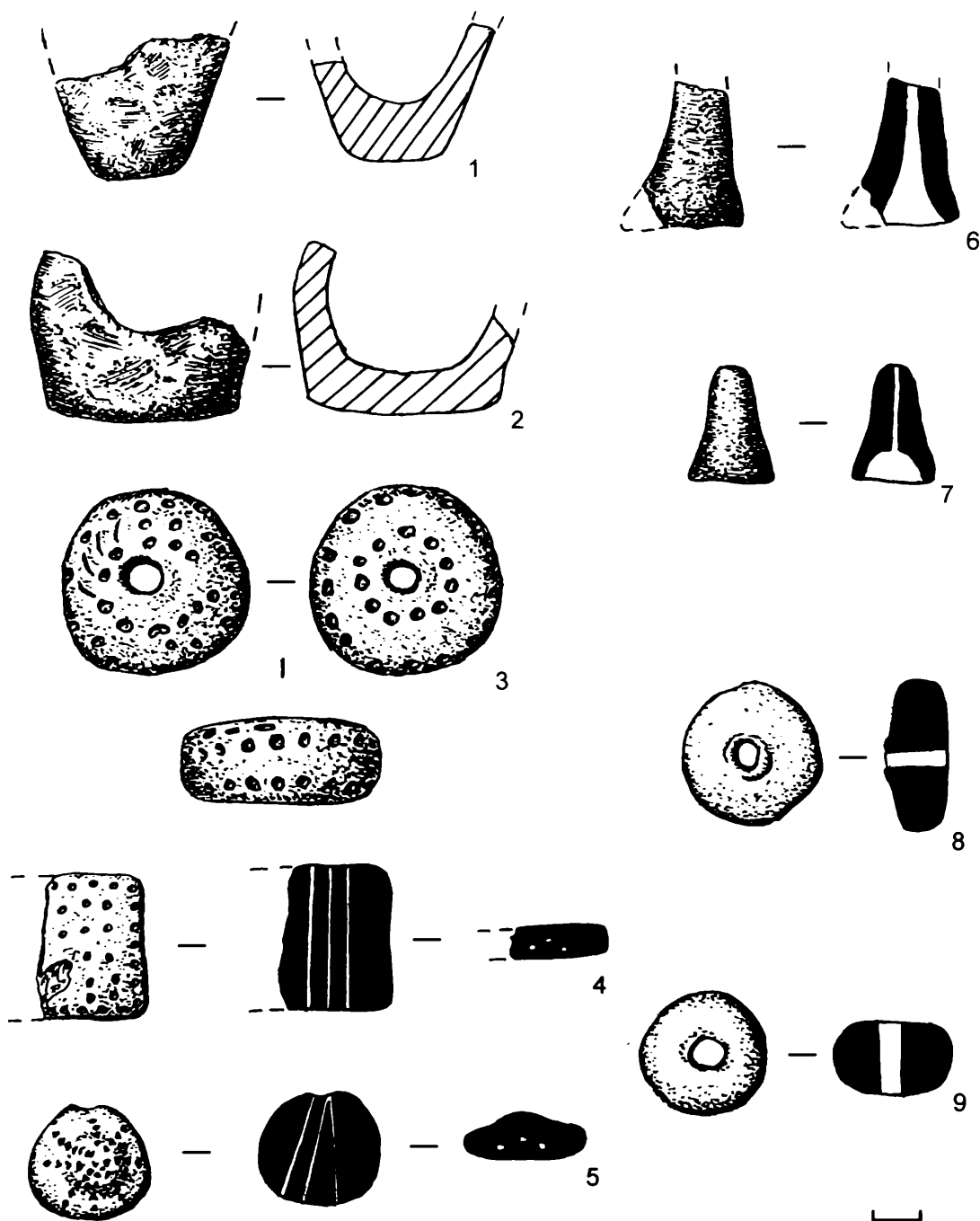

Рис. 3. Палецкое городище, керамические поделки.

1–2 – миниатюрные сосудики, 3 – орнаментированный грузик (пряслице ?), 4–5 – многоканальные бусины, 6–7 – колоколовидные бусины, 8–9 – грузики (бусы ?).

рапан после обжига (рис. 2: 7), второй экземпляр орнаментирован по сырой глине (рис. 3: 3).

Цилиндрические и блоковидные грузики еще А. П. Смирновым были определены в качестве одного из признаков городецкой культуры в рязанском ее варианте (Смирнов, 1952, с. 46). Заметим однако, что известковые грузики известны и в юго-восточной части дьяковской культуры, хотя и в небольшом количестве – на Ростиславльском городище их обнаружено не меньше 3 шт., еще несколько экземпляров керамические, причем один из них – блоковидный (Коваль, 1999,

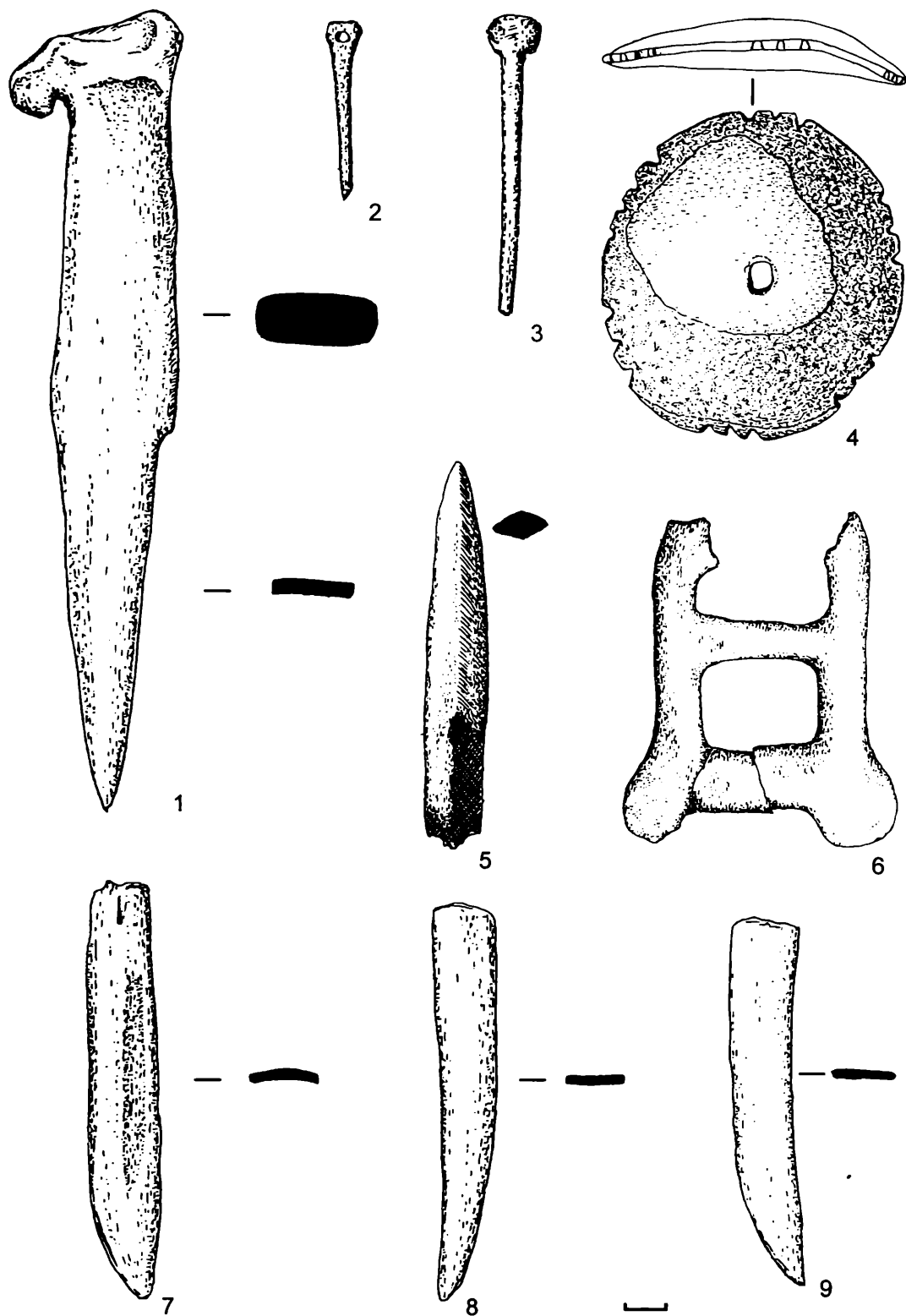

Рис. 4. Палецкое городище, костяные изделия.

1 – долотовидное орудие (?), 2–3 – проколки, 4 – грузик дьякова типа, 5 – наконечник стрелы, 6 – пряжка, 7–9 – костяные ножи. 4, 6 – рог, прочее – кость.

табл. 21, № 151; 2000, с. 27, рис. 2, 12). Керамический грузик цилиндрической формы найден на Протопоповском городище (Сыроватко, 1996). На Настасьинском городище найдена серия обломков грузиков из известняка, но форма их совершенно неопределима (Энговатова, 2001). На остальных дьяковских городищах юго-восточного Подмосковья подобные предметы пока не обнаружены.

Особое место в коллекции занимает роговой грузик дьякова типа, близкий типу 12г по типологии К. А. Смирнова (рис. 4: 40). Грузики типа 12г датируются VII–VI – IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1974, с. 96). Экземпляр с Палецкого городища довольно своеобразен, и не случайно А. Л. Монгайт назвал его «костяной бляхой с зазубринами по краям» (Монгайт, 1961, с. 44). Это определение переключало затем и более поздние публикации (АКР, с. 108). Между тем, близкие по форме грузики известны в ареале дьяковской культуры, в частности, на городище Круглица (Пимакин, 1956, фото 40: 2.). Еще один похожий экземпляр найден на Старшем Каширском городище (Городцов, 1933, рис. VII, 14), и один – на Мячковском (Настасьинском) (Энговатова, 2001). Все эти грузики по форме отличаются от грузиков типа 12г, описанного К. А. Смирновым, и представляется целесообразным выделить их в отдельный тип. Экземпляр с Палецкого городища интересен прежде всего тем, что это самая удаленная по Оке находка грузика дьякова типа.

В коллекции Палецкого городища есть также и два экземпляра ножей, относящихся к эпохе раннего железа. Серповидный нож (рис. 5: 6) отнесен К. А. Смирновым к типу 1, бытовавшему в течение I тыс. до н.э. (Смирнов, 1974, с. 37). Нож с горбатой спинкой (рис. 5: 5) имеет у вершины характерный уступ, сближающий его с серией ножей Щербинского городища (Смирнов, 1970, с. 175).

Из костяных предметов интересна пряжка с неподвижным язычком. Аналогий в дьяковском мире ей известно множество. Следует только отметить, что исследователи по-разному датировали эти предметы. Так, по мнению Х. И. Крис, костяные и роговые пряжки относятся ко времени около III – середины I в. до н.э., а согласно А. Ф. Дубынину, они находятся в употреблении до II–III вв. н.э. (Крис, 1970, с. 169; Дубынин, 1970, с. 29). К. А. Смирнов, напротив, удревняет время бытования костяных пряжек до VII–III вв. до н.э. (Смирнов, 1974, с. 46). Н. А. Кренке относит их к последним вв. до н.э., что, учитывая распространение таких пряжек в пьяноборской культуре, вполне оправдано (Кренке, 1987, рис. 88; Агеев, с. 43). Помимо пряжки, костяные изделия представлены костяными скребками или ножами – всего четыре экземпляра (рис. 4: 7–9), долотовидным орудием (рис. 4: 1) и обломками проколов (рис. 4: 2–3).

Наконечников стрел сохранилось два экземпляра, хотя их было больше (Монгайт, 1961, с. 44). Железная двушипная стрела учтена К. А. Смирновым, и датирована по дьяковским аналогиям первыми вв. н.э. (рис. 5: 4; Смирнов, 1974, с. 33, 34.). Сходным образом подобные стрелы датируют и остальные исследователи (Крис, 1970, табл. 10, Кренке, 1987, рис. 88–89). Костяная стрела видимо, более раннего времени (рис. 4, 5). Стрелы подобной формы и сечения пера известны в материалах Луговского могильника, Концегорского селища, где датируются VIII–IV вв. до н.э. (Збруева, 1952, табл. II; IX; XIX). По типологии К. А. Смирнова эта стрела может быть сопоставлена с типами 3–4 (Смирнов К. А., 1974, с. 30). На Троицком городище стрелы с ланцетовидной формой пера и ромбическим сечением найдены в основном в нижних слоях, датируемых примерно IV–I вв. до н.э. (Крис, 1970, табл. 10, с. 169). На городище были найдены костяные стрелы типов 1, 21, но в настоящее время их в коллекции нет (Смирнов К. А., 1974, с. 30, 32).

В материалах А. В. Дмитриевской сохранился железный предмет, назначение которого неясно (рис. 5: 9). По нашему мнению, это портупейный крюк. Подобный предмет из погребения I Веселовского могильника, но гораздо больших размеров, Г. А. Архипов считает блесной и относит ко второй половине XI в. (Архипов, 1973, рис. 64: 1, с. 66).

Из предметов мелкой глиняной пластики в коллекции есть две многоканальные бусины с орнаментом (разделители) и две колоколовидные бусины, а также

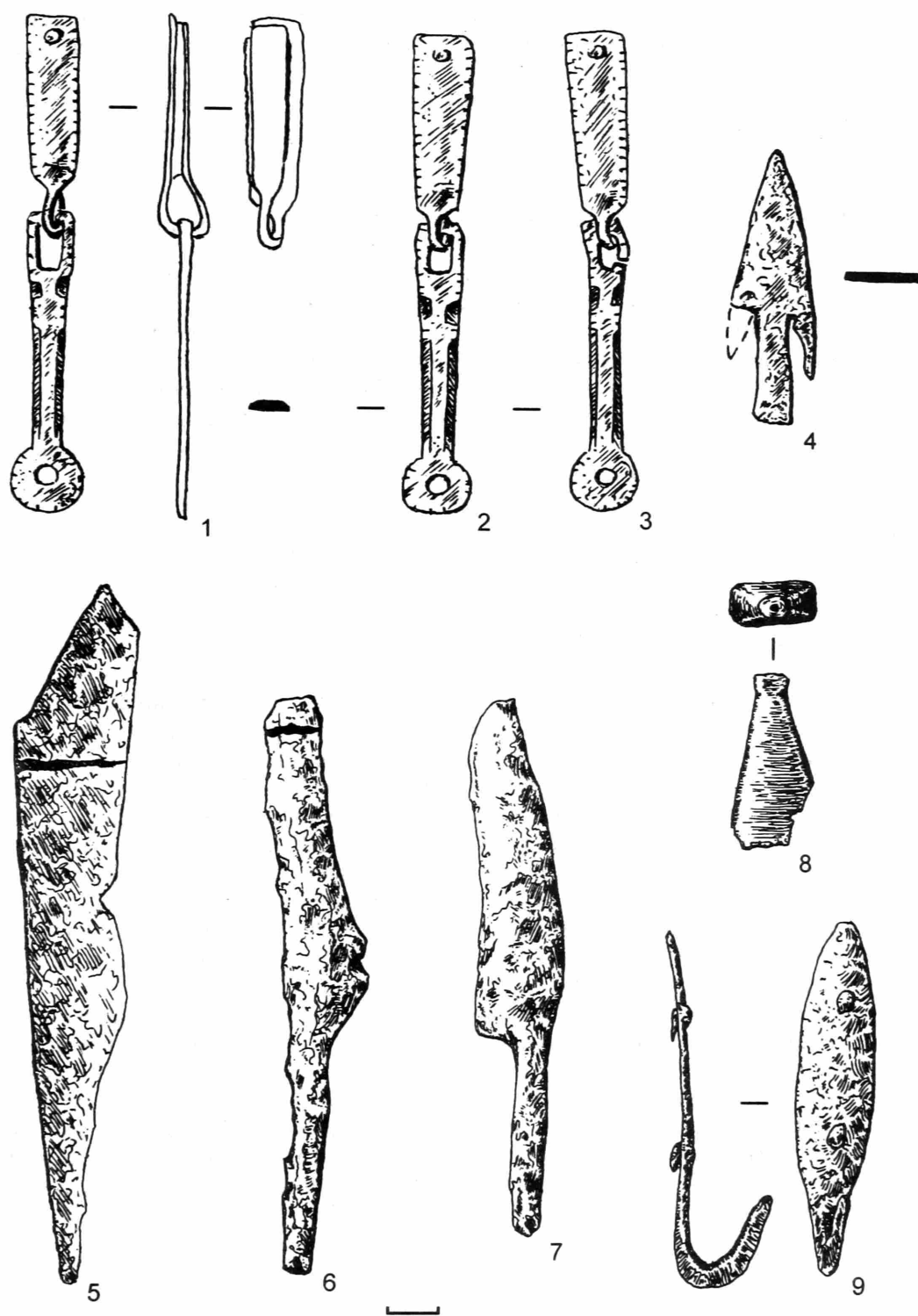

Рис. 5. Палецкое городище, металлические изделия.

1-3, 8 - бронза, прочее - железо.

фрагменты миниатюрных сосудов (рис. 3). Колоколовидные бусины К. А. Смирновым относятся к ранним этапам дьяковской культуры (Смирнов, 1974, с. 58). Многоканальные бусы, по материалам Дьякова городища, относятся, вероятно, к периоду V–III вв. до н. э. (Кренке, 1987, рис. 87; 1989, с. 79). Еще одна бусина – костяная, из эпифизной части кости.

Поясные подвески, или наконечники поясов, представлены тремя полностью сохранившимися экземплярами (рис. 5: 1–3). Между пластинами обоймы сохранилась кожа. Все три предмета выполнены в единой технике – вырезаны из пластин и украшены насечками, и производят впечатление одного поясного гарнитура. Предметы эти были известны И. Г. Розенфельдт, ею же собраны аналогии, которых немало и на дьяковских городищах, и в культуре рязано-окских могильников (Розенфельдт И. Г., 1982, рис. 26: 1, с. 111). Судя по тому, что рисунок в книге И. Г. Розенфельдт не совсем точен, она также использовала копии рисунков П. Н. Третьякова. На конце пластин, например, сделаны сквозные отверстия, и заклепок в них нет. Верхняя деталь выполнена в виде обоймы, а не пластины с крючком. По мнению В. Ю. Малашева, подобные детали поясов, прототипом которых послужила сарматская поясная гарнитура, следует датировать концом III – первой половиной IV в. н. э. (автор выражает признательность В. Ю. Малашеву за консультацию по данному вопросу).

Бутылочная подвеска является типом украшений, распространенных чрезвычайно широко в финской и балтской среде в течение второй половины I тыс. н. э. (Финно-угры и балты..., табл. XIX: 2–4; XXVIII: 24; XXXI: 12–14; XXXIV: 5, 6, 8; XXXIX: 1–3, 5; XLVI: 1; L: 2, 7, 10). Публикуемый экземпляр уплощен с боков, и точные аналогии автору неизвестны (рис. 5: 8; предмет, возможно, поврежден). К. А. Смирновым находка с Палецкого городища отнесена в выделенный им тип 14 – конические вытянутые с утолщением по краю отверстия (Смирнов, 1974, с. 51).

Все рассмотренные нами находки относятся к разным периодам дьяковской и городецкой культур. Самыми ранними могут быть грузик дьякова типа и костяная стрела, а также керамические бусы. Большая часть находок датируется, однако, концом I тыс. до н. э. – первой половиной I тыс. н. э. Таковы нож с «горбатой» спинкой, железная двушипная стрела, роговая пряжка, а также бляшка с петлей на обороте, типа 15 по К. А. Смирнову (Смирнов, 1974, с. 54). В коллекции она не сохранилась, но, судя по описанию, это известный тип, который относится к пьяноборскому времени. К этому же времени можно отнести и единственный известный фрагмент сетчатой керамики. Группа металлических украшений выделяется не только типологически, но и хронологически: все они скорее являются древностями рязано-окского типа.

Помимо находок, явно связанных с эпохой раннего железа и раннесредневековым финским населением, в коллекции присутствует разрозненный материал, относящийся к домонгольскому времени. Керамика с клеймами опубликована А. Л. Монгайтом (Монгайт, 1961, рис. 146). Из вещевых находок сохранились пряслица розового шифера, нож (рис. 5: 7), однопрорезной бубенчик, миниатюрная сюльгама. Эти предметы, скорее всего, происходят из раскопанных А. В. Дмитриевской курганов древнерусского времени, и к городищу не имеют отношения (Дмитриевская, 1937; АКР, 1997, с. 109).

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б. Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.
АКР, 1997. Археологическая карта России: Московская область. Часть 4. М.
Архипов Г. А., 1973. Марийцы IX–XI вв. М.
Дмитриевская А. В., 1937. Палецкие курганы // СА. Т. IV.
Дубынин А. Ф., 1970. Троицкое городище // МИА. № 156.
Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА. № 30.
Коваль В. Ю., 1999. Отчет за 1998 год // Архив ИА.

- Коваль В.Ю., 2000. Новые данные о Ростиславльском городище эпохи раннего железного века // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории г.Москвы. Вып. 10. Ч. 3.
- Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железный век и раннее средневековье. Канд. дисс. // Архив ИА. Р-2. № 2392.
- Кренке Н.А., 1989. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА. № 2.
- Крис Х.И., 1970. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // МИА. № 156.
- Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.
- Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Розенфельдт Р.Л., 1961. Отчет об обследовании состояния археологических памятников на территории Московской области в 1961 г. // Архив ИА. Р-1, № 2250.
- Савицкий М.Г., 1992. Отчет об охранных археологических исследованиях Коробчеевского городища Коломенского района Московской обл. в 1992г. // Архив ИА. Р-1, № 17097.
- Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА. № 28.
- Смирнов К.А., 1970. Железные изделия Троицкого городища // МИА. № 156.
- Смирнов К.А., 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // МИА. № 184.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура. // Дьяковская культура. М.
- Сыроватко А.С., 1999. Отчет о раскопках в Коломенском и Луховицком районах Московской области в 1998 году // Архив ИА. Р-1.
- Сыроватко А.С., 2000. К вопросу о хронологии текстильной керамики в устье Москва-реки // РА. №2.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1987.
- Энговатова А.В., 2001. Отчет о раскопках городища Настасьино в 2000 году // Архив ИА. Р-1.

ХРОНИКА

М. В. Александрова

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА В 1995–2000 ГОДАХ

Отдел археологии каменного века – самый молодой в стенах Института археологии РАН. Созданный в 1992 г. как Сектор палеолита и мезолита при Отделе неолита и бронзы, он с самого начала функционировал как самостоятельное научное подразделение, поэтому закономерно в конце 1994 г. был преобразован в Отдел. Заведующий Отделом со дня его основания – Х. А. Амирханов.

Идея объединения специалистов по каменному веку, работающих в Москве в Институте археологии в рамках единого отдела, принадлежала покойному директору Института В. П. Алексееву. Преобразование Ленинградского отделения Института археологии в Институт истории материальной культуры способствовало воплощению этой идеи в жизнь, поскольку Институт археологии лишился одного из своих ведущих подразделений – сектора палеолита, находившегося в Ленинграде. Так возник отдел.

В. П. Алексеевым Отдел задумывался как подразделение Института, в котором, помимо традиционной тематики, разрабатывались бы также палеоантропологическая и палеоэкологическая тематика. Однако Отдел стал скорее наследником своего первоначального названия (*сектор палеолита и мезолита*), нежели первоначальной идеи: резко ухудшившаяся экономическая ситуация не способствовала расширению научных исследований – вопрос о привлечении в Отдел специалистов естественных наук был снят. Отдел остался не обеспеченным и специалистами по основным разделам каменного века. Таким образом, жизнь внесла некоторые коррективы в первоначальные задачи, ставившиеся перед Отделом его создателями. В настоящее время основными задачами Отдела являются: организация исследований в области теории и практики археологии каменного века и обеспечение преемственности исследований путем подготовки молодых специалистов в лучших традициях отечественной науки. В современных нелегких для археологии условиях приобретает важность и задача сохранения уже созданного в Отделе научного потенциала.

Состав Отдела. В настоящее время в Отделе трудится 14 человек, из них двое «контрактников» – Е. В. Булочникова и А. В. Трусков (в момент создания – в 1995 г. – было 11 человек). *Научный состав:* пять докторов наук (Х. А. Амирханов, М. Г. Жилин, Л. В. Кольцов, С. В. Ошибкина, В. Я. Сергин), пять кандидатов наук (Е. В. Булочникова, К. Н. Гаврилов, М. П. Зими́на, Е. В. Леонова, А. Б. Селезнёв). *Должностной состав:* заведующий отделом (Х. А. Амирханов), два ведущих научных сотрудника (Л. В. Кольцов и С. В. Ошибкина), три старших научных сотрудника (М. Г. Жилин, М. П. Зими́на, В. Я. Сергин), шесть научных сотрудников (М. В. Александрова, Е. В. Булочникова, К. Н. Гаврилов, Е. В. Леонова, А. Б. Се-

лезнёв, А. В. Трусов), и. о. младшего научного сотрудника (С. Ю. Лев) и старший лаборант (И. Шелов-Коведяев).

Если количественный состав Отдела за прошедшие годы претерпел мало изменений, то качественный изменился существенно: появились два новых профессора (Л. В. Кольцов в 1998 г. и Х. А. Амирханов в 1999 г.), новый доктор наук (М. Г. Жилин) и два кандидата наук (Е. В. Булочникова и Е. В. Леонова).

За эти годы ушли из Отдела (и Института) научный сотрудник, антрополог Г. П. Романова и лаборант-исследователь И. Матюшкин. Приняты в Отдел по окончании аспирантуры Е. В. Булочникова, Е. В. Леонова, С. Ю. Лев.

Публикации. Несмотря на объективные трудности с реализацией научной продукции, сотрудники отдела довольно активно публикуются, поэтому можно сказать, что прошедшие шесть лет были для них годами плодотворного творческого труда: за эти годы опубликовано шесть монографий, один сборник, десятки статей. Общий объем печатной продукции составляет 215 печатных листов. Монографические работы представлены книгами Х. А. Амирханова «Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры» (1997) и «Зарайская стоянка» (2000), С. В. Ошибкиной «Веретье I. Поселение эпохи мезолита на севере Восточной Европы» (1997), Л. В. Кольцова и М. Г. Жилина «Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры» (1999), М. П. Зимин «Древнейшие могильники Валдайского приозерья»: Кончанский могильник (материалы) (1999) и Могильник Репище (2000), М. Г. Жилина «Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы» (2001).

Плановые темы определяют научное лицо отдела, пожалуй, даже больше, чем публикации. Спецификой научной проблематики Отдела, не всегда обращающейся преимущественно из-за нехватки специалистов одного узкого профиля, является ее многовекторность. Проблематика отражает весьма широкий спектр: наряду с традиционными – проблемами первоначального заселения и освоения территорий в каменном веке, типологическим анализом каменного инвентаря, изучением структуры жилищ и поселений, исследованием погребального обряда, присутствуют относительно новые направления: планиграфический анализ, технологический анализ костяной индустрии и охотничьего вооружения; также разрабатывается теоретическая и методологическая тематика.

В то же время основная часть научных разработок осуществляется в русле двух крупных тем: «Человек и природная среда в верхнем палеолите Русской равнины» и «Первоначальное освоение и начальные этапы культуры Северной и Восточной Европы». Первая тема – предмет исследования палеолитической группы отдела (Х. А. Амирханова, В. Я. Сергина, Е. В. Булочниковой, К. Н. Гаврилова, С. Ю. Лева, А. Б. Селезнёва, А. В. Трусова), вторая – мезолитической (М. Г. Жилина, Л. В. Кольцова, С. В. Ошибкиной, Е. В. Леоновой). Проблематику неолита в отделе представляет М. П. Зимина; вопросами методологии палеолитоведения занимается М. В. Александрова; вопросы каменного века Южной Аравии исследует Х. А. Амирханов; темы антропологической направленности разрабатывала Г. П. Романова.

За шесть лет сотрудниками отдела выполнено 16 плановых тем, общий объем которых составляет около 90 а. л.

В настоящее время в отделе идет работа над следующими темами в палеолитической группе: «Становление советской методики раскопок палеолитических поселений (основные идеи и понятия)» (М. В. Александрова), «Анализ элементов культурного слоя центральной части стоянки Авдеево-новое» (Е. В. Булочникова), «Каменный инвентарь Сунгирьской стоянки (классификация и распределение предметов со вторичной обработкой)» (К. Н. Гаврилов), «Каменный инвентарь Зарайской стоянки» (С. Ю. Лев), «Планиграфия продуктов первичного расщепления поселения Сунгирь» (А. Б. Селезнёв), «поселение (восстановление и анализ структуры)» (В. Я. Сергин), «Палеолитические памятники р. Оки» (А. В. Трусов); в мезолитической группе: «Мезолитические слои торфяникового поселения Ива-

новское 7» (М. Г. Жилин), «Многослойный памятник Репище (мезолитические и неолитические слои)» (М. П. Зимина), «Мезолит Великобритании и Ирландии» (Л. В. Кольцов), «Мезолитическая стоянка Авсерьгово 2» (Е. В. Леонова), «Могильники культуры веретье» (С. В. Ошибкина).

Заседания Отдела. Работа на научных заседаниях Отдела – одна из важных форм деятельности сотрудников. Ежегодно в отделе проводится около 20 научных заседаний (за шесть лет проведено 129), в которых, помимо сотрудников Отдела, регулярно принимают участие, в том числе выступают с докладами, коллеги из других подразделений Института, а также из других институтов и музеев (МГУ, ИИМК, Геологический институт, Институт географии РАН, ГИМ, Музей Востока, Институт культурного и природного наследия и др.). Тематика заседаний распределялась следующим образом: большинство из них отдавалось докладам по текущим плановым темам и обсуждению завершенных тем; значительное количество заседаний ежегодно посвящалось отчетам о полевых исследованиях экспедиций; научные доклады, не связанные с плановыми темами, представлялись преимущественно гостями отдела (особенно в 1995–1997); ряд заседаний было отдано информационным сообщениям*. О росте научного авторитета Отдела свидетельствует, на наш взгляд, тот факт, что в него на апробацию стали поступать диссертационные исследования из других институтов. Всего, с учетом аспирантов и соискателей за эти годы в отделе прошли апробацию десять диссертаций – две докторские и восемь кандидатских.

Гостями Отдела, выступавшими на его заседаниях с докладами, были Л. Д. Сулержицкий, Ю. Н. Грибченко, Г. П. Григорьев, М. В. Аникович, Л. В. Голованова, Н. О. Бадер, В. В. Сидоров, Н. Б. Леонова, Е. В. Миньков, А. Е. Кравцов, Ю. Г. Гурин, Е. В. Пономаренко, Г. Ю. Офман, Е. А. Спиридонова, А. В. Суворов, К. А. Днепровский, С. В. Гусев, А. В. Энговатова и др., а также заочные аспиранты и соискатели – М. Ш. Галимова, К. Э. Истомин, А. М. Жульников, А. А. Чубур, Н. Б. Ахметгалеева.

Экспедиции. Несмотря на отсутствие полноценного бюджетного финансирования полевых исследований, Отдел сумел поддержать работу пяти экспедиций: трех палеолитических и двух мезолитических, а также двух самостоятельных отрядов-экспедиций.

Все стационарные палеолитические экспедиции Отдела работают на Восточноевропейской равнине, на хронологически близких (по масштабам палеолита), однотипных верхнепалеолитических стоянках-поселениях открытого типа. Такая ситуация сложилась непреднамеренно. Однако преимущества исследований близких по культуре (исследуются памятники граветтийского круга), сходных по характеру объектов, структуре культурного слоя и другим параметрам стоянок, проводимых сотрудниками одного отдела, постоянно контактирующими между собой, не вызывают сомнений.

Зарайская палеолитическая экспедиция (начальник Х. А. Амирханов) как экспедиция Отдела существует с 1995 г. Исследует Зарайскую палеолитическую стоянку (Московская обл., г. Зарайск), открытую в 1980 г. А. В. Трусковым и им же раскопывавшуюся в течение ряда лет, проводит также археологическое обследование территории города и его окружи.

Научную ценность памятника определяет его принадлежность к кругу ярких памятников восточного граветта (Костёнки I, сл. I, Авдеево и др.), богатейший каменный инвентарь, прекрасная сохранность культурного слоя, в котором встречены не только каменные и костяные изделия, но и остатки сложных конструкций типа больших и малых ям, очагов, жилых сооружений, наконец, полихромность отложений, допускающая возможность тонких стратиграфических наблюдений. Исследования Зарайской стоянки последних лет позволили внести ряд существенных дополнений в геостратиграфию памятника, лучше понять динамику форми-

* Перечень докладов см. в Приложениях к годовым отчетам отдела (Архив ИА РАН).

рования культурного слоя и процессы, влияющие на его сохранность и трансформацию, поставить вопрос о многоэтапности существовавшего здесь палеолитического поселения, наконец, обогатить коллекцию памятника десятками тысяч каменных изделий.

Почти вся палеолитическая группа отдела (А. В. Трусов, М. В. Александрова, А. Б. Селезнёв, С. Ю. Лев, Е. В. Булочникова) в 1995–2000 гг. принимала активное участие в исследованиях Зарайской экспедиции.

Верхневолжская экспедиция была создана в Институте, в Отделе неолита и бронзы в 1959 г. Первоначально ею руководил Д. А. Крайнов, а позже (с 1993 г.) возглавил М. Г. Жилин. Как экспедиция Отдела археологии каменного века функционирует с 1995 г. Она проводит раскопки, в том числе охранные, на многослойных торфяниковых мезолит-неолитических поселениях Верхнего Поволжья: Становое 4 (Ивановская обл.), Ивановское 7 (Ярославская обл.), Озерки 5 (Тверская обл.), а также обследует Дубнинский и Сахтышский торфяники. За эти годы экспедицией завершены раскопки многослойного поселения Ивановское 7, обнаружены десятки новых памятников. Отобранные для исследования экспедицией памятники являются эталонными для изучения мезолита и неолита Восточной Европы: они надежно стратифицированы, хорошо датированы по радиоуглероду и пыльце, дают богатые коллекции изделий из камня и органических материалов. Большой интерес представляет собой многослойное торфяниковое поселение Становое 4. Памятник содержит три мезолитических и один ранненеолитический культурных слоя, отличительная особенность которых – хорошая сохранность органических материалов. В результате раскопок получены выразительные коллекции каменных, костяных и роговых изделий, относящихся ко времени разных этапов бутовской и йеневской культур. Становое 4 – древнейший из датированных естественно-научными методами памятник мезолита лесной зоны Восточной Европы.

Хотылёвская палеолитическая экспедиция (начальник – К. Н. Гаврилов) существует с 1993 г. Создана для проведения стационарных исследований на верхнепалеолитической стоянке Хотылёво II (Брянская обл.), также относящейся к кругу восточнограветтийских памятников. Стоянка была открыта и долгие годы исследовалась ныне покойным Ф. М. Заверняевым, который, как поначалу казалось, почти исчерпал культурный слой памятника. Однако новые раскопки убедили в том, что Хотылёво II таит в себе еще много неожиданного. Так, на считавшейся периферийной части памятника вскрыты и исследуются объекты (западина, группа преднамеренно уложенных и вертикально стоящих костей, скопление угля), возможно, относящиеся ко второму жилому участку стоянки. Несмотря на объективные трудности раскопок (культурный слой перекрыт мощной толщей отложений), они идут успешно. Новыми раскопками вскрыта площадь в 123 кв. м, собрана большая коллекция кремневых и костяных изделий. Принципиальное новшество раскопок в Хотылёво II – комплексный характер исследований памятника, в частности геолого-геоморфологические и палинологические работы, которые осуществляются в сотрудничестве с Институтом географии РАН.

Авдеевская палеолитическая экспедиция. С 1994 г. Отдел в лице Е. В. Булочниковой принимает участие в работах одной из старейших экспедиций ЛОИА/ИИМК – Института антропологии МГУ Авдеевской (начальники – М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев, с 1999 г. – Е. В. Булочникова). Экспедиция проводит многолетние стационарные исследования одного из ярчайших памятников восточного граветта – Авдеевской стоянки (с. Авдеево, Курская обл.). Работы финансируются за счет грантов РФФИ. Перспективная задача, которую ставят перед собой исследователи – вскрыть раскопками всю стоянку, т. е. изучить культурный слой на всей площади его распространения. В последние годы исследуется внежилищное пространство – часть стоянки между двумя жилыми площадками, условно называемыми Авдеево-старое (раскопки 1946–1949 гг.) и Авдеево-новое (раскопки 1972–1992 гг.). На этом периферийном и, как предполагалось, пустом участке

неожиданно обнаружился богатый находками и углистыми скоплениями культурный слой, отличающийся по некоторым параметрам, в том числе инвентарю, от основного слоя, что заставляет по-иному взглянуть на памятник и, с нашей точки зрения, делает вновь актуальной идею Г. П. Григорьева (позже им отброшенную) о хронологической неоднородности культурного слоя Авдеевской стоянки, отражающей двух(трех?)этапность существования поселения. Собранный на Авдеевском коллекция кремневых изделий насчитывает несколько тысяч предметов, среди орудийных форм отмечается увеличение числа микропластинок с притупленным краем.

Еще одна палеолитическая экспедиция Отдела с изменявшимся названием (*Среднеокская* – в 1996 г., *Окская* – в 1997 г., *Окский отряд* – с 1999 г.) проводит планомерные разведки палеолита в бассейне р. Оки и рекогносцировочные раскопки на обнаруженных памятниках (руководитель *А. В. Трусов*). Последние годы финансирование экспедиции осуществляет Музей истории г. Москвы.

В 1996 году производилась шурфовка на участке предполагаемой периферии Карачаровской стоянки (открыта *А. С. Уваровым*). В 1997 и 1999 гг. раскапывались верхнепалеолитические стоянки Шатрище 2 и Трегубово 2 (последняя – Зарайский р-н). Обе стоянки открыты *А. В. Трусовым*. В эти же годы шурфовались местонахождения плейстоценовой фауны у с. Лукьяново (Московская обл.) и у д. Стерлигово (Рязанская обл.), где были встречены кремневые изделия. В районе стоянки Шатрище 2 выявлено два новых местонахождения финального палеолита.

В 1996 г. в ходе разведочных работ Средневекового отряда Зарайской экспедиции (начальник – *И. Е. Зайцева*) было обнаружен новый двухслойный памятник Белый Колодец 1 (Московская обл., Зарайский р-н). С 2000 г. в Отделе начала функционировать *Окская мезолитическая экспедиция* (начальник *Е. В. Леонова*), которая после проведения в 1996–1999 гг. сотрудниками Зарайской экспедиции *А. А. Чубуром*, *А. Б. Селезнёвым* и *Е. В. Леоновой* шурфовки и рекогносцировочных раскопок в районе нового местонахождения приступила к стационарным раскопкам этого памятника Белый Колодец 1. Финансирование экспедиции осуществляется за счет гранта РГНФ. В результате работ 1996–2000 гг. на памятнике выявлено два горизонта залегания находок: верхний, содержащий смешанные материалы от начала I до конца II тыс. н. э., и нижний (погребенная почва) с материалами эпохи мезолита. Находки из мезолитического слоя представлены только изделиями из камня (в том числе топорами с перехватом, наконечником стрелы и др.), относящимися к иеневской культуре. К 2001 г. вскрыта площадь в 65 кв. м.

Преисторический отряд (начальник – *Х. А. Амирханов*) работает в составе Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН, проводящей раскопки в южном Йемене. В настоящее время отрядом проводятся раскопки на побережье Аденского залива, где исследуется группа разновременных поселений Аль-Набва и уникальный для данного района по своим размерам памятник в виде «раковинного телля» – многослойное поселение Гихейю. Важность исследований определяется тем, что разрабатывается относительно новое и перспективное для аравийской археологии направление, связанное с изучением поселений рыболовов и собирателей моллюсков эпохи неолита и бронзового века.

Сотрудники Отдела, не имевшие самостоятельных экспедиций, либо работали в экспедициях Отдела, либо принимали участие в экспедиционных работах других подразделений ИА или других научных учреждений. В качестве научного консультанта в экспедиции Тверского комитета по охране памятников работал *Л. В. Кольцов*, в качестве участников экспедиций – *В. Я. Сергин* (Хотылёвская, Костёнковская экспедиции), *А. Б. Селезнёв* (Зарайская, Сунгирьская, Московская экспедиции), *А. В. Трусов* (Зарайская, Старорязанская, Подмосковная экспедиции), *М. В. Александрова* (Зарайская, Авдеевская, Северо-Кавказская, Костёнковская экспедиции). *С. В. Ошибкина* в 1998–2000 гг. работала в Северной экспедиции Каргопольского музея научным консультантом, а в 2000 г. возглавляла ее.

Конференции. Среди многих международных, региональных, краевых, тематических и прочих конференций, в которых принимали участие сотрудники Отдела, нельзя не упомянуть семинар «Тверская земля и ее соседи в древности», ставший своеобразной Меккой для членов мезолитической группы: ежегодно на эту конференцию, вдохновителем и бессменным руководителем которой является сотрудник Отдела Л. В. Кольцов, отправляются все наши специалисты по мезолиту и неолиту. Столь же притягательны для членов палеолитической группы конференции, устраиваемые в альма-матер отечественного палеолитоведения – в секторе палеолита ИИМК. Так, почти вся палеолитическая группа участвовала в Конференции, посвященной 120-летию работ в Костёнках (Санкт-Петербург, 1999). Не были обойдены вниманием петербургские конференции памяти выдающихся исследователей палеолита С. Н. Замятнина, П. И. Борисковского (Санкт-Петербург, 1999, 2001).

Конференции справедливо считаются формой научной деятельности, наиболее эффективной для обмена идеями. В 1995–2000 гг. ни один сотрудник отдела не пренебрег таким живым научным общением, но бесспорными лидерами в этом виде деятельности являются М. Г. Жилин, активнее других участвующий в международных научных форумах, и С. В. Ошибкина.

Отрадно отметить, что сотрудники отдела способны не только принимать участие в конференциях, но и организовывать их. Так, выдающимся событием в жизни Отдела стала в 1997 г. организация, подготовка и проведение международного коллоквиума «Восточный граветт», в которой принял участие практически весь отдел. Инициатором международного форума выступила Комиссия № 8 по верхнему палеолиту Международного союза до- и протоисторических наук. Инициатива была поддержана Институтом археологии, РГНФ, Отделением истории РАН, Администрацией г. Зарайска, принявшей на себя тяжесть приема участников конференции в этом городе, но основная организационная работа все же легла на плечи сотрудников Отдела. К конференции были выпущены тезисы, а по материалам ее – сборник «Восточный граветт» (ред. Х. А. Амирханов. М., 1997. Объем – 31 п. л.). В значительной степени это коллективный труд сотрудников палеолитической группы, каждый из которых представил в сборник статью.

Аспирантура. В 1995–2000 гг. в очной аспирантуре при отделе обучались трое: Е. В. Булочникова (1994–1997 гг.; научный руководитель – Х. А. Амирханов), Е. В. Леонова (1995–1997 гг.; научный руководитель – Л. В. Кольцов) и С. Ю. Лев (1997–2000 гг.) (тема «Кремневый инвентарь Зарайской стоянки»; научный руководитель – Х. А. Амирханов). Два аспиранта обучались заочно: И. Э. Истомин (научный руководитель – Л. В. Кольцов) и А. М. Жульников (научный руководитель – С. В. Ошибкина). Все пятеро успешно закончили аспирантуру, четверо представили и защитили диссертации на звание кандидатов исторических наук. Трое очных аспирантов по окончании аспирантуры приняты в отдел.

Соискатели. В качестве соискателей в отделе проходили подготовку М. Ш. Галимова (научный руководитель – Х. А. Амирханов) и А. А. Чубур (научный руководитель – Х. А. Амирханов). Оба подготовили и защитили кандидатские диссертации. В настоящее время соискателями являются Н. Б. Ахметгалеева (тема: «Обработка кости и костяные изделия на стоянке Быки»; научный руководитель – В. Я. Сергин), К. А. Днепровский (тема: «Поселение Эквен»; научный руководитель – С. В. Ошибкина).

Защита диссертаций. За прошедшие шесть лет в отделе было защищено шесть кандидатских и одна докторская диссертация. Докторскую диссертацию на тему «Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы» успешно защитил сотрудник отдела М. Г. Жилин. Кандидатские диссертации защищены аспирантами отдела – Е. В. Булочниковой («Место костёнковско-авдеевской культуры в восточном граветте»), Е. В. Леоновой («Планиграфический анализ «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья»), А. М. Жульниковым («Энеолит Карелии»), К. Э. Истоминим («Классификация кремневых наконечни-

ков стрел эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы»), М. Ш. Галимовой («Памятники позднего палеолита и мезолита в устье р. Камы») и А. А. Чубуром («Расселение верхнепалеолитического человека в центре Русской равнины (географический аспект)»).

Н. В. Жилина

ОТДЕЛ СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1990-е ГОДЫ

В этой публикации представлен краткий очерк работы отдела славяно-русской археологии, начиная с 1990 г. В преддверии VI Международного Конгресса славянской археологии, в журнале «Российская археология» были опубликованы обзорные статьи по этой теме (Макаров, 1996; Чернецов, 1996).

Конец XX в. – это завершение значительного успешного этапа развития славяно-русской археологии. Итоговыми публикациями являются четыре «славянских» тома в серии «Археология СССР» («Археология»): Седов В. В. «Восточные славяне в VI–XIII вв. (1982); «Древняя Русь. Город, замок село» (1985); «Славяне и их соседи» (1993); «Древняя Русь. Быт и культура» (1997). Этапными итоговыми публикациями являются две фундаментальные монографии В. В. Седова, посвященные этнической истории славянства: «Славяне в древности» (1994); «Славяне в раннем средневековье» (1995). Подводит итоги многолетних исследований и продолжающееся издание выпусков «Археологической карты России». Международный симпозиум по славянской археологии в 1995 г. в Варшаве подвел итог за 30 лет со времени проведения I Международного Конгресса славянской археологии (Варшава, 1965) – (Седов, Чернецов, 1996; *Slavia antiqua*, 1996, 1997, t. XXXVII, t. XXXVIII). Проведение и публикацию материалов VI Международного Конгресса славянской археологии (Новгород, 1996 г.) также можно рассматривать как итог развития археологической славистики в восточноевропейских странах (Седов, 1997; Труды VI Международного Конгресса, 1997а; 1997б; 1997в; 1998; 1999).

До 1991 г. Отдел славяно-русской археологии возглавляла д. и. н. С. А. Плетнёва, а с 1991 г. – д. и. н. А. В. Чернецов. В 1991 г. из его состава выделились две самостоятельные исследовательские группы: Группа средневековой археологии кочевников евразийских степей (руководитель С. А. Плетнёва) и Группа арктической археологии (руководитель д. и. н. В. Ф. Старков).

В 1990 г. силами Отдела под руководством С. А. Плетнёвой был организован симпозиум «Древнерусская керамика». В нем приняли участие специалисты других отделов института и региональных научных учреждений. Прозвучали доклады, касающиеся как общей методики изучения и датирования керамики и принципов подхода к ней, как к археологическому источнику, так и конкретные исследования керамических комплексов ряда средневековых памятников.

В 1991 г. сотрудники Отдела работали в оргкомитете по подготовке учредительной конференции Российского археологического общества (председатель оргкомитета А. В. Чернецов). В проведении конференции приняли участие Н. А. Макаров, И. В. Исланова, Н. В. Жилина.

В 1993 г. под руководством А. В. Чернецова прошла конференция «Истоки русской культуры (археология и лингвистика)» (Чернецов, 1994), проведенная в

рамках инициативного проекта «Истоки национального своеобразия русской культуры (археологический аспект)» при финансовой поддержке РГНФ. Тематика докладов касалась этнической истории восточнославянской (древнерусской) народности (А. П. Моця, В. Я. Петрухин, В. В. Седов, Н. А. Макаров), духовной и материальной культуры (Т. Д. Авдусина, И. П. Русанова, Б. А. Тимошук, А. А. Плотникова, Т. А. Пушкина, В. А. Буров, А. А. Турилов, А. В. Чернецов, Е. Е. Левкиевская), роли христианства в древнерусской культуре (А. А. Медынцева, Г. К. Вагнер, Н. Н. Велецкая, Л. А. Беляев).

В ноябре 1994 г. в рамках работы над тем же проектом прошел Международный междисциплинарный симпозиум «Переход от язычества к христианству у славян» (Международный симпозиум... 1994; Жилина, 1995; Седов, 1995). Он был организован под эгидой Международной унии славянской археологии (МУСА), в нем приняли участие представители России и шести зарубежных стран: Бельгии, Германии, Македонии, Словении, Румынии, Украины. Проведение было подготовлено оргкомитетом из ученых Отдела под руководством И. П. Русановой. В симпозиуме участвовали также сотрудники Института истории материальной культуры и Института славяноведения РАН.

При открытии прозвучало приветственное слово академика Б. А. Рыбакова и заслушан доклад П. П. Толочко, касающийся общих проблем изучения язычества. Обобщению фактического исторического и археологического материала, связанного с язычеством, были посвящены доклады П. Корошец, М. В. Седовой, И. П. Русановой. Центральной темой симпозиума стала тема двоеверия и соотношения язычества и христианства, освещаемая на основании анализа погребальной обрядности и произведений искусства (Б. Бабиц, О. В. Белова, Л. А. Беляев, Л. Н. Виноградова, П. Донат, Н. В. Жилина, А. А. Медынцева, А. П. Моця, С. Олтяну, В. Я. Петрухин, В. В. Седов, А. В. Чернецов, Б. А. Тимошук, Н. Чаусидис,). Вводились в научный оборот и новые материалы (В. Д. Баран, Ж. Бланкоф). На симпозиуме проведено заседание Исполкома и Постоянного совета МУСА. Одним из важнейших стало решение о создании рабочей группы во главе с В. В. Седовым для организации VI Международного Конгресса славянской археологии в России. Ведущей организацией выступил Институт археологии РАН, основную организационную работу осуществили сотрудники Отдела.

Конгресс состоялся 26–31 августа 1996 г. в Новгороде. В этом крупнейшем научном форуме приняли участие более 300 ученых, более половины из-за рубежа; работало 13 секций по основным проблемам славянской археологии и проводились открытые столы. Информационный центр конгресса возглавлял Н. В. Лопатин. А. В. Чернецов выполнял обязанности ученого секретаря Национального комитета, а также – председателя одной из секций. Работой секций руководили также Л. А. Беляев, В. И. Кулаков, Н. А. Макаров, М. В. Седова. Секретарями секций и круглых столов были: И. О. Гавритухин, Н. В. Жилина, И. Е. Зайцева, И. В. Исланова, А. М. Обломский, З. М. Сергеева, Т. В. Сергина, Н. Н. Фараджева и С. В. Меснянкина (в то время аспирант Отдела). С докладами выступили, помимо уже упомянутых сотрудников: В. А. Буров, Г. Е. Дубровин, П. Г. Гайдуков, А. Е. Леонтьев, Ю. Ю. Моргунов, С. З. Чернов).

В ноябре 1997 г. при поддержке РГНФ была проведена конференция «Древнерусская культура в мировом контексте (Археология и междисциплинарные исследования) совместно Институт археологии и Российским государственным гуманитарным университетом. Председателем оргкомитета и руководителем проекта был А. В. Чернецов. С докладами выступили Л. А. Беляев, И. О. Гавритухин, Н. В. Жилина, А. Е. Леонтьев, Н. А. Макаров, А. М. Обломский, М. Д. Полубояринова. Конференция была посвящена проблематике, связанной с ролью России и ее культуры во всемирно-историческом процессе.

14–16 ноября 2000 г. оргкомитетом из состава Отдела (председатель А. В. Чернецов; Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль) при поддержке РГНФ была проведена конференция «Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?» Были опубликова-

ны тезисы докладов. В конференции приняли участие с докладами: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, М. В. Седова, И. Ю. Стрикалов, А. Е. Леонтьев, С. Д. Захаров, С. З. Чернов, Н. А. Кренке, М. Д. Полубояринова, В. Ю. Коваль, А. А. Медынцева, Н. В. Жилина, И. Е. Зайцева. Кроме того, в конференции участвовали сотрудники целого ряда других научных организаций Гос. Эрмитажа, Гос. Исторического музея, Московского гос. университета, Института археологии Национальной Академии наук Украины, Коломенского Нижегородского, Псковского и Ярославского педагогических институтов, Гос. центра по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской обл., Музея Московского Кремля, Музея-заповедника «Куликово поле», Тверского гос. университета; Тверского научно-исследовательского историко-археологического и реставрационного центра.

В составе Отдела уже не работают Б. А. Тимошук, З. М. Сергеева, В. Г. Миронova, А. В. Кропоткин.

Ушли из жизни Т. В. Равдина (1991), Г. Б. Фёдоров (1993), Г. К. Вагнер (1995), Л. А. Голубева (1996), И. П. Русанова (1998), Т. Н. Никольская (2001).

В последние годы научная работа Отдела проводится по следующим основным проблемам.

Археология средневековых городов: доктора исторических наук А. В. Чернецов, Л. В. Алексеев, М. В. Седова; вед. н. с. д. и. н. А. Е. Леонтьев, П. Г. Гайдуков; кандидаты исторических наук М. Д. Полубояринова, В. А. Буров, Н. В. Жилина, В. Ю. Коваль, Т. В. Сергина, Г. Е. Дубровин; научные сотрудники Н. Н. Фараджева, И. Е. Зайцева и И. Ю. Стрикалов.

Проблематику раннесредневековых древностей славян, финно-угров и балтов разрабатывают: доктор исторических наук В. И. Кулаков; кандидаты исторических наук А. М. Обломский, Н. В. Лопатин, И. В. Исланова, Ю. Ю. Моргунов, В. А. Буров, Р. Ф. Воронина; научный сотрудник И. О. Гавритухин.

Археологическими исследованиями отдельных регионов Древней Руси занимаются: член-корр. РАН Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев, В. А. Буров, И. В. Исланова, Ю. Ю. Моргунов и С. Д. Захаров.

Проблематика истории культуры Древней Руси отражена в исследованиях А. В. Чернецова, А. А. Медынцевой, М. В. Седовой, В. П. Даркевича, Н. В. Жилиной, И. Е. Зайцевой, С. С. Ширинского.

Созданием компьютерных баз данных и информационных систем занимаются С. Д. Захаров, Н. В. Лопатин, И. Е. Зайцева.

А. М. Обломский и Ю. Ю. Моргунов в настоящее время находятся в докторантуре Института.

В 1990-х гг. работал ряд научных экспедиций, возглавляемых сотрудниками Отдела, другие сотрудники принимали участие в иных экспедициях. Руководство Балтийской экспедицией осуществляет В. И. Кулаков. Проведены раскопки на территории Калининграда, обнаружены строительные горизонты с XIII–XIV вв. и позднее, изучались грунтовые могильники Доллькайм и Арнау, а также культовый комплекс IV–V вв. в Зеленоградском р-не. Большой интерес представляют конские захоронение X–XI вв. Возобновлены раскопки курганного могильника у пос. Моховое. Исследован курган с погребением воина-скандинава X в. В. И. Кулаков руководил также работами по изучению остатков деревянного судна у пос. Янтарный в Калининградской обл.).

А. Е. Леонтьев возглавляет Волго-Окскую экспедицию, проводящую систематические раскопки в г. Ростове, где изучаются слои XII–XIII вв. Работами Верхне-Мстинской экспедиции, работающей на территории Верхневолжья, руководит И. В. Исланова. Раскапываются поселения и другие памятники второй половины I тыс. н. э. Кроме того, И. В. Исланова принимала активное участие в раскопках и разведках на территории Твери.

М. В. Седова является руководителем совместной Владимирско-Суздальской экспедиции Института, Управления по реконструкции исторического ядра г. Вла-

димира и Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Во Владимире и Суздале изучены культурные слои XII–XIII вв., в Суздале в кремле исследованы палаты архиерейского дома XVI в. Под руководством Т. В. Сергиной работала Вяземская экспедиция. Проведены раскопки в г. Дорогобуже Смоленской обл., при этом пройдены слои XII–XVIII вв. Проводились также раскопки городища на р. Русятке и разведки по течению р. Вязьмы.

Н. В. Лопатин в 1999 г. возглавлял Изборскую экспедицию, работающую совместно с музеем-заповедником «Изборск», проводились охранные работы и раскопки кургана XI в. в могильнике Усть-Смолка 3. Он участвовал также в работах Деснинской экспедиции ИА РАН и Северо-Западной – Гос. Эрмитажа.

Левобережная раннеславянская экспедиция, работающая на территории Липецкой обл., возглавлялась А. М. Обломским. Изучались поселения Замятино IV–V вв. н. э., обнаружена мастерская костореза и получены новые материалы по изучению раннесредневековой культуры лесостепного Подонья. Проведены также разведки в бассейнах рек Сосны и Красивой Мечи.

В Новгородской археологической экспедиции принимали участие П. Г. Гайдуков, Г. Е. Дубровин, Л. И. Смирнова, Н. Н. Фараджева. В 1998 г. П. Г. Гайдуков осуществлял руководство работами на Троицком раскопе, изучались слои X–XI вв. В 2000 г. Н. Н. Фараджева и Г. Е. Дубровин приняли участие в работе Новоторжского отряда Новгородской археологической экспедиции. Г. Е. Дубровин являлся начальником Воздвиженского III раскопа. В качестве научного консультанта он также принял участие в экспедиции Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории (г. Екатеринбург) и Муниципального этнографического музейного комплекса г. Нижневартовска. Были обследованы остатки судна начала XIX в. на обской протоке Кирьяс.

Онежско-Сухонская экспедиция возглавляется Н. А. Макаровым, заместителем его является С. Д. Захаров, участником – И. Е. Зайцева. Были продолжены работы на Белом озере, раскопки поселений и могильников Минино и Владышнево на Кубенском озере в Вологодской обл. Изучаются как напластования XI–XIII вв., так и памятники более ранних эпох – мезолита, неолита, железного века. И. Е. Зайцева участвовала в работах Зарайской экспедиции Института, вела раскопки древнерусского Зарайска.

Ю. Ю. Моргунов руководил работами Посеймской экспедиции, совместной с Курским пединститутом. Он был начальником отряда Деснинской экспедиции Института и проводил охранные раскопки по линии газопровода Ямал – Европа 1. В. Ю. Коваль работал начальником Ростиславльской экспедиции Института и Музея истории г. Москвы. Проведены охранные работы на городище Ростиславль в Озерском р-не Московской обл., там же исследовано городище дьяковской культуры с интересными находками. Он же работал также в Серпуховском р-не Московской обл. в составе Деснинской экспедиции.

Старорязанская экспедиция возглавляется А. В. Чернецовым. В ней постоянно участвует И. Ю. Стрикалов в качестве заместителя начальника. В разные годы в экспедиции приняли участие Л. А. Беляев, Н. В. Жилина, И. Е. Зайцева, Ю. Ю. Моргунов. Раскопки проводились на Северном городище, возобновлено исследование руин Борисоглебского собора XII в. Найден уникальный комплекс женских головных украшений в погребении XI в. Продолжены исследования мало изученного ранее посада города на участке с влажным культурным слоем, где обнаружены деревянные объекты. В 1997 г. обнаружены фрагменты берестяной грамоты. Возобновлены раскопки палеолитической стоянки Шатрище 2. На городище проводились инженерно-геологические работы с целью восстановления исторического рельефа памятника.

В. А. Буров регулярно проводил разведки и раскопки в Тверской обл., а также возглавлял отряд археологической экспедиции Соловецкого музея. И. П. Русанова принимала участие в работе экспедиции Тернопольского музея, Б. А. Тимошук – в экспедиции Черновицкого университета (Украина).

В течение характеризуемого периода коллектив Отдела выпустил целый ряд монографий и тематических сборников.

В 1990 г. в Москве вышли монографии: В. И. Кулакова «Древности пруссов VI–XIII вв.»; Н. А. Макарова «Население русского Севера X–XIII вв.»; С. А. Плетнёвой «Половцы» и «Печенеги и торки на нижнем Дону»; Б. А. Тимошука «Восточно-славянская община». За рубежом была издана книга Г. К. Вагнера «Древние русские города».

В 1991 г. в Москве изданы монография И. Л. Кызласова «Древнетюркская руническая письменность Евразии» и совместная работа Т. В. Николаевой и А. В. Чернецова «Древнерусские амулеты-змеевики».

В 1992 г. опубликована монография А. В. Чернецова «Золоченые двери XVI в. Соборы Московского Кремля. Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме».

1993 г. ознаменовался выходом пяти монографий: Л. В. Алексеева «История белорусской археологии XV в.» (Минск); Г. К. Вагнера «В поисках истины»; В. П. Даркевича «Народная культура средневековья. Пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв.»; Н. А. Макарова «Русский Север. Таинственное средневековье»; М. Д. Полубояриновой «Русь и Волжская Болгария в X–XV вв.».

В 1994 г. издан совместный труд И. П. Русановой и Б. А. Тимошука «Языческие святилища древних славян». В коллективе соавторов книги «Великая Русь» – Д. С. Лихачева, Г. И. Вздорнова, Р. Г. Скрынникова – Г. К. Вагнер. А. В. Чернецов с А. А. Туриловым выпустили книгу «Древнерусская книжность». Кроме того, вышли книги П. Г. Гайдукова «Медные русские монеты XIV–XVI вв.» и В. П. Даркевича «Путешествие в древнюю Рязань».

В 1995 г. вышел ряд работ сотрудников Отдела, написанных в соавторстве: В. П. Даркевича (совместно с Г. В. Борисевичем) – «Древняя столица Рязанской земли», И. П. Русанова и Б. А. Тимошука – «Восточные славяне. От общины к городам», Л. А. Беляева и А. В. Чернецова – «Христианские древности средневековой Руси» (учебное пособие). В. И. Кулаков издал монографию «Пруссы».

В 1996 г. в Минске издана книга Л. В. Алексеева и Т. И. Макаровой (в соавторстве с Н. П. Кузмичом) «Крест – хранитель всея Вселенная», а также работа Л. В. Алексеева «Археология и краеведение Белоруссии в XVI – 30-х гг. XX в». Коллективную монографию выпустили И. О. Гавритухин и А. М. Обломский «Гапоновский клад и его историко-культурный контекст». Кроме того, в Москве вышла монография А. Е. Леонтьева «Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси», а в Курске – Ю. Ю. Моргунова «Древнерусские памятники поречья Сулы». В 1996 г. вышло учебно-методическое пособие А. В. Чернецова и Л. А. Беляева «Русские церковные древности (Археология христианских древностей средневековой Руси)».

В 1997 г. году вышли монографии И. В. Ислановой «Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья», Н. А. Макарова «Колонизация русского Севера» и М. В. Седовой – «Суздаль в X–XV вв.». В Новгороде опубликован биобиблиографический указатель, составленный П. Г. Гайдуковым, «Валентин Лаврентьевич Янин».

В 1997 г. по материалам одноименной конференции, проведенной в 1994 г., вышел в свет сборник статей «Истоки русской культуры (археология и лингвистика)». Ответственный редактор А. В. Чернецов. В сборнике опубликованы статьи В. А. Бурова, В. П. Даркевича, Н. В. Жилиной, С. Д. Захарова, А. А. Медынцевой, И. П. Русановой, Б. А. Тимошука, А. В. Чернецова.

В 1998 г. вышли монографии Ю. Ю. Моргунова «Посульская граница: этапы формирования и развития», П. Г. Гайдуков и В. Л. Янина «Актывыя печаті Древней Руси X–XV вв.» (Т. III), Л. В. Алексеева, Т. И. Макаровой и Н. П. Кузмича «Крест – красота церкви».

В 1999 г. вышел сборник статей «Древнерусская культура в мировом контексте», по материалам одноименной конференции (ответственный редактор

А. В. Чернецов). Опубликован биобиблиографический указатель «Валентин Васильевич Седов» (ответственный редактор А. В. Чернецов, автор вступительной статьи Н. А. Макаров, составитель Н. В. Лопатин).

В 2000 г. вышли монографии А. А. Медынцева «Грамотность в Древней Руси», Г. Е. Дубровина «Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода в X–XV вв.». Увидела свет научно-популярная книга В. И. Кулакова «Дорогами Ульмеридии». В 2001 г. вышла монография Н. В. Жилиной «Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование».

В 1996–2001 гг. вышло из печати 382 статьи сотрудников Отдела (общим объемом 245 а. л.), а сдано в печать – 347 статей (общим объемом 244 а. л.).

В 1997 г. по предложению Отдела состоялось успешное выдвижение в члены-корреспонденты РАН В. В. Седова и Н. А. Макарова. А. М. Обломскому присуждена государственная стипендия как выдающемуся ученому.

В 2000 г. А. Е. Леонтьеву за книгу «Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси» присуждена премия РАН имени И. Е. Забелина.

В 1998 г. Л. И. Смирновой защищена кандидатская диссертация «Косторезное ремесло средневекового Новгорода». В 1999 г. П. Г. Гайдуков защитил докторскую диссертацию «Младшие монетные номиналы средневековой Руси XIV–XVII вв.» В 2000 г. защищена кандидатская диссертация Н. В. Лопатыным «Культурные традиции населения Верхнего Поднепровья и Подвинья в III–V вв. н. э.»

Особое направление в современной славяно-русской археологии составляют исследования средневековой Москвы. Они осуществляются отдельным сектором (руководитель Л. А. Беляев). Результаты, достигнутые в полевых исследованиях города до 1995 г., отражены в специальной статье (Беляев, Векслер, 1996). Своеобразным итогом работ последних лет явились материалы к полной археологической карте Москвы, на основе которых планируется издать соответствующие выпуски Археологической карты России. Эта работа велась в рамках более широкой программы, разработанной совместно с Институтом географии РАН, кафедрой археологии Исторического факультета МГУ, Географическим факультетом МГУ, Центром археологических исследований Управления гос. контроля охраны памятников истории и культуры Москвы и другими коллективами. Она включает всестороннее исследование города с использованием современных методов естественных и точных наук, а также – смежных исторических дисциплин (И. А. Бойцов, Н. А. Кренке, С. З. Чернов).

Другим важным направлением работы сектора являются исследования церковной топографии, архитектуры и прикладного искусства древней Москвы. Л. А. Беляевым в 1996 г. издана монография «Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII веков», а в 1998 г. – учебное пособие «Христианские древности. Введение в сравнительное изучение». Сектор принял участие в проведении и организации конференции «Сакральная топография средневекового города» (январь 1998), а также в издании одноименного сборника (1998). Коллектив сектора готовит и издает сборник общеисторического содержания «Культура средневековой Москвы» (первый выпуск, посвященный XIV–XVII вв., вышел в 1995 г., второй XVII в.) В ознаменование 850-летия основания Москвы сотрудники сектора подготовили материал для специального раздела в журнале «Российская археология» (1996, № 3, 4; 1997, № 1–4).

В последние годы проводятся раскопки в Занеглименье (Н. А. Кренке, И. А. Бойцов), позволившие открыть комплексы от XII – начала XIII до XVII вв.; а также – регулярные работы экспедиции С. З. Чернова в окрестностях древней Москвы. Итогом работы коллектива сектора стали археологические главы и материалы, включенные в первый том «Истории Москвы с древнейших времен до наших дней» (М., 1997).

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л.А., Векслер А.Г., 1996. Археология средневековой Москвы. Итоги исследований 1980–1990-х гг. // РА. № 3.
- Жилина Н.В., 1995. Симпозиум «Переход от язычества к христианству у славян // Живая старина. № 1.
- Международный симпозиум, 1994. Международный симпозиум в Звенигороде // Археологический бюллетень. № 3 (19).
- Макаров Н.А., 1996. Древнерусская археология: 10 лет между киевским и новгородским конгрессом // РА. № 3.
- Седов В.В., 1995 Симпозиум «Переход от язычества к христианству у славян (Звенигород, 1994) // РА. № 4.
- Седов В.В., 1997. VI Международный Конгресс славянской археологии // РА, № 3.
- Седов В.В., Чернецов А.В., 1996. Симпозиум «Славянская археология в 1965–1995 гг. Опыт оценки и новые перспективы» // Живая Старина. № 2.
- Труды VI Международного конгресса славянской археологии, 1997а. Проблемы славянской археологии. М.
- Труды VI Международного конгресса славянской археологии, 1997б. Славянский средневековый город. М.
- Труды VI Международного конгресса славянской археологии, 1997в. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.
- Труды VI Международного конгресса славянской археологии, 1998. Общество, экономика, культура и искусство славян. М.
- Труды VI Международного конгресса славянской археологии, 1999. История и культура древних и средневековых славян. М.
- Чернецов А.В., 1994. Конференция «Истоки русской культуры (археология и лингвистика)» // Живая старина. № 4.
- Чернецов А.В., 1996. Славяно-русская археология в России. Специфика современной ситуации и некоторые перспективы // РА. № 3.
- Slavia antiqua, 1996. Т. XXXVII.
- Slavia antiqua, 1997. Т. XXXVIII.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 212. 2001 год.

Т. Д. Николаенко

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СВОДОВ И КАРТ В 1999–2001 ГОДАХ

Начиная с 1992 г., основным содержанием работы отдела является создание Археологической карты России (АКР). Эта работа, проводимая в соответствии с решением Ученого Совета Института археологии РАН, принятым в июне 1991 г., в финансовом отношении поддерживалась сначала Министерством науки и технической политики Российской Федерации, затем Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), с 1994 г. – Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ). У ее начала стоял Юрий Алексеевич Краснов, бывший заведующим Отделом с 1989 г. Им на базе несостоявшегося издания Свода памятников истории и культуры народов СССР, над археологической частью которого в течение многих лет работали сотрудники отдела, были разработаны структура и основные принципы нового издания. АКР – научно-справочный труд энциклопедического характера, главной составляющей которого являются статьи о памятниках археологии, расположенных на территории России. В них приводятся сведения о местоположении, топографии, истории исследования, размерах и характере культурного

слож, его современном состоянии, данные о важнейших находках и объектах, датировке и культурной принадлежности, месте хранения коллекции (для памятников, на которых велись раскопки), дается интерпретация, в том числе связь с населенными пунктами, упоминаемыми в письменных источниках, списки литературы и архивных материалов, содержащих информацию о памятнике. Научно-справочные статьи являются плодом кропотливой работы над уточнением зачастую противоречивых сведений, содержащихся в разных источниках, результатом осмысления их с позиций современной науки. Каждый выпуск АКР посвящен археологическим памятникам какой-либо области (некоторые области занимают два и более выпусков). Во «Введении» приводятся сведения о физико-географических особенностях региона, истории его археологического изучения, о выделенных там археологических культурах и характерных типах памятников, дается историко-археологический очерк, в котором на основе археологических материалов с привлечением данных письменных источников выявляется специфика исторического развития на данной территории. Каждый выпуск сопровождается археологическими картами, составленными по районам (по ним ведется и описание памятников), с крупномасштабными врезками, планами наиболее характерных и значительных памятников, рисунками и фотографиями вещей, планами и реконструкциями исследованных объектов, списками литературных и архивных источников, систематическим (по типам памятников) и хронологическим указателями.

Необходимость создания археологических карт, как базы для дальнейшего развития науки, осознавалась, начиная с середины XIX в. В XX в. были изданы археологические карты разного рода, в том числе по отдельным регионам и культурам. АКР – серийное издание, объединенное едиными структурными и описательными принципами. Это не только учет всех известных к настоящему времени памятников археологии, но и уточнение важнейших характеристик, дающих наиболее полное представление о них, а зачастую введение в научный оборот сведений или давно забытых, или не публиковавшихся ранее. Столь же велико значение издания для дела охраны памятников. К 1999 г. вышли из печати 15 книг серии АКР общим объемом около 250 учетно-издательских печатных листов, в которых приведены сведения о 9548 археологических памятниках девяти областей России: Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Курской (ч. 1), Московской, Рязанской, Орловской и Смоленской.

17 января 2000 г. умер Ю. А. Краснов. Это невосполнимая утрата для отдела. Юрий Алексеевич был не только блестящим ученым и организатором, осуществлявшим научное редактирование текстов, являвшимся автором ряда выпусков АКР и многих историко-археологических очерков к ним. Своей увлеченностью, самоотверженностью в работе, тактом и неизменной доброжелательностью он сумел объединить и увлечь новым делом коллег, многие из которых могут с гордостью называть себя его учениками.

15 марта 2000 г. заведующим отделом был единогласно избран и позднее утвержден Ученым Советом Института археологии РАН А. В. Кашкин, много лет проработавший в Отделе, являвшийся последние годы его ученым секретарем. В настоящее время в отделе работает девять сотрудников, среди которых четыре кандидата исторических наук.

За период с 1999 по 2001 г. вышли из печати три выпуска АКР, посвященные археологическим памятникам Костромской (автор-составитель К. И. Комаров), Тульской (ч. 1, коллектив в составе Ю. А. Краснова, Г. К. Патрик, московских и тульских археологов) и Курской (ч. 2, автор-составитель А. В. Кашкин) областей. В них помещены сведения о 2098 памятниках археологии. Общий объем выпусков – около 56 авторских листов. К концу 2001 г. подготовлена к изданию археологическая карта Тульской обл. (ч. 2, авторский коллектив, координатором и участником которого является Г. К. Патрик). Написаны и готовятся к печати: АКР: Краснодарский край. Темрюкский р-н, ч. 1 и 2 (Я. М. Паромов), Тверская обл., ч. 1 (Г. Г. Король, при участии московских и тверских археологов), Нижегородская

обл., ч. 1 (Т. Д. Николаенко). Продолжается работа над археологическими картами Ярославской (К. И. Комаров) и Тверской (ч. 2, В. С. Нефёдов) обл., а также археологической картой г. Москвы (Л. А. Беляев, Ю. А. Краснов, Н. А. Кренке и Б. Е. Янишевский). Начата работа над выпуском АКР, посвященном памятникам Белгородской обл. (А. В. Кашкин). Следует отметить, что издание АКР постоянно совершенствуется: увеличивается количество иллюстративного материала, крупномасштабные врезки даются на основе топографических карт. Научное редактирование проводится А. В. Кашкиным. В разработке карт с нанесенными на них памятниками принимают участие авторы-составители и Я. М. Паромов. Редактирование и, как правило, составление указателей осуществляется Н. В. Малиновской. В 2000 г. начата работа над новой серией АКР, основой которой являются археологические памятники отдельных культур. Первый выпуск (авторы-составители А. В. Кашкин и К. А. Смирнов) посвящен дьяковской культуре.

В дальнейшем планируется привлечение к участию в создании новых выпусков АКР авторов из других научных организаций. Эти выпуски базируются на разработанных в отделе принципах и осуществляются под общей редакцией А. В. Кашкина. Над археологической картой Ленинградской обл. работает старший научный сотрудник ИИМК РАН В. А. Лапшин. Второе, переработанное и дополненное издание археологической карты Калужской обл. готовят археологи г. Калуги О. Л. Прошкин и Г. М. Массалитина.

В связи с тематикой АКР сотрудниками отдела ведутся полевые работы в Темрюкском р-не Краснодарского края (Я. М. Паромов), в Ярославской обл. (К. И. Комаров), в систематических наблюдениях за культурным слоем в г. Москве участвует Б. Е. Янишевский.

По договоренности с Министерством культуры Российской Федерации отдел проводит рецензирование первичной учетной документации на археологические памятники (паспорта памятников), принимает заключения о постановке на государственный учет и охрану новых археологических памятников на основе присылаемых из Министерства списков. За последние три года на заседаниях отдела обсуждены и отрецензированы более двух тысяч комплектов первичной учетной документации. Продолжается формирование архива этой документации. Сейчас в нем насчитывается около 37000 единиц хранения. Начата работа по созданию базы данных и информационно-поисковой системы «Памятник», где будут размещены основные сведения о памятниках, паспорта которых находятся в архиве отдела.

Сотрудники отдела работают также над другими научными темами, некоторые из которых связаны с проблематикой АКР, некоторые соприкасаются с ней.

А. В. Кашкин в 1998–1999 гг. совместно с А. А. Узановым и С. А. Сычёвой (Института географии РАН) работали над проектом «Среднерусская возвышенность в древности и средневековье», поддержанным грантом РГНФ. Результаты этой работы были отражены в их совместных докладах на региональных научных конференциях в г. Ельце (1998 г.) и г. Липецке (1999 г.), тезисы которых опубликованы.

К. И. Комаров в 1999 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Археологическая карта России. Ивановская область». Он является ответственным редактором подготовленного к печати сборника «Труды археологов – ветеранов Великой Отечественной войны», для которого подготовил статью «Курганный могильник у д. Плешково (Тверская область), объемом 2 п. л. На конференции, посвященной истории Угличского Поволжья, проходившей в г. Угличе в 2001 г., выступил с докладом «Культовый камень в окрестностях г. Углича у д. Еросимово». В последние годы К. И. Комаров возглавляет Волго-Окскую археологическую экспедицию.

Г. Г. Король работает над темой «Традиции декоративного искусства в культуре народов евразийских степей в конце I – начале II тыс. н. э. (художественный металл)». В конце 1980-х – начале 1990-х гг. ею вместе с Л. В. Коньковой изучено более пяти тысяч образцов украшений воинского снаряжения всадника, деталей украшения оружия, одежды, амулетов VI–XI вв. из археологических коллекций

фондов музеев, вузов и НИИ более чем 70 городов бывшего СССР. На базе этого материала ведется работа по корреляции результатов исследования традиций декоративного искусства и традиций в обработке металла (химический состав и технология), целью которой является выявление особенностей и закономерностей культурных связей степных народов Евразии. Одновременно Г. Г. Король ведет работу по теме «Раннесредневековые евразийские бронзы. Декор и технология» (с 2001 г. при поддержке РФФИ по проекту № 01-06-80109). Декоративное искусство народов степной зоны Евразии в средневековье, как феномен народного художественного творчества – аспект этой темы, по которому исследовательница представила стендовый доклад на конференции по древнему ремеслу, проходившей в г. Ижевске в 2000 г., и подготовила для сборника по итогам конференции статью: «„Лейтмотив“ искусства кочевников от скифов до сельджукидов».

Н. В. Малиновская является редактором не только изданий отдела, но и трудов других подразделений института. В 1999 г. ею был отредактирован сборник «Институт археологии сегодня», в 2000 г. – Труды Отдела охранных раскопок «Практика и теория археологических исследований», вышедшие в 2001 г. В настоящее время Н. В. Малиновская работает над готовящейся в отделе книгой памяти Ю. А. Краснова «Археологическая карта России. Очерки археологии регионов».

Научные интересы В. С. Нефёдова связаны с археологией Верхнего Поднепровья и Подвинья в конце I – начале II тыс. н. э. Он является начальником Днепродвинского отряда Смоленской археологической экспедиции МГУ, где под его руководством проводятся раскопки Новосёлковского археологического комплекса (городище, селище, курганный могильник). В 1999–2001 гг. им опубликовано пять статей. В. С. Нефёдов принимал участие в шести конференциях, проходивших в Пскове, Москве, Минске, Лиссабоне, Архангельске.

Основное направление работы Я. М. Паромова – исследование античной системы расселения на Таманском полуострове. Начиная с 1980 г., он проводит систематические разведки на Тамани (в 1999–2001 гг. в составе Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК). В 1999–2001 гг. им опубликовано десять статей общим объемом 5,4 п. л. В 2001 г. Я. М. Паромовым сданы в печать работы: «Введение в археологию Таманского полуострова» (Издание Университета в Мюнстере, ФРГ, на немецком языке, объемом 3 п. л.) и семь разделов в том «Археология» под редакцией С. А. Плетнёвой: «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья», общим объемом 3 п. л. с пятью картами. В настоящее время Я. М. Паромовым разрабатываются три паспорта на комплексные памятники федерального значения – Таманское городище с некрополями, Фанагория с некрополями и Кепы с некрополями по договору ИА РАН с Комитетом по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей Краснодарского края. В 1999–2001 гг. Я. М. Паромов принял участие и выступил с докладами на пяти конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Мюнстере.

Б. Е. Янишевский работает над темой «Расселение славян в долине Москвы-реки в XI–XIII вв.» Им нанесены на карту М 1:200000 все известные памятники в долине Москвы-реки и некоторых ее притоков, выявлены особенности заселения этих территорий. Б. Е. Янишевским прочитаны доклады на конференциях в Твери, Лонгтруа (Франция), Звенигороде и сданы в печать статьи по их материалам: «Заселение Верхнемоскворецкого бассейна в XI–XIII вв. (на основе анализа археологических карт)», в том числе на французском языке, и «Возникновение Москвы и Звенигорода на основе анализа археологических карт». Он продолжил сплошное археологическое обследование Можайского р-на Московской обл., который служит основой для разработки базы данных и конкретных рекомендаций по охране археологических памятников на уровне района. Компьютерная база данных по району содержит сведения о 150 памятниках. Карты с нанесенными памятниками передаются в районную администрацию и земельный комитет для использования при землеотводах. По материалам работ в Можайском р-не Б. Е. Янишевским совместно с Н. А. Кренке опубликовано две статьи.

Памяти
Кирилла Алексеевича Смирнова

† 16. XI. 2001

16 ноября 2001 г. скоропостижно скончался Ученый секретарь Института археологии РАН, доктор исторических наук Кирилл Алексеевич Смирнов. Без преувеличений следует признать, что вся жизнь этого удивительного человека принадлежала науке.

С 1951 по 1987 гг. К. А. Смирнов активно участвовал в полевых археологических исследованиях, в 1965–1974 гг. руководил работами Вазузской, Московской и других экспедиций Института археологии. Автор более 120 научных публикаций, ученый внес значительный вклад в разработку различных проблем археологии и истории населения лесной полосы Восточной Европы в эпоху раннего железа. К. А. Смирнов принимал участие в работах Международных конгрессов финно-угроведов, во многих региональных конференциях и симпозиумах по финно-угорской тематике. Более 20 лет он успешно выполнял обязанности ученого секретаря Института археологии. Большое внимание К. А. Смирнов уделял и подготовке младшего поколения исследователей в области финно-угроведения.

Коллеги, друзья и ученики К. А. Смирнова с искренней скорбью прощаются с ушедшим ученым.

SUMMARY

Articles

The article by V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova, and L. S. Rozanova "Archaeo-metallography as a historical source (the results of blacksmith's production investigations in Russia in 1995–2000)" regards the progress in national archaeo-metallographic studies. The method is actively applied in the researches of ancient blacksmith manufacturing and provides valuable historical source.

A. A. Maslennikov's work "On the history of Uzunlar rampart in Eastern Crimea" presents the results of investigations carried on by East-Crimean expedition of the Institute of Archaeology, RAS. The excavations were undertaken according to the programme of complex investigations of ancient fortification walls in the Kerch peninsula. In northern part of the largest and most known Uzunlar rampart a small fort-tower was excavated. It was situated in some tens of metres eastward from the rampart's axis. For its walls' masonry stone and mudbricks were used, the walls were preserved well enough in their lower parts. The construction was practically square in shape and oriented to the cardinal points, its dimension measuring 11 to 12 m. The tower consisted of two rooms of approximately same size; numerous potsherds were found inside, first of all amphorae fragments. A small hoard of Bosporan copper coins dated from the Mithridates epoch should be mentioned, as well as sling missiles, fishing hooks, net-weights, clay spindle-whorls, and nails. The artefacts' date does not contradict that suggested proceeding from written sources, namely, the mid of the last quarter of the 1st c. BC.

The article by V. I. Kulakov and A. A. Valuev "Universal protective amulets of the 7th–9th centuries" discusses the fibula acquired by the Kaliningrad museum of history and art in 2001. It is a stray find representing cross-shaped fibula with four images of male face. The piece of art is a unique one among the antiquities of south-east Baltic area, but the analogies may be pointed to among the material from Central and South Europe of the Merovingian and Carolingian epochs. The earliest male masks are known on the crosses dated to the 7th c. from north Italy. The were cut of golden foil with scissors and sewed on burial garments. These artefacts are considered protective amulets combining Christian traditions and pagan ones of ancient Germans. The emergence of Langobardian crosses that were in fact protective amulets should be regarded as a reply of the German paganism to the start of Christian mission to the Langobardes. Similar interpretation is suggested for west-slavonic fibulae of Vorms type. One of them had reached ancient Sambia between 800–850 by the Amber road and became the prototype for the discussed fibula from the Kaliningrad museum.

The article by M. V. Sedova "The urban-type ornaments of the 10th–11th centuries from Suzdal and its neighbourhood" deals with precious adornments made of gold and silver well represented in ancient Russian hoards of the 10th–11th cc. The artefacts in question are the parts of princely and boyar attire. They include the ornaments decorated with filigree and granulation, such as temporal rings, pendants, finger-rings originating from the town of Suzdal and nearby sites: barrows on the Mikhailova side, Novoselki, Vasilkov, Ves', Gnezdilovo. These pieces of applied art represent the assemblages of družhina-type with pronounced features of Scandinavian culture.

In the article by V. A. Burov "On grey pottery of the 12th – early 14th cc. from the Varvarina gora hillfort" the author characterises a group of grey pottery dated from the 12th–14th cc. yielded by the excavations of the fortified settlement situated in the south of Novgorodan land. The total number of pots of individual shapes is 259, they

fall within 61 variants of profile outline. The grey pottery of Novgorodan land should be singled out into a specific group, similarly to that of the Moscow territory.

V. V. Sidorov in the work "Pitching the Neolithic vessels" has established that the coaly mass observed on the Neolithic vessels and black coating on their inner surface are not the remains of burnt food, but pitch deliberately used to reduce pottery hygroscopicity. According to experimental data, pitch coating could be obtained in two methods: dipping in melted pitch, typical of the Early Neolithic, and sublimation. Pitch was also used to mend cracked vessels put together, after that they remained suitable not only for storing, but for cooking as well.

Publications

The work by N. B. Chernykh and A. A. Karpukhin is entitled "Some results of dendrochronological analysis of wood samples from the excavations in Torzhok (according to the materials of Vozdvizhensky excavation areas)". The results of dendrochronological analysis of 366 samples of wood recovered during the archaeological excavations conducted at four Vozdvizhensky excavation areas in Torzhok are considered. The main attention was paid to the materials of the 12th–14th cc. represented by 232 samples with established chronology. The analysis of building timber age and its dendrochronological characteristics has been carried out basing on this selection. Chronological distribution of 33 buildings with established dates is presented, as well as the chronology of their renovations. Three periods of building activity during 1150–1250 are revealed proceeding from these data.

In the publication by O. M. Oleinikov "On the location of wheel-made pottery producing centre in the Tver' region of the Volga basin" the author differentiates between the wheel-made pottery originating from the sites dated to the 10th–13th cc. Several groups are singled out, the results of petrographic analyses are published. Final conclusion is suggested, that each settlement was supplied with pottery made in different producing centre.

V. Yu. Koval in the article "A settlement in the Osetr river estuary near Kolomna" gives a description of a stratified settlement situated on the right bank of the Oka river that was practically destroyed by a quarry. The remains of open settlements dated from the Early Iron Age (the late 2nd – 1st mill. BC) were discovered there, as well as medieval ones of the 8th–9th – 12th cc. The latter site is regarded as one of the earliest Slavic settlements on the Middle Oka. The author claims that the hypotheses that located there the towns of Osetr, or Novgorodok are insufficiently grounded: in fact, a large open settlement existed in that place. Some finds may be interpreted as the evidences of contacts (or continuity) of Slavic migrants with the native population.

I. V. Islanova's work "The archaeological assemblage of Nikulkino on the Mozhitsa river, Tver' region" deals with the archaeological investigations of a medieval ground cemetery. Its characteristic feature is total absence of grave goods and varied orientation of the dead. The skeletons were underwent anthropological analysis; its results are presented in the next publication.

The publication by A. P. Buzhilova and N. N. Goncharova "The material on physical anthropology from Nikulkino" is based on the material yielded by I. V. Islanova's excavations of Nikulkino-2 cemetery in Tver' region. The series studied is characterized by abnormal prevalence of infant and juvenile age groups, while among the adults women are practically absent. The selection is evidently not representational. Nevertheless, high concentration of infant burials, as well as their regular age profile permit to assume that the material under discussion represents a short chronological period. The evaluation of various stress indications, such as traumas frequency, describes the group's life as troubled and uncomfortable. Other indications produce the reconstruction of basic diet as consisting of low-calorie fibrous carbohydrate food. Prolonged breast-feeding typical of the group is also an indirect evidence of

the population unsound nutrition. Possibly, some infection circulating within the group was the cause of mass infant death, starvation and malnutrition also cannot be excluded. Evidently, low level of immunity status observed in the most of the tested skeletons could not withstand the effect of environmental negative factors.

The publication by A. S. Syrovatko "The collection of finds from the Paletsy fortified settlement in the Zarsk museum of local lore" gives an idea on the artefacts originating from the excavations carried out in 1926 by A. V. Dmitrievskaya at the Paletsy hillfort and preserved in Zarsk. The site is situated on the Voblya river inn Lukhovitsy district, Moscow region. It the borderline between two archaeological cultures of the Early Iron Age – D'yakovo and Gorodets ones. The typical repertoire of finds includes pyramid-shaped net-weights, clay and stone loom-weights, iron knives, metal belt-tips, iron and bone arrowheads, bone belt-buckles, clay beads and so forth. These objects characterize the site's material culture as a blend of D'yakovo and Gorodets entities.

Chronicle

This part of the issue includes informational articles by M. V. Aleksandrova "The Stone Age department of the Institute of Archaeology in 1995–2000", N. V. Zhilina on the activity of the department of Slavic and medieval archaeology, and by T. D. Nikolaenko "The department of archaeological maps and material coding in 1999–2001".

Translated by L. I. Aivilova

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов. Псков.
АКР – Археологическая карта России. М.
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ГИМ – Государственный исторический музей. М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА – Институт археологии РАН.
ИАК – Известия Археологической комиссии. СПб.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб., М.
РА – Российская археология.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
СА – Советская археология.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>В. И. Завьялов, Л. С. Розанова, Н. Н. Терехова.</i> Археометаллография как исторический источник (итоги изучения кузнечного ремесла в России за 1995–2000 годы)	3
<i>А. А. Масленников.</i> К истории Узунларского вала в Восточном Крыму	7
<i>В. И. Кулаков, А. А. Валуев.</i> Европейские универсальные обереги VII–IX веков	17
<i>М. В. Седова.</i> Украшения «городского типа» X–XI веков из Суздаля и его округи	23
<i>В. А. Буров.</i> О серой керамике XII – начала XIV века городища Варварина Гора	33
<i>В. В. Сидоров.</i> Смоление неолитических сосудов	40

Публикации

<i>Н. Б. Черных, А. А. Карпухин.</i> Некоторые результаты дендрохронологического анализа образцов древесины из раскопок в Торжке (по материалам Воздвиженских раскопок)	43
<i>О. М. Олейников.</i> К вопросу о месте производства круговой керамики Тверского Поволжья	50
<i>В. Ю. Коваль.</i> Поселение в устье Осетра близ Коломны	59
<i>И. В. Исланова.</i> Археологический комплекс Никулкино на реке Мажице в Тверской области	68
<i>А. П. Бужилова, Н. Н. Гончарова.</i> Антропологические материалы из могильника Никулкино	74
<i>А. С. Сыроватко.</i> Коллекция Палецкого городища из фондов Зарайского краеведческого музея	81

Хроника

<i>М. В. Александрова.</i> Отдел археологии каменного века в 1995–2000 годах	90
<i>Н. В. Жилина.</i> Отдел славяно-русской археологии в 1990-е годы	96
<i>Т. Д. Николаенко.</i> Отдел археологических сводов и карт в 1999–2001 годах	102
Памяти Кирилла Алексеевича Смирнова	106
Summary	107
Список сокращений	109